

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

МОСКВА
МАКС Пресс
2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Филологический факультет

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Сборник научных статей

МОСКВА – 2025

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

П68

<https://elibrary.ru/kuswko>

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Редколлегия сборника:

Е.В. Петрухина – д-р филол. наук, *А.В. Уржа* – д-р филол. наук
О.А. Остапчук – канд. филол. наук, *Г.А. Филатова* – канд. филол. наук

Рецензенты:

О.И. Дмитриева – д-р филол. наук, доцент (СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского)
М.Ю. Сидорова – д-р филол. наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке : Сборник научных статей / Отв. ред. А.В. Уржа, Г.А. Филатова. – Москва : МАКС Пресс, 2025. – 184 с.
ISBN 978-5-317-07474-6
<https://doi.org/10.29003/m4969.978-5-317-07474-6>

В сборнике представлены статьи, отражающие проблематику докладов всероссийской научной конференции с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке», которая состоялась 15–16 ноября 2024 г. на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. В центре внимания авторов статей – прагматические и дискурсивные возможности русского глагола, обусловленные тесным взаимодействием лексики, словообразования и грамматики в разных типах текстов. Представлены новые результаты в сфере изучения грамматических категорий вида, залога, времени, системы причастий и деепричастий, а также целого ряда смежных словообразовательных категорий и синтаксических конструкций русского языка, в синхронии и диахронии, с привлечением данных диалектов, славянских и неславянских языков.

Ключевые слова: лингвистика, прагматика, глагол, глагольные категории, русский язык.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

*Сборник подготовлен в рамках научного проекта
«Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке
в сопоставлении с другими славянскими и английским языком», реализуемого при поддержке
гранта Российского научного фонда № 23-18-00260*

ISBN 978-5-317-07474-6

© Авторы статей, 2025

© Филологический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2025

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

I. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ И МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛА

<i>Петрухина Е.В., Остапчук О.А.</i> Новые исследования русского глагола в прагматическом, дискурсивном и сопоставительном ракурсах	5
---	---

II. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ, ДЕРИВАТОВ И ФОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

<i>Чернейко Л.О.</i> Прагматический потенциал вторичных предикатов	27
---	----

<i>Грекова О.К.</i> Сериальные глагольные конструкции и прагматический потенциал совершенного вида русского глагола: легкое действие, самопроизвольное действие	37
---	----

<i>Роцектаева Т.Г.</i> Дискурсивные функции морфологических форм повелительного наклонения глагола в сложносочинённых предложениях с союзом <i>а</i>	45
--	----

<i>Ничипорчик Е.В., Воронич Е.А.</i> Метафорические сценарии отображения ситуации начала бытия в русских глагольных предложениях	53
--	----

<i>Бубен А.В.</i> Нарративные стратегии и глагольный вид в авторском литературном письме	66
---	----

<i>Оганесян Г.С.</i> Парное варьирование форм однокоренных глаголов как способ описания переживаний в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	75
--	----

<i>Суровцева Е.В.</i> Русский глагол в современных житиях (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии)	80
--	----

<i>Суркова М.В.</i> Глаголы семантического подмножества «Познание, узнавание, изучение, обладание знаниями»: семантический и прагматический потенциал их морфологических характеристик (на материале текстов из учебников русского языка для 5 классов)	84
---	----

<i>Милованова М.С.</i> Грамматическая семантика предикативных форм отглагольных существительных	92
<i>Кормилицына М.А., Дегальцева А.В.</i> Семантическая и прагматическая специфика отглагольных именных и наречных дериватов в современном русском языке	100
<i>Завтрикова П.С.</i> Семантическая организация глагольных предложений с посессивной детерминацией пространства	107
III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ, ДЕРИВАТОВ И КОНСТРУКЦИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ, ДИАЛЕКТНОЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
<i>Мызников С.А.</i> Каузативность в русском языке и каузативные глаголы в народных говорах	115
<i>Ананьева Н.Е.</i> Категория возвратности в польском и русском языках	128
<i>Мишина Е.А.</i> Развитие прагматических функций у отрицательного императива в истории русского языка	134
<i>Крючкова О.Ю.</i> Прагматические и семантические функции синонимической глагольной полипрефиксации в древнерусском языке	144
<i>Петрухина А.В.</i> Прагматический потенциал глагольных форм с частицей бы (на материале эпистолярных текстов XVIII в.)	153
<i>Чекалина Е.М.</i> Прагматический потенциал русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа и их перевод на английский и шведский язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	164
IV. ПРИЛОЖЕНИЕ	
Авторы выпуска	172
Программа конференции 15–16 ноября 2024 года	176

I. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ И МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ПРАГМАТИЧЕСКОМ, ДИСКУРСИВНОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ РАКУРСАХ¹

Е.В. Петрухина

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,

О.А. Остапчук

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

NEW RESEARCH ON RUSSIAN VERB IN PRAGMATIC, DISCURSIVE AND COMPARATIVE PERSPECTIVE

E.V. Petrukhina, O.A. Ostapchuk

Abstract: This review-analytical article explores the scholarly ideas and outcomes of the conference “The Pragmatic Potential of Verbal Categories in the Russian Language” held at Lomonosov Moscow State University. It examines grammatical verbal categories such as aspect, tense, mood, and voice, as well as non-finite verb forms and a range of related word-formation categories and syntactic constructions. These include modes of verbal action, reflexive derivatives, deverbal nouns, actant derivation, reflexive and serial constructions, along with the lexical semantics of verb groups and individual verbs. The discussion is framed through anthropocentric mechanisms of interpreting extralinguistic reality and considered from a comparative angle.

Keywords: verb; pragmatics; Russian; Slavic languages; discourse.

Аннотация: В данной обзорно-аналитической статье рассматриваются научные идеи и результаты проведенной в МГУ имени М.В. Ломоносова в ноябре 2024 года конференции «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке». Анализируются грамматические глагольные категории вида, времени, залога и ряд смежных форм, словообразовательных моделей и синтаксических конструкций: причастия и деепричастия, способы глагольного действия, рефлексивные дериваты, отглагольные существительные, актантная деривация, возвратные и сериальные конструкции, а также лексическая семантика групп глаголов и отдельных глаголов. Данная проблематика представлена с точки зрения антропоцентрических механизмов интерпретации внеязыковой действительности.

Ключевые слова: глагол; прагматика; русский язык; славянские языки; дискурс.

¹ Исследование осуществлено за счет гранта РНФ 23-18-00260 «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком».

1. Когнитивно-дискурсивная, прагматическая и деривационная проблематика в исследованиях русского глагола

Всероссийская конференция с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке», организованная на филологическом факультете МГУ кафедрой русского языка в середине ноября 2024 г., послужила новым этапом осуществления научного проекта, поддержанного грантом РНФ «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»², подтвердив актуальность выбранного в данном проекте направления изучения русской грамматики и словообразования.

В рамках данного проекта и проведенной на его научной базе конференции функции категорий, форм, дериватов и синтаксических конструкций русского глагола рассматриваются в различных типах дискурса с точки зрения их прагматики. Такой подход способствует выявлению и изучению новых данных о роли глагольных категорий вида, времени, наклонения, залога, лица, а также неличных форм и аспектуальных, возвратных и др. дериватов в построении разного типа текстов и выражении интерпретации обозначаемых ситуаций. Широкая, но при этом системная антропоцентрическая стратегия изучения русского глагола поддерживается когнитивным направлением в лингвистике: прагматический потенциал глагольных форм и дериватов может быть изучен лишь с учетом выражаемой ими интерпретации обозначаемых событий и переработки ранее полученных и зафиксированных в языке знаний о мире.

Заявленное в названном проекте и представленное в программе конференции сравнение с другими языками, в том числе активное использование параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и национальных корпусов других языков и параллельных текстов оригиналов и переводов произведений художественной литературы, способствует изучению особенностей прагматических функций и употребления глагольных форм и дериватов в русском языке на фоне других языков. В докладах конференции русский язык сопоставлялся с другими славянскими языками – чешским, польским, украинским, сербским; а также с английским, шведским и осетинским языками. Большое внимание при этом уделяется иерархизации диктумного и модусного планов высказывания и текста, роли фокуса внимания в оформлении первого плана и фона повествования, а также прагматическим моделям воздействия на читателя.

Обоснованный выше прагматико-дискурсивный подход к изучению глагола реализуется также в исследованиях разнообразных функций глагольных категорий и форм в отдельных языках. Это подтверждает тематика докладов и написанных на их основе статей данного сборника: представлен, помимо

² См. сайт гранта: <https://slavverb.philol.msu.ru/>.

сопоставительного, и монолингвальный анализ русского литературного дискурса (XVIII–XXI вв.), текстов учебников, современной публицистики (с использованием данных НКРЯ), а также русских диалектов и разговорной речи.

Отметим соответствие тематики двух пленарных заседаний (пленарные доклады отмечены в тексте обзора) и пяти секций конференции, посвященных прагматике глагольных категорий в русском языке (в сопоставлении с другими языками), функционированию русских глагольных форм в диахронической и диалектной перспективах, прагматическим стратегиям при деривации глагольных форм, дискурсивным функциям форм русского глагола в современных текстах, функциональной специфике неличных форм и глагольных конструкций.

Таким образом, в центре как проведенной конференции и статей данного сборника, так и связанного с конференцией упомянутого исследовательского проекта находятся фундаментальные научные проблемы русистики и славистики: роль глагольной деривации в интерпретации обозначаемых ситуаций с позиций антропо- и эгоцентризма и организации нарративных текстов, система дискурсивных функций видо-временных и залоговых глагольных форм, когнитивно-дискурсивный потенциал актантной деривации и неличных форм глагола, связь различных видов глагольной деривации с конструированием разных типов дискурса и др.

В следующих разделах данного аналитического обзора на материале докладов конференции и написанных на их основе статей будут рассмотрены в контексте современных лингвистических исследований вопросы изучения дискурсивно-прагматического потенциала категорий вида, времени, наклонения, залога, лица, модальности, неличных форм глагола, возвратной и именной деривации и др.

2. Дискурсивно-прагматический потенциал глагольных категорий, дериватов и форм в русском языке (в сопоставлении с другими языками)

2.1. Аспектуальная деривация, категории вида, времени и наклонения.

Функции категорий вида и времени в докладах и статьях данного сборника рассматриваются в нескольких ракурсах – как с точки зрения прагматики, так и в ракурсе нарративных стратегий повествователя, а также в связи с определенными типами дискурса.

Такой подход позволил выявить и исследовать новые прагматические функции категории вида. Так, О.К. Грекова в докладе и статье, сосредоточившись на функциях глаголов совершенного вида (СВ) в разговорном дискурсе, мало изученных ранее, выявила и проанализировала употребление СВ в особых конструкциях, выражающих представление говорящего о легкости совершения действия. Речь идет о сериальных глагольных конструкциях с двумя глаголами, описывающими единое событие и функционирующими как единый предикат, например: *пошел принес воды, пойду принесу воды,*

пойди принеси воды; возьму и заберу, взял и забрал, возьми и заberi; раз и откроют и др. Ср.: *Все мучились с замком и говорили, что починить невозможно, а он пошёл наладил. Смотрите, пандемия закончится, удалёнку легко **возьмут и отменят**. В чем здесь сложность? Сами эти виджеты **раз и откроют** все файлы, созданные в приложениях* (Грекова 2024, 2025)³.

А.В. Бубен, изучая употребление видов в эпистолярном дискурсе (на примере писем А. Эфрон Б. Пастернаку), описала участие категории вида в формировании нарративных стратегий автора. Было отмечено активное использование форм настоящего времени глаголов НСВ в авторском литературном письме, связанное с актуализацией опыта и эмоционального состояния автора письма (адресанта) и расширением настоящего как действительности пишущего на адресата: при чтении письма хронотоп автора становится общим для двух участников ситуации (Бубен 2024, 2025).

Отметим в связи с данной тематикой, что семантика настоящего времени – это традиционная философско-лингвистическая проблема, приобретающая в современном мире особую значимость в связи с наблюдаемым социально-психологическими и технологическими изменениями, в частности с психологическим феноменом сокращения настоящего, см. [Präsens 2012; Петрухина 2015]. Поэтому механизмы «расширения настоящего», характерные для русского языка, продолжают вызывать интерес исследователей. Основанием для функционирования таких механизмов является парадигматика категории времени в русском языке, а именно выражение актуального настоящего, совпадающего с моментом речи, и широкого плана неактуального настоящего одной и той же презентной формой глаголов НСВ. Формы настоящего времени НСВ в современном русском языке могут актуализировать действия, занимающие на временной шкале разное положение, и соответственно расширять настоящее. Как настоящее в русской ЯКМ интерпретируются не только действия, совершающиеся одновременно с моментом речи (настоящее актуальное), а также повторяющиеся и типичные действия, выступающие как характеристики лица или предмета, действительные для момента речи (настоящее неактуальное), но и прошлые действия, значимые для плана настоящего (ср. настоящее интерпретационное и экспозиционное, например *Декарт решительно отказывается видеть общность между криками животных и человеческим языком* (Ю.М. Лотман)). В расширении настоящего участвует и переносное употребление форм настоящего НСВ, в частности для обозначения прошедших действий (настоящее историческое),

³ Полные названия докладов участников конференции «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке», состоявшейся на филологическом факультете МГУ 15-16 ноября 2024 года, см. в Программе конференции, прилагаемой к данному сборнику, а названия помещенных в данном сборнике статей, написанных на основе ряда докладов, см. в его Оглавлении. При этом доклады здесь отмечены 2024 годом, статьи – 2025 годом, а текстовые отсылки помещены в круглые скобки.

при котором последние включаются в область актуальной действительности говорящего. Все разновидности настоящего времени объединены общим признаком «открытого актуального бытия» говорящего, которое определяется с учетом не только его индивидуального опыта, но и общенационального, в том числе и научных результатов познания действительности человечеством, см. также [Уржа 2025].

В художественном дискурсе такие модели могут трансформироваться и видоизменяться в связи с разнообразными возможностями художественного изображения действительности. Поэтому образы времени в литературном произведении по замыслу автора могут быть иными, чем в русской ЯКМ. Однако при этом вариации образов не бесконечны, так как онтологические свойства времени ограничивают не только отображение и интерпретацию, но и воображение, ср. [Кубрякова 2004: 17]. Соответственно художественные модели времени могут выявлять возможности и особенности человеческого восприятия феномена времени. Последние вопросы анализировались в пленарном докладе Е.В. Петрухиной, посвященном темпоральным моделям в постмодернистском романе (повести) сознания «Школа для дураков» Саши Соколова. Детально была рассмотрена нелинейная модель времени во внутренней речи главного героя, больного мальчика, связанная с представлением мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей. Проведено сопоставительное исследование данной модели в русском оригинале и его литературном переводе на чешский язык. По сути речь идет о разрушении категории времени в сознании главного персонажа. Всё события, реальные или вымышленные, представляются в настоящем времени в момент создания высказывания во внутренней речи героя, «ученика такого-то», располагаясь в плоскости одновременности нелинейно, хаотично, субъективно. Создается иллюзия управления временем, плодом сознания психически нездорового героя, который страдает раздвоением личности и живет в вымышленном мире своих фантазий. Это похоже на ирреальную модель управления временем и ходом событий, возникающую у игроков в компьютерные игры, также способную подорвать их связь с реальным настоящим (Петрухина 2024). Анализ художественного образа времени как иллюзии приобретает особую актуальность в последние десятилетия в связи с трактовкой новых, нелинейных, его моделей, созданных с современными компьютерными и телекоммуникационными технологиями.

М.Н. Коннова в своем докладе продолжила тему художественных моделей времени на материале произведений И.С. Шмелева, для которых характерны сложные темпорально-аксиологические смыслы, направленные на создание образа вечности. Было продемонстрировано, как энергоцентричные бессубъектные предложения (напр., «В глубине смутно золотится»), бытийно-статальные предикаты в форме настоящего расширенного (например, «*пря́т*»), а также именные предложения метафорической семантики с про-

пущенными глагольными связками (напр., «*Вся Она – свет*») актуализируют логически непостижимый образ инобытия, в котором преодолеваются границы краткого мгновения «здесь и сейчас» и достигается полнота совершенства. Раскрывается потенциал однородных неагентивных предикатов, объединенных семантикой неконтролируемости действия (напр., *кажется, чудится*) в экспликации идеи непостижимости чуда. Рассматриваются глагольные средства «перевода» нарратива из плоскости бытописания в план символический (Коннова 2024).

М.В. Суркова посвятила свой доклад и написанную на его основе статью анализу дискурсивно-прагматического потенциала форм времени глаголов, обозначающих «познание, узнавание, изучение, обладание знаниями» (Суркова 2024, 2025). Для выявления роли глаголов познания в актуализации ценностных установок в современной школе автор использует материал текстов упражнений из школьных учебников русского языка для 5 класса. Основной целью является определение репертуара семантических реализаций граммем времени, связанных, по мнению автора, с аксиологическим измерением текстов учебников. Установлено, что наиболее частотными и функционально нагруженными оказываются формы настоящего вневременного, а также актуального и качественного. Дополнительно проводится анализ семантической валентности подобных глаголов.

Художественные тексты русской классической литературы послужили материалом для исследования семантико-прагматического и дискурсивного потенциала глагольных форм и дериватов в нескольких докладах. Так, в центре внимания Г.М. Оганесян оказались контактно расположенные формы однокоренных глаголов (прежде всего формы одного глагола, но также формы однокоренных дериватов), выступающие в романе Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*» в качестве средства передачи степени интенсивности и глубины эмоций. Отдельно рассматривались случаи морфологического (с изменением форм времени, лица и склонения), позиционно-синтаксического (с использованием союзов и других групп выразительных средств) и собственно синонимического варьирования. Особо были выделены примеры с добавлением модальных маркеров типа «*чувствовал, что должен чувствовать*», «*надо было ехать, и он уехал к себе*», «*не нравящаяся тем, кому нужно нравиться*» (Оганесян 2024, 2025).

В совместном докладе А.В. Уржи и Ван Цяо были представлены результаты комплексного анализа глаголов, вводящих прямую речь в романе Ф.М. Достоевского «*Преступление и наказание*» (А.В. Уржа, Ван Цяо 2024). Уточнение перечня операторов, используемых для ввода прямой речи в произведении, сопровождалось их семантико-стилистическим анализом, а также оценкой частотности с учетом аспектуальных характеристик, на фоне дополнительных корпусных и словарных данных. Было отмечено, что глагол *кричать* / *крикнуть* является третьим по частотности среди всех глаголов,

вводящих речь в романе, уступая только парам *говорить* / *сказать* и *спросить* / *спрашивать*, а в состав двадцати самых частотных глаголов входят лексемы *вскричать*, *вскрикнуть* / *вскрикивать*, *воскликнуть* / *воскликать*, *закричать*. Было также показано, что речь героев активно вводят кинемы (*подскокить*, *усмехнуться*, *всплеснуть руками* и др.) и глаголы, обозначающие негативные эмоции (*горячиться*, *раздражаться*, *перепугаться*), широко используются глаголы, демонстрирующие коммуникативные намерения говорящих, такие как *доказывать*, *упрашивать*, *настаивать*. Репертуары глаголов (с учетом их форм), которыми автор наделил главных героев романа, были представлены в виде диаграмм. Интегрированный лингвостилистический и количественный анализ глагольной лексики позволил продемонстрировать прагматический эффект, сопровождающий использование средств, различающихся своими функционально-семантическими и стилистическими характеристиками [Уржа, Ван 2025].

Целый ряд докладов был посвящен аспектуальной деривации и связи категории вида с лексическим значением конкретных глаголов. В.А. Плунгян в пленарном докладе «Глагол *бросать*: парадоксы лексической и аспектуальной семантики» рассмотрел лексические и грамматические особенности глагола *бросать* и его коррелята СВ *бросить* с учетом диахронических и сопоставительно-типологических данных. Глаголы *бросать* и *бросить* представляют особую модель видовой деривации, так как реализуют довольно редкую для русского языка «двухосновную перфективацию»: оба глагола образуют приставочные дериваты, типа *набросить* – *набросать*. В.А. Плунгян всесторонне проанализировал названные глаголы с учетом этимологических, диахронических, диалектных и сопоставительных данных. Было отмечено, что глагол *бросать* встречается в текстах со 2-й половины XVI в., *бросить* – позднее, с XVII в. Этимология данных глаголов остается непроясненной. Наиболее убедительная трактовка связывает ее с известным по диалектам *бросать лен* ‘отбрасывать головки льна, отрывая их’, что может объяснять более позднее возникновение коррелята СВ – *бросить*, а также тот факт, что в других славянских языках однокоренных соответствий не находится, ср. чеш. *hodit*, серб. *бацити*, болг. *хвърлям* (Плунгян 2024).

В докладе «Кодирование контекстов с экспериментивной семантикой в русском и осетинском языках (на материале переводов Нового Завета)» А.Д. Подгорная проанализировала употребление видовых форм в 59 контекстах из русского синодального и осетинского перевода Нового Завета. «Экспериментивная семантика» соответствует термину «общефактическое значение НСВ», принятому в славянской аспектологии, и заключается в сообщении о том, что событие имело место по крайней мере один раз и участие в нем дает возможность приписать определенные свойства носителю опыта. В русском в таких контекстах употребляются глаголы НСВ, для осетинского, имеющего аспектуальную систему «славянского типа» [Татевосов 2019], их кодируют

вание ранее не исследовалось. А.Д. Подгорная установила, что в осетинском переводе в 38 случаях встречаются глаголы, близкие по семантике к СВ (напр. с приставочным глаголом *сбадын* ‘сесть’: *адæймаг кæуыл наема сбадт* ‘(входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла) на которого никто из людей не **садился**’ [Мк. 11:2]), а в 20 случаях – НСВ, что соответствует 50 употреблением глаголов НСВ в русском Синодальном переводе. В русском Синодальном переводе основным средством маркирования экспериментивных контекстов в выборке ожидаемо является НСВ, в то время как 9 случаев с глаголами СВ можно объяснить потенциальной неоднозначностью контекста. Выбор глагольной формы в осетинском зависит от акционального класса глагола: для обозначения «достижений» выбираются глаголы СВ, для описания деятельности и состояния – НСВ, в то время как «свершения» допускают как СВ, так и НСВ. Такое распределение находит параллель в западнославянских и ряде южнославянских языков, в которых выбор вида в таких «периферийных» аспектуальных контекстах, как экспериментивные, также определяется акциональными характеристиками глагола, а не контекстной семантикой, как в русском (Подгорная 2024).

В докладе М.Э. Де Пой проведено сопоставление заимствованных из английского языка глаголов, называющих действия пользователей Интернета, в русской и сербской онлайн-коммуникации, таких как русск. *лайкать*, *хейтить*, *постить*, *репостить*, серб. *lajkovati*, *hejtovati*, *postovati*. Были проанализированы в сопоставительном плане их семантика и употребление, а также словообразовательная и морфологическая адаптация к языкам-реципиентам. М.Э. Де Пой отметила более активную префиксацию заимствованных глаголов, сопровождающуюся их перфективацией, в русском языке, чем в сербском. Ср. в русском языке: *лайкать* – *залайкать* / *отлайкать* / *пролайкать*, *репостить* – *зарепостить* / *отрепостить* и т. д. В сербском языке аналогичные бесприставочные глаголы употребляются преимущественно как двувидовые (Де Пой 2024).

О.Ю. Крючкова на заключительном пленарном заседании проанализировала прагматические и семантические функции синонимической глагольной полипрефиксации в древнерусском языке в однокоренных парах глаголов (типа *из-брати* – *про-из-брати* в знач. ‘избрать кого-л. для исполнения каких-л. обязанностей’). Были рассмотрены функции около 150 глаголов с двумя синонимичными приставками на материале словарей, включающих лексику древнерусского периода. Выделена экспрессивно-стилистическая функция таких дериватов, входящих в широкий арсенал средств повторяемости, языкового усложнения, характерных для жанров, следующих церковнославянской письменной традиции. Охарактеризованы также случаи семантизации синонимического префиксального нанизывания: актуализация метафорических значений производящего однопрефиксного глагола; поддержка развивающейся у глагольных префиксов перфективирующей функции; развитие

новых количественно-аспектуальных значений (интенсивности, полноты, исчерпанности действия), проявляющееся наиболее ярко в летописях, аккумуляровавших черты книжной письменности и народно-разговорное влияние (Крючкова 2024, 2025).

М. Саккини в своем докладе рассмотрел экспрессивные приставочно-суффиксальные (как правило, потенциальные) глаголы, образованные по модели *об(о)-....-ся* и *у-.....-ся* (*обсмотреться, ухохотаться*), проанализировав выражаемую ими оценочную семантику чрезмерной интенсивности (Саккини 2024). Е.Ф. Киров поставил дискуссионную проблему нулевых глагольных приставок, предложив выделять их в частности в двувидовых глаголах при выражении глаголом семантики СВ (Киров 2024).

Несколько докладов было посвящено прагматическим функциям форм повелительного наклонения в русском языке. Прагматику императива в его категориальном значении побуждения в зависимости от категории вида Е.А. Мишина рассмотрела в диахронической перспективе в связи с выражением запрета совершить действие. Исследование Е.А. Мишиной выявляет новые данные диахронической динамики сложного взаимодействия форм императива с прагматическими элементами контекста в ситуации побуждения. В древнерусском языке, в отличие от современного русского, СВ был возможен и с отрицанием (т. е. в контекстах прохибитива), так как прагматическая функциональная оппозиция предупреждения (превентива), выражаемого глаголами СВ (*смотри не упади*), и прохибитива глаголов НСВ (*не закрывай окно*) сформировалась в русском языке довольно поздно. Е.А. Мишина в пленарном докладе проанализировала этот процесс, показав, как в древнерусском языке на аспектуальную семантику могли накладываться дополнительные семантические и прагматические значения. Так, уже в ранний период в прохибитивных контекстах форма отрицательного императива СВ могла быть эмфатически более нагруженной по сравнению с императивом НСВ за счет возникающих дополнительных семантических наращений (ожидание наступления нежелательного события, акцент на конечном результате – ненаступлении ожидаемого события). Например, такая эмфатическая нагруженность форм императива под отрицанием наблюдается в контекстах предостережения, когда выражается прагматическая идея пользы для говорящего (*не повъдите никомуже* – запрет князя) или адресата (*въ пироу не обличи ближнаго* – общее наставление). Заметна она также в контекстах просьбы и мольбы, на которые, несомненно, оказали влияние молитвы. В обращениях к Богу НСВ практически не встречается (*не вниди в судъ с работъ своимъ; смърти не предажь мене*). Большая экспрессивность и категоричность присущи семантике отрицательного императива СВ и в современном русском языке, что успешно используется в прагматических целях: например, в рекламных слоганах (*Не дай себе засохнуть, выпей спрайт!*) или настоятельных просьбах (*Не откажите в помощи!*) (Мишина 2024, 2025).

Как известно, для форм русского императива, активно взаимодействующего с категорией модальности, характерно употребление вне ситуации побуждения, имеющей два непосредственных участника (говорящего и слушающего как адресата побуждения). Если «специфическая ситуация диалога (обращения)» грамматически устранена, это вызывает «серьёзные сдвиги в модальном значении форм императива» [Исаченко 1960: 495]. Данный традиционный для русистики вопрос рассматривался в двух докладах, в которых был представлен новый языковой материал и новые результаты его анализа, выявляющие степень связи семантики побудительного и непобудительного императива. Т.Г. Рошектаева проанализировала логико-семантические отношения между частями сложносочинённых предложений с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай*, сопровождающиеся рассогласованием субъекта и предиката. Было проведено несколько реконструкций потенциальных диалогов, мотивирующих такое употребление форм императива. Например реконструкция, предполагающая цитирование Субъектом 1 собеседника (Субъекта 2): Субъект 1: *Какая программа на сегодня?* Субъект 2: *Мы пойдём отдыхать, а ты работай.* Субъект 1: *Они отдыхают, а я работай* (Рошектаева 2024, 2025). Подобная и другие реконструкции наглядно демонстрируют, что значение долженствования может развиваться на основе возможной интерпретации действия с точки зрения слушающего (исполнителя) как действия вынужденного, зависящего от чужой воли или обстоятельств. В.В. Виноградов, анализируя такие случаи (в частности такой пример: «А ведь тогда я сама за всем на базар побегу, да за все денежки заплачу, да купи, да подай, – где на такую ораву напасешься?») считает, что в подобном употреблении императивных форм, «может быть, следует видеть переходные, гибридные случаи, примыкающие к системе повелительного наклонения» [Виноградов 1947 / 1986: 485].

Г.А. Филатова проанализировала специфические случаи употребления форм повелительного наклонения глаголов перцептивного восприятия в сопоставительном аспекте (на материале романа Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русских переводов, а также на материале данных параллельного подкорпуса НКРЯ). В докладе были подробно рассмотрены конструкции, в которых перцептивные глаголы (слушать, смотреть и т. д.), во-первых, используются не только для обозначения соответствующей модусной рамки при восприятии окружающего мира, но и для других коммуникативных задач (*И смотри: никого не пускать! – And listen: don't let anyone in!*), а во-вторых, переводятся с изменением перцептивного канала (*слушай* как *look, listen* как *посмотри* и т. д.) (Филатова 2024).

Значительно дальше от граммемы повелительного наклонения отстоит так называемый «драматический императив», который употребляется в повествовательных текстах в особых конструкциях – с союзами-частицами *и, да и* (*а он и* (*да и*) *пригласи ее к нам*), а также со вспомогательной формой импе-

ратива *возьми* (а он *возьми* и скажи...) в значении неожиданного действия, имевшего место в прошлом. Данному функциональному типу императива был посвящен совместный доклад Е.В. Петрухиной и Жэнь Шо, построенный на материале русско-английского и русско-китайского параллельных корпусов НКРЯ. Корпусное исследование условий употребления и деривационного потенциала драматического императива уточняет его деривационные и функционально-семантические особенности. Было продемонстрировано, что драматический императив часто выражает не только неожиданное, но и нежелательное для субъекта действие, выступая как маркер драматического и часто трагического развития сюжета. Сопоставление переводов драматического императива на английский и китайский язык (и с этих языков на русский) позволяет выявить прагматические эффекты такого употребления в русском языке и способы их передачи в переводных текстах (Петрухина, Жэнь Шо 2024).

А.В. Циммерлинг в пленарном докладе «Аффирмативная модальность и верификация» проанализировал соотношение логико-семантических значений со специфической для русского языка диагностикой двух групп дискурсивных слов. Значение верификации определялось в докладе как значение подтверждения гипотез о внешнем мире при помощи таких слов, как *действительно, реально, правда, оборотов на самом деле* и др. Они притягивают к себе фразовый акцент и не атонируются. При отсутствии лексических маркеров верификации соответствующее значение выражается посредством переноса фразового акцента на глагол. Аффирмативность понимается в докладе как подвид субъективной модальности, связанный с подтверждением ожиданий говорящего. Показателями аффирмативности являются дискурсивные слова *естественно, разумеется, конечно, понятно*, оборот *Я так и знал*. Аффирмативные слова атонируются. Другие тесты, различающие две данные группы дискурсивных слов в русском языке, связаны с употреблением в контексте вопросительной частицы *ли* (доступно только для слов верификации) и возможностью переноса дискурсивного маркера в косвенные контексты, связанные с речевыми и ментальными актами других лиц. Этот тест проходят слова верификации, ср. *Иван (действительно) считал, что Василий действительно ошибся*, но не показатели подтверждения ожиданий, ср. **Иван считал, что Василий, естественно, ошибся*. По совокупности признаков можно связать слова верификации с так называемой модальностью *de re*, т. е. установкой на описание мира таким, как он есть, а аффирмативные показатели – с так называемой модальностью *de dicto*, т. е. установкой на интерпретацию текста в том виде, как он выражен (Циммерлинг 2024).

Прагматическую эволюцию форм сослагательного наклонения в историческом аспекте рассматривает в статье (на основе доклада) А.В. Петрухина, сосредоточившись на анализе текстовых функций и семантического потенциала глагольных форм с частицей *бы* в частной и деловой переписке

Н.А. Демидова. Автором привлекается архивный материал эпистолярия одного из самых известных заводчиков Урала второй половины XVIII в., из которого было отобрано 340 употреблений конструкций с *бы*, разделенных на независимые предикации и конструкции в составе сложноподчиненных предложений, которые рассматриваются автором в связи с особенностями коммуникативной ситуации (тематики письма и оценки описываемых в нем ситуаций, характера отношений между адресатами и т.п.) (Петрухина 2024, 2025).

2.2. Категория залога, возвратная и актантная деривация. Категория залога (ее устройство, семантика, функционирование, взаимодействие с категориями возвратности и другими смежными категориями), так же как и категория глагольного вида, относится к наиболее обсуждаемым лингвистическим темам в русистике и славистике. Семантико-прагматический подход к исследованию возвратно-залоговой деривации в пленарном докладе С.Г. Татевосова на конференции открывает перспективу решения целого ряда дискуссионных проблем. В центре доклада «“Средний залог”: несколько наблюдений о семантике и прагматике» – возвратные глаголы в характеризующе-качественном значении по классификации Русской грамматики (1980), которые представлены в таких предложениях, как *Книга легко читается*. Анализируется их семантика, прагматика и морфосинтаксические свойства в русском языке (с привлечением минимального типологического материала). В англоязычной типологической литературе подобные глаголы (глагольные формы) обозначаются как the middle, «средний залог» (данный термин для краткости использован в названии доклада). Русский «средний залог» имеет собственный грамматический профиль, отличающий его в первую очередь от пассива и декаузатива, которые, как считается, образуют с ним единую «семантическую зону». Внешний аргумент в «среднем залоге», в отличие от декаузатива, возможен, однако, в отличие от пассива, может иметь только кванторный семантический тип. «Средний залог» обычно понимается в литературе как единица, не допускающая эпизодического прочтения и соответственно возможная только в имперфективе. Имеются, однако, соображения в пользу анализа предложений типа *Книга прочиталась не без труда* ‘Книгу удалось прочитать не без труда’ как комбинации «среднего залога» с граммемой перфектива. Наконец, с семантической точки зрения «средний залог» описывает диспозиции, т. е. внутренние возможности индивида, которые происходят из его неотъемлемых постоянных свойств (Татевосов 2024).

Сопоставительному анализу категории возвратности и семантических разрядов возвратных глаголов посвящены пленарный доклад и статья Н.Е. Ананьевой, основное внимание уделившей расхождению между русским и польским языками в репрезентантах конкретных лексико-грамматических разрядов возвратных глаголов, а также ряда синтаксических конструкций с возвратными формами и глаголами. В частности, разбираются

случаи, когда морфологический маркер возвратности присутствует только в одном из сопоставляемых языков (ср. *возвращаться* / *возвратиться* – пол. *wracać* / *wrócić*). Особое внимание уделяется специфическим особенностям польского языка в сфере морфосинтаксиса: сохранению возвратного элемента *się* в девербативах; использованию *się* для выражения бессубъектного значения в конструкциях, соответствующих русским неопределенно-личным предложениям (типа *Po trawnikach się nie chodzi* ‘По газонам не ходят’). Отмечая системно-функциональные сходства и различия в сфере возвратности в близкородственных языках, Н.Е. Ананьева одновременно выявляет основные источники интерференционных ошибок в образовании и употреблении возвратных конструкций при обучении польскому языку в русскоязычной среде (Ананьева 2024, 2025).

Е.М. Чекалина в сопоставительном плане рассмотрела актантную деривацию, проанализировав способы перевода русских неопределенно-личных предложений с предикатами в 3-м лице множественного числа на английский и шведский языки (на материале параллельных корпусов НКРЯ). На обширном языковом материале было продемонстрировано, что в английском языке в большинстве случаев неопределенно-личные предложения переводятся при помощи пассивной конструкции, которая имеет клишированный характер. В шведском языке, наряду с формами пассива на -s, широко используются предложения с неопределенно-личным местоимением *man*. Ср.: *A почему вас, собственно, доставили к нам? And why, actually, were you brought here? Varför har man nu egentligen fört hit er?* (Чекалина 2024, 2025).

Новая форма актантной деривации с прагматической точки зрения была рассмотрена в докладе В.Е. Чумириной. Исследовалась проявившаяся в последние годы в интернет-текстах неформальной коммуникации тенденция незаполнения необходимых валентностей при некоторых глаголах, требующих распространяющего имени, например: *лишаться, доставлять, претерпевать*. Было отмечено, что такое использование очевидно является намеренным и включает в себе определенные прагматические эффекты. В докладе проведен анализ описанного явления и предложена интерпретация прагматического содержания такого употребления глаголов. Без заполнения обязательной валентности могут использоваться неполнозначенательные глаголы: «*Затем я отняла у милиции ее милицкий телефон и позвонила Ветеринару, чтобы он пришел и побыл с лодкой, пока я **предпринимаю и пытаюсь***»; «*После чего революционер отбывает в предместья Берлина или Парижа – **претерпевать и лишаться***» (М. Дегтерева, Телеграмм); «*Споры о том, есть ли русские, **доставляют***» (Donrf, Телеграмм). В последнем примере неназванная правая часть позволяет восстановить и положительный и отрицательный смысл, что зависит от читающего, но и ответственность за интерпретацию перекладывается на адресата. Анализ материала показывает, что эксплицитно не выраженные смыслы умножают смыслы имплицитные, и

такое использование описываемых единиц имеет глубокую прагматическую составляющую (Чумирина 2024).

К проблематике актантной деривации обратилась в своем докладе также М.И. Хазанова, сосредоточившись на анализе специфических безличных предикатов на *-но*, *-то* в двух украинских переводах булгаковского романа «Мастер и Маргарита» (М.А. Билоуса, 2005 г. и Ю. Некрутенко, 2006 г.). Объектом анализа стали переводческие трансформации, сообщающие конструкциям дополнительные смыслы и влияющие на восприятие переводного текста. Было установлено, что с введением в перевод безличного предиката связан целый ряд семантико-прагматических трансформаций: так, он может подчеркивать отстраненность, легитимизируя действие неназванного субъекта (ср. *он прописан* – *його прописано*); придавать динамизм описываемой ситуации, сообщая ей оттенок результативности (при замене прилагательного: *вопрос ясен* – *справу з'ясовано*); подчеркивать статусную дистанцию между коммуникантами (при замене личных форм глаголов: ср. *меня зовут* – *це кликано мене*) (Хазанова 2024), см. также [Хазанова 2024].

Белорусские коллеги Е.В. Ничипорчик и Е.А. Воронич в своем совместном докладе и основанной на нем статье обратились к анализу метафорических сценариев отображения ситуации начала бытия в русских глагольных предложениях (Ничипорчик, Воронич 2024, 2025). С одной стороны, уточняется инвентарь предикатов разных семантических классов, способных развивать переносное значение при обозначении ситуации начала существования, с другой – определяются семантические роли актантов: именных групп, обозначающих субъект и/или объект в бытийном предложении. Авторы подробно разбирают базовые семантические модели бытийных предложений, выявляя условия развития ассоциативно-метафорических связей: со значением каузации начала бытия (*извлекать меч / извлекать звук*), начала существования (*родился человек / родился сценарий*) и др. Было выявлено, что актуализация периферийных образных сем в предикатах бытийных предложений происходит за счет введения актантов, сближающих предметную и интеллектуальную сферу деятельности и тем самым перемещающих фокус внимания на необычные детали нового денотативного сценария.

2.3. Прагматический потенциал девербативов. В ходе актантной деривации происходят сложные морфолого-синтаксические преобразования, связанные с изменением числа и характера участников описываемого события. Это прекрасно иллюстрируют отглагольные имена, которые, сохраняя связь с исходным глаголом, приобретают новые оттенки смысла и актантные свойства: так, например, существительные от предельных глаголов (*решение*) актуализируют результат действия, а от непредельных (*ожидание*) – процессуальность. Эти и подобные трансформации подчеркивают гибридную природу девербативов, занимающих промежуточное место между предикацией и номинацией. Проблематика именной деривации в связи с актантной структурой

затрагивалась в целом ряде докладов на конференции и представлена в нескольких статьях в сборнике.

Так, в пленарном докладе С.М. Толстой в центре внимания оказались девербативы различной частеречной принадлежности, при этом были выявлены направления грамматической трансформации в именах в связи с видоизменением базовых глагольных признаков. Так, в отглагольных прилагательных аспектуальные характеристики могут реализовываться в форме целого спектра связанных значений: узувальных (*заботливый*), хабитуальных (*ломкий*) и т.п. В свою очередь, в псевдопричастиях, образованных от НСВ типа *горючий*, *сидячий* или СВ типа *крашеный*, *ряженный* возможна нейтрализация семантической основы видовой оппозиции. Залоговые и синтаксические признаки глагола могут приобретать в девербативах форму указания на субъект, объект, инструмент действия, способ действия и др. Так, в дериватах переходных глаголов и в псевдопричастиях типа *потухший*, *кусачий* проявляется субъектная семантика, в дериватах на *-н* базовой является объектная семантика при возможности выражать значение состояния субъекта (ср. *больной* и *болеющий*). При этом отмечается возможность совмещения в девербативах указания и на субъект, и на объект действия: ср. прилагательные типа *разводной ключ* / *разводной мост*, довольно часто это явление отмечается в диалектах (напр. *нежалимый* 'который не жалит'). Субstantивы, в том числе существительные *nomina actionis*, также в имплицитной форме способны передавать грамматическую семантику производящего глагола. Степень сохранности глагольных категорий в девербативах, а также их актантные свойства могут различаться в близкородственных славянских языках. Так, в отличие от русского языка, польские девербативы сохраняют как видовые различия (*robienie – zrobienie*), так и залоговые значения: пол. *przeglądanie się* от *przeglądać się* (*w lustrze*) 'смотреть на себя' (в зеркале). Поэтому отглагольные существительные в польской грамматической традиции включены в парадигму глагола и рассматриваются как глагольные формы (Толстая 2024).

Роль девербативов в механизме синтаксической деривации рассматривается также в совместной работе М.А. Кормилицыной и А.В. Дегальцевой на материале языка СМИ и художественной речи. Авторы делают вывод о значительном семантико-прагматическом и синтаксическом потенциале именных дериватов. Так, отглагольные существительные в языке СМИ и художественной литературы могут использоваться как для экономной передачи информации, так и в номинализированных безагентивных конструкциях для устранения указания на действующее лицо (как в примере «*Сегодня началось рассмотрение иска о незаконности строительства полигона на Шиесе*» (Пресса)). Отдельно разбирается семантико-прагматический потенциал адвербиальных отглагольных дериватов типа *вплывь*, *невпопад*, *наперевес*, способных в свернутом виде – выразительно и экспрессивно – представ-

лять соответствующие действия и состояния. Особое внимание уделяется также обратному процессу деадвербиализации, предполагающему вовлечение в языковую игру наречных сочетаний на основе оживления внутренней формы (ср. *наотмашь* – *в полную отмашь*), что также сопряжено с прагматическим эффектом (Кормилицина, Дегальцева 2024, 2025).

Тесную связь номинативных и предикативных средств в коммуникации с учетом характеризующей роли предиката продемонстрировала П.С. Завтрикова, сосредоточившаяся на семантико-грамматическом анализе предложений, описывающих *пространство* и маркирующих его принадлежность. На основе анализа 784 контекстов из Национального корпуса русского языка и дополнительных лексикографических данных были выявлены основные синтаксические позиции слова *пространство*, среди которых ведущей оказалась роль объекта (43%); но также локатива (32%), в то время как функция субъекта (14%) признается периферийной. Автор приходит к выводу, что пространство (которое может мыслиться и как реальное, и как умозрительное) выступает в качестве одной из ключевых категорий в системе антропоцентричных координат в языковой картине мира (Завтрикова 2024, 2025).

К проблематике синтаксической деривации в ее связи с прагматической функцией речи обратилась также М.С. Милованова. Объектом анализа явилось транспонированное употребление предложно-падежных форм косвенных падежей отглагольных существительных (в конструкциях типа *(я) в ожидании*, *(он) в нетерпении*, *(ты) в поиске* и т. д.), способных пополнять периферию категории состояния благодаря синкретизму именной и глагольной семантики. Отмечается, что в ряде случаев этому предшествует семантическая трансформация базового глагола, связанная с изменением его правой валентности (ср. современное безобъектное использование глагола *расставаться*, ранее также *переживать*) и переосмыслением базового действия как состояния (ср. девербатив в конструкции *(я) в отношениях* от глагола *относиться / относиться*). М.С. Милованова увязывает активизацию такой синтаксической модели с участием транспонированных форм девербативов в современной речи с общей тенденцией к росту предикативности имени существительного (Милованова 2024, 2025).

Е.Р. Добрушина в пленарном докладе поставила актуальный вопрос о прагматическом основании орфографических правил, регулирующих правописание *-нн-* или *-н-* в причастиях и отглагольных прилагательных. На большом языковом материале и с анализом результатов лингвистических экспериментов было показано, что для носителей русского языка данное орфографическое правило – это не только дань традиции. За ним может стоять прагматическое противопоставление причастий и отглагольных прилагательных, особенно значимое для кратких форм, связанное со смыслом и ударением. Так, проведенный лингвистический эксперимент продемонстрировал, что не менее 80% информантов, опираясь на смысл, одинаково определяют суф-

фиксы и ударения в высказывании «Общество растле...о и растле...о» (*растленó и растлénно*). Но в ряде случаев, которые были подробно проанализированы в докладе, разграничение кратких причастий и прилагательных, образованных от одного глагола, вызывает у носителей русского языка затруднения (Добрушина 2024).

2.4. Прагматические функции неличных форм глагола в художественном нарративе. Анализ текстовых функций синтаксических дериватов глагола, представленный в пленарном докладе А.В. Уржи, является логическим продолжением ряда ее статей (см., в частности [Уржа 2023]), базирующихся на принципах коммуникативной грамматики. Автор производит оценку прагматического потенциала деепричастий с точки зрения их участия в формировании нарративной перспективы в оригинальном и переводном тексте. Привлечение данных НКРЯ позволило А.В. Урже установить относительную частотность конвербов на фоне личных форм соответствующих глаголов. Автором были выявлены пять семантических групп глаголов, тяготеющих к образованию деепричастий и, следовательно, специализирующихся на оформлении зоны фона. В этой группе оказались глаголы, обозначающие: эмоции (*волнуясь, удивившись*), внешние проявления эмоций (*просияв, вздрогнув*), кинемы (эмоциональные жесты: *пожав плечами, топая ногами*), этикетные действия (*поздоровавшись, представившись*) и изменения позы (*опираясь, обернувшись* и др.). Интерпретационный и прагматический потенциал деепричастий от «фоновых» глаголов в художественном тексте А.В. Уржа демонстрирует на материале русско-английского подкорпуса НКРЯ и дополнительно привлекаемых вариантов переводов произведений А.П. Чехова на английский язык. Примененный подход позволил установить ряд важных переводческих трансформаций: так, деепричастия от акциональных (переходных) глаголов, называющие контролируемые действия субъекта, нередко переводятся на английский язык с помощью личных форм соответствующего глагола (так, из 16 контекстов с деепричастием *убив* 9 были переведены финитной формой). Это, в свою очередь, приводит не только к изменению в иерархии описываемых событий, но и может сопровождаться изменением оценочной рамки всего высказывания, а в ряде случаев также искажением таксисных и каузативных отношений между предикатами (Уржа 2024).

Разрабатываемая А.В. Уржей методика изучения функций грамматических трансформаций в переводном нарративе развивается другими участниками проекта, в частности М.И. Хазановой и О.А. Остапчук в статьях, посвященных роли глагольных категорий (времени, числа, лица) в создании динамического эффекта кинематографичности на материале славянских переводов романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» [Остапчук, Хазанова 2023]. В докладе О.А. Остапчук семантико-прагматический потенциал деепричастий в переводном нарративе анализировался на корпусном материале (параллельные подкорпуса НКРЯ, а также национальные корпуса польского и украинского

языков). В докладе была отмечена специфика дискурсивных функций деепричастий от ряда глаголов речеговорения и чувственного (звукового) восприятия. Как показал анализ корпусного материала, глаголы речеговорения демонстрируют довольно высокий интерпретационный потенциал при переводе художественных текстов: довольно частотны (по 25% случаев) примеры трансформации таксисных отношений и изменений нарративной перспективы. Наиболее заметные дискурсивные трансформации, создающие эффект текстового выдвижения, происходят при замене деепричастия личной (финитной) формой, особенно если дополнительно меняется вид, а нередко и время глагола (ср. рус. *Он встал и поклонился, говоря...* и пол. *Wstał, skłonił się i powiedział...*). Анализ перевода деепричастий от глаголов звукового восприятия (*слушая / слушаючи / słuchając*) обнаружил тенденцию к сохранению семантики и функции деепричастий в зависимых клаузах (80% случаев в русско-украинской паре и 67,5 % случаев в русско-польской паре), что объясняется не только близостью сопоставляемых языков, но и базовой фоновой функцией грамем (Остапчук 2024).

В центре внимания в докладе А.П. Вьяльсовой (Вьяльсова 2024) оказалась дискурсивная роль глагольных дериватов – причастий и деепричастий – в осложненных предложениях, описывающих звуки неживой природы, в том числе издаваемые предметами (инструментами и механизмами), а также звуки природных явлений (жидкости, атмосферных явлений и под.). Была охарактеризована специфика денотативной ситуации в таких предложениях с деепричастными и причастными оборотами, где передаваемая информация об одном внеязыковом событии может описываться с привлечением различных каналов восприятия (зрение и слух). Общеперцептивный и частноперцептивный (звуковой) элемент ситуации, как показал представленный анализ русских примеров из НКРЯ, может выражаться и личной формой глагола, и одной из нефинитных форм (причастием или деепричастием). Критерием, регулирующим выбор личной и неличной формы, автор считает наличие / отсутствие зрительного контакта с описываемым объектом: при этом деепричастие маркирует контексты актуального наблюдения («*Клокочут волны, набегая на берег*»), а причастие используется для пояснения источника звука или распространения описания в конструкциях, не связанных с непосредственным наблюдением («*Текла ясная, журчащая река*; «*Побрякивали разгребаемые бутылки*»).

3. Функционирование русских глагольных форм и конструкций в диахронической и диалектной перспективе

Проблема сложных механизмов деривационной и грамматической адаптации заимствованных из прибалтийско-финских источников каузативных глаголов в севернорусских говорах обсуждается в пленарном докладе и статье С.А. Мызникова. Основным объектом анализа явились отмеченные в

русских диалектах глаголы со специфическими морфологическими маркерами, имеющими свои прямые семантические соответствия в прибалтийско-финских источниках, что делает их своеобразными индикаторами высокой интенсивности этноязыковых контактов на Русском Севере. Среди почти сотни выявленных в диалектах производных парных каузативных глаголов, в том числе образованных с использованием маркера каузативности *-ита-* (типа *го'ститать* 'угощать гостей'), возникших на русской почве, автором выделяются те, которые имеют свои семантические соответствия в прибалтийско-финских языках. Особо разбирается дальнейшая судьба заимствованных глагольных единиц на русской почве; подчеркивается, что лишь часть из них впоследствии в полной мере развивает свой деривационный и семантический потенциал, сохраняя роль в каузативной паре (Мызников 2024, 2025).

Анализ глагольной системы русского языка в ее динамике предполагает, среди прочего, пристальное внимание к внутренней логике развития форм и категорий в исторической перспективе с учетом диалектного разнообразия. Этот подход был реализован в рамках одной из секций конференции. Так, Т.В. Пентковская представила совместный с Е.В. Шикиной доклад, в котором было сопоставлено употребление связки *суть* в двух переводах с итальянского языка П.А. Толстого и С.В. Рагузинского на фоне традиции употребления этой связки в оригинальных сочинениях П.А. Толстого, а также в книжных текстах предшествующего периода и русских говорах. Анализ показал, что у П.А. Толстого и в переводе, и в оригинальных сочинениях фиксируется расширенное употребление этой связки, преемственное по отношению и к церковнославянской традиции, и к старорусскому языку (Пентковская, Шикина 2024).

В докладе Е.А. Матвееенко рассматривались простые претериты в первом русском переводе «Метаморфоз» Овидия, выполненном с польского языка в Петровскую эпоху. Как удалось установить, при создании поздней редакции этого перевода последовательно была проведена славянизация: в частности, в системе прошедших времён глагола в несколько раз в сравнении с ранней редакцией увеличилось число форм аориста и имперфекта. Анализ показал, что формы простых претеритов, отмеченные в ранней редакции, не всегда сохранялись в поздней версии текста (Матвееенко 2024).

В.А. Закревская рассмотрела некоторые особенности употребления глагольных форм с возвратным *-ся* на материале собственных полевых записей в Архангельской области, сопоставив их с данными Архангельского областного словаря. В фокусе внимания оказались прежде всего разные семантико-прагматические оттенки возвратности, включая субъектные значения. Особое внимание было уделено пассивно-возвратным конструкциям с использованием кратких страдательных причастий от возвратных глаголов в безличных предложениях, например: *уже спать укладенось было; за прошлый год не рассчитанось* (Закревская 2024).

Материал архангельских говоров использовала в своем докладе также Е.А. Ковригина, проанализировавшая семантику и сочетаемость многозначного глагола *болеть* и его приставочных дериватов. На обширном диалектном материале в сопоставлении с данными литературного языка был продемонстрирован семантико-прагматический потенциал глагола и его приставочных дериватов. Так, были выявлены контексты, в которых глагол *болеть* и его дериваты обозначают различные стадии состояния болезни, указывают на её длительность, а также выражают целый спектр значений: ‘причина заболевания’, ‘интенсивность проявления’, ‘длительность течения’, ‘результат’. Особое внимание было уделено возможному отражению в рассматриваемых конструкциях народных представлений о болезни (Ковригина 2024).

Доклад Е.В. Суровцевой был посвящен функционированию глаголов в «Житиях новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии». В исследованном материале было зафиксировано 4329 глаголов, произведена их классификация с вычленением лексико-семантических групп, таких как *веровать*, *молиться*, *грешить* и др. В докладе и основанной на нем статье была выделена группа наиболее частотных глаголов (*говорить*, *стать*, *арестовать*, *служить*, *сказать*, *признать*, *мочь*, *веровать*, *вести*), особое внимание было уделено глаголу *быть* и репертуару его зафиксированных форм (Суровцева 2024, 2025).

4. Заключение

Широкий подход к изучению семантики, морфологической и словообразовательной деривации, а также функций глагола в разнообразных типах текстов (как в синхронии, так и диахронии, в литературных языках и в диалектах), обоснованный в названном выше проекте РНФ и реализованный в программе анализируемой конференции и соответствующем сборнике докладов, поддерживается и другими языковыми и когнитивными факторами. Доклад А.Л. Шарандина на заключительном пленарном заседании конференции был посвящен имеющей большую традицию в русистике (см. [Буланин 1983]) категории репрезентации русского глагола. Данная категория определяется как система противопоставленных друг другу рядов глагольных грамматических форм, объединенных инвариантным значением процесса как признака и различающихся между собой степенью его проявления. Акцент в категории репрезентации делается на противопоставлении личных и неличных форм глагола и их синтаксических функциях (Шарандин 2024). Проанализированные выше доклады и статьи демонстрируют важную роль оппозиции деепричастий и личных форм глагола в художественных текстах с точки зрения формирования перспективы в дискурсе, разграничения первого плана и фона нарратива.

Изучение прагматического и дискурсивного потенциала всех глагольных форм и дериватов (а также девербативов) как взаимосвязанных категорий единой системы, несомненно, имеет когнитивные основания. В пленарном до-

кладе «Потенциал глагола в интерпретации знаний о мире» Н.Н. Болдырев рассмотрел прагматические функции русского глагола с трех взаимосвязанных позиций: когнитивной, антропоцентрической и интерпретационной. Прагматический подход (в центре которого отношение между языковым знаком и тем, кто его использует) к изучению русского глагола позволяет определить соотношение связанных с глаголом когнитивных и языковых структур, а также заложенные в глаголах механизмы языковой интерпретации окружающего мира. В докладе убедительно было показано, что прагматический потенциал глагола определяется структурой и содержанием его когнитивной основы, а именно знаниями об обозначаемых событиях, выражаемыми в его формах и дериватах (Болдырев 2024).

Включение в ракурс исследования участниками проекта РФФИ и данной конференции не только грамматических форм и синтаксических конструкций, но и словообразовательных категорий и дериватов позволило, в частности, выявить важную роль девербативов в формировании нарративной перспективы в художественном тексте, их участие в формировании безагентивных конструкций. Изучение процессов номинализации демонстрирует значительный прагматический и дискурсивный потенциал девербативов в современном русском языке с учетом функциональной специфики различных стилистических регистров.

Таким образом, прагматико-дискурсивный подход к исследованию категорий глагола вводит в русистику и славистику новые языковые факты и позволяет получить новые результаты при изучении функций данных категорий. Представленные методы исследования, сочетающие обращение к корпусному и собственно текстовому материалу, открывают новые возможности для изучения прагматических функций глагольных форм и дериватов в русском и других языках и создают перспективу дальнейших исследований в области когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике, функциональной грамматики и теории перевода.

Литература / References

1. Буланин Л.Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л.: ЛГУ, 1983. С. 94–115.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Остапчук О.А., Хазанова М.И. Смена пункта наблюдения как способ создания эффекта кинематографичности в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Новый филологический вестник. № 4 (67). 2023. С. 294–306.

5. Петрухина Е.В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (044). 2015. С. 59–71.
6. Татевосов С.Г. Аспекты славянского стиля // Вопросы языкознания. №2. 2019. С. 47–81.
7. Уржа А.В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 67, № 1–2. 2023. С. 147–160.
8. Уржа А.В. Настоящее нарративное в прозе А. П. Чехова: формирование и развитие приемов, функции глагольных форм // Вестник Томского государственного университета. № 93. 2025. С. 123–146.
9. Уржа А.В., Ван Ц. Операторы ввода прямой речи в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: особенности семантики и прагматики // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 496, № 2. 2025. С. 91–100.
10. Хазанова М.И. Прагматика предикатов на *-но*, *-то* в украинских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Типология морфосинтаксических параметров. Т. 7. Вып. 2. 2024. С. 121–132.
11. *Präsens*. Сборник научных трудов / Отв. ред.: В.И. Заботкина, под общей ред. Е.И. Пивовара. М.: Олма Медиа Групп, 2012. 304 с.

II. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ, ДЕРИВАТОВ И ФОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВТОРИЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН

Л.О. Чернейко

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF SECONDARY PREDICATES OF ABSTRACT NAMES

L.O. Cherneyko

Abstract: The article is devoted to the study of the pragmatic potential of secondary predicates of abstract nouns (hereinafter – AN) of the Russian language. The semiotic specificity of AN (the absence of empirically comprehended properties, qualities, and modes of the abstract phenomenon behind the name) determines its semantic and syntactic properties: the content of AN is isomorphic to culturally developed ideas about the corresponding phenomenon, ideas about the phenomenon determine the vector of its projections onto the subject sphere, the subject sphere provides AN with secondary predicates – verbs of observed actions and states, descriptive adjectives and substantive nouns, which, acting in related compatibility with AN in their figurative meanings, realize their pragmatic potential – endow the implicit imagery of abstraction.

Keywords: secondary predicate, abstract substantive, projective meaning, related compatibility, cognitive metaphor, “linguistic knowledge”.

Аннотация: Статья посвящена исследованию прагматического потенциала вторичных предикатов абстрактных имен существительных (далее – АИ) русского языка. Семиотическая специфика АИ (отсутствие у стоящего за именем абстрактного феномена эмпирически постигаемых свойств, качеств, модусов) обуславливает его семантико-синтаксические свойства: содержание АИ изоморфно сложившимся в культуре представлениям о соответствующем феномене, а представления о феномене обуславливают вектор его проекций на предметную сферу, обеспечивающую АИ вторичными предикатами – глаголами наблюдаемых действий и состояний, дескриптивными прилагательными и предметными существительными, которые, выступая в связанной сочетаемости с АИ в своих переносных значениях, и реализуют свой прагматический потенциал – наделяют имплицитной образностью абстракции.

Ключевые слова: вторичный предикат; абстрактный субстантив; проективный смысл; связанная сочетаемость; когнитивная метафора; «языковое знание».

1. Вторичный предикат. Аналитический термин «вторичный предикат» не является однозначно понимаемым. Он относится как к синтаксису, так и к лексической семантике в качестве инструмента описания структуры высказывания и специфики сочетаемости определенного типа непредметной лексики, в первую очередь абстрактных имен существительных. В синтаксисе этим термином обозначаются неличные формы глагола – причастия, дее-

причастия, а также и инфинитивные конструкции, создающие полипредикативность высказывания.

2.1. Семантико-грамматическая специфика АИ. Современная когнитивная лингвистика осознала справедливость многих идей, которые были высказаны лингвистами прошлого века, в частности идею о приоритете семантики слова над синтаксисом. Д.Н. Шмелев писал о «лексической “предопределенности” тех или иных синтаксических связей слова» [Шмелев 1978: 61]. И широко понимаемая валентность слова, представленная в концепции А.Ф. Лосева [Лосев 1983], свидетельствует о том, что сочетаемостные свойства имени существительного, основная коммуникативная роль которого связана с обозначением предмета (референта) высказывания, определяются его семиотическим статусом. В свою очередь, статус имени определяется в первую очередь и главным образом типом внеязыковой действительности.

Согласно Платону, таких типов два – это мир видимый и мир умопостигаемый [Платон 1994: 295–326]. Семиотизированные (означенные) фрагменты видимого, «вещного» мира представляют собой дискретные предметы и ситуации как пространственно-временные, хронотопные кванты внеязыковой действительности в их перцептивно воспринимаемых параметрах. Содержание предметного имени изоморфно присущим предмету видимым свойствам (включая и функциональные) с естественной для обобщения редукцией свойств до лингвистически релевантных семантических параметров. Имена фрагментов видимого мира определяют состав предметной лексики. Результаты семиотизации умопостигаемого мира объединяются в лексику непредметную, типология которой отечественной лингвистикой достаточно разработана (труды Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Г.И. Кустовой).

В монографии «Лингво-философский анализ абстрактного имени» [Чернейко 1997; 2010] типология предметных и непредметных имен существительных дана в виде антропоцентрической шкалы «конкретности-абстрактности». Особое место в этой шкале занимает лексика психосоматической сферы человека. Феномены, стоящие за этой лексикой, принадлежат миру чувствуемому, физически (соматически) воспринимаемому, но невидимому. А лексика невидимых миров имеет тенденцию к метафоризации, за которой стоит механизм проекции абстрактного феномена (далее А-феномена) на предметы чувственного опыта, оставляющие в памяти свой след в виде перцептивных образов, из которых складывается «картинная плоскость» индивидуального и коллективного типов сознания [Чернейко 2019]. Если учесть содержание термина «проекция» в геометрии, откуда он и пришел в гуманитарные науки, то следует признать, что вектор проекции всегда направлен от неизвестного (или менее известного) и непонятого на более известное и потому более понятное. Такое понимание механизма проекции представлено в концепциях М. Блэка и Лакоффа–Джонсона.

И. Кант, рассуждая о метафизических феноменах, писал: «Представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит, придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1966: 202–203]. Без наглядности, без образности «рассудочное понятие пусто» и «не годится для мышления». Семиотическая специфика абстрактных понятий вызывает закономерный вопрос: «Чему изоморфно содержание абстрактного имени?» Ответ на этот вопрос очевиден: сложившимся в культуре представлениям о стоящем за именами абстрактных феноменах, таких, например, как доверие, справедливость, честь; дружба, слава, успех; конфликт, событие. В высказывании предметное имя принимает в качестве предикатов свои собственные свойства: КАМЕНЬ – *холодный, серый, тяжелый; бросить камень, споткнуться о камень (Ничего! Я споткнулся о камень. Это к завтраму все заживет. С. Есенин).*

2.2. Сочетаемость АИ. Обращая внимание на содержание имени ВРЕМЯ в обыденном сознании, В.А. Плунгян¹ отмечает его «семантическую пустоту». Действительно, понятие «время» логически, а потому и семантически пусто. Обыденное сознание не обладает (и не может обладать) знанием об этом феномене. Да и научное сознание до сих пор спорит о том, принадлежит время онтоосу (бытию) или гнозису (познанию). Но это имя прагматически насыщено, и насыщают его не свои (их нет и быть не может), чужие предикаты – глаголы и прилагательные имен предметной сферы.

Причина в том, что многими людьми феномен времени переживается, а это значит, что они о нем думают и говорят. И пустое для наглядности АИ обрастает несвободной (связанной) сочетаемостью с вторичными предикатами, через которые говорящим оценивается и опредмечивается стоящий за АИ абстрактный феномен. Но, поскольку время как феномен переживается и оценивается всеми по-разному (хотя возможно установить инварианты переживаний), оно и мыслится в совершенно разных проекциях – и как помощник, и как враг, что и направляет сочетаемость имени: *Жуковский, время всё проглотит: тебя, меня и славы дым* (К. Батюшков), *Время, прежде чем убить, лечит И надежней не найти средства* (А. Королев). Абстрактные понятия – это та мера, которую разум прилагает к миру, и они по сути своей предикаты – акциденция, а не субстанция. Но сама эта мера, сами параметры оказываются столь важными для познания, что они сами становятся интенциональными объектами и, гипотезируя, обрастают вторичными предикатами. Переживание абстрактного феномена индивидуумом, в идиолекте которого есть его имя, неизбежно приводит к проекции А-феномена, как уже было сказано, на эмпирически постигаемые элементы опыта, что ведет, в

¹ «Про лексему время трудно сказать, что она “делится” на значения; более того, попытка описать хотя бы одно из этих “значений” с помощью принятой системы толкований, содержащих отсылку к *genus proximum* и *differentia specifica*, наталкивается на почти непреодолимые трудности» [Плунгян 1997: 160].

свою очередь, к соединению в линейном потоке речи абстрактного имени с разными, но не своими предикатами – с дескриптивными прилагательными, с глаголами наблюдаемых действий и с предметными именами существительными, которые при абстрактном имени всегда выступают в своих переносных значениях, выполняя функцию метафоризаторов абстрактного имени и, соответственно, абстрактного феномена. Метафоризаторы в структуре когнитивной метафоры присутствуют имплицитно и выводятся из свободной сочетаемости вторичных предикатов, взятых в их прямом, основном значении. Современная лингвокультурология использует сочетаемость АИ, имеющих «валентность на интерпретацию», для реконструкции портретов значимых для культуры («константных концептов культуры»). «ключевых слов».

3. Понятие «языковое знание» И.А. Бодуэна де Куртенэ. Когнитивная лингвистика постулирует себя как направление, ориентированное на изучение знаний о мире, отображенных и в языке-системе, и в речи. Американский философ, лингвист Д. Дэвидсон различие между изучением значения слова и изучением его употребления видит в том, что «в первом случае мы узнаем что-то о языке, а во втором случае мы узнаем что-то о мире» [Дэвидсон 2003: 344]. С этим положением нельзя не согласиться, однако и значения слова, понятые как инварианты его употребления, дают информацию о тех знаниях, которыми располагает культура в отношении семиотизированных феноменов. Лексикон любого языка отображает мир редуцированно, и каким бы богатым ни был язык в обозначении, например, эмоций или оттенков цвета, как во французском языке, действительность все равно богаче. И только через комбинаторику языковых знаков в речи говорящих культура способна отобразить все тонкости и всё многообразие воспринятого и воспринимаемого ею мира.

Как отмечал Лейбниц, «слово показывает, что данная идея заслуживает быть отмеченной» [Лейбниц 1983: 306]. При этом философ констатирует тот факт, что «языки не всегда образовывались в согласии с правилами логики» [Там же: 292]. Возникает вопрос о специфике отображения языком действительности и, в частности вопрос о характере информации о мире, представленной лексиконом языка и представляемой в речах социума.

Свободная сочетаемость слов воплощает логику мышления, а что стоит за такой несвободной сочетаемостью слов, которая получила название «связанная» [Телия 1981]? Какой тип мышления и какое сознание обслуживает этот вид сочетаемости? Ответ на этот вопрос находим у И.А. Бодуэна де Куртенэ. В статье «Количественность в языковом мышлении» пишет: «Из языкового мышления можно вывести целое своеобразное языковое знание, знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312]. В статье «Язык и языки» представлены контексты употребления слов, из которых это знание как «идейный эквивалент предмета», полученный в результате

«языкового мышления», можно вывести: *неумолимая, жестокая смерть похищает отца у сына; дух времени, дух языка* [Там же: 82].

В такого рода словоупотреблениях ученый видит реликты древних воззрений человека на соотношение слова и предмета. Но «реликтовые воззрения» на экзистенциально значимые феномены невидимого мира не утратили своей актуальности и для современного человека, поскольку и он живет в мифологизированном мире, в мире преимущественно неверифицируемого знания, в мире представлений. Идея «языкового знания» в виде наивной веры человека в не поддающиеся объяснению явления представлена и в трудах А.М. Пешковского: «только простолудин верит, будто болезнь можно вогнать и выгнать и что беда приходит сама, а совесть заедает» [Пешковский 1959: 59].

Семантический статус значения глаголов *похищать, приходит, вогнать, выгнать* и *заедать* в приведенных учеными примерах очевиден. Но системность языка проявляет себя, в частности, в том, что в рамках внутрисловной деривации производные значения (в терминологии В.В. Виноградова «номинативно-производные» и «косвенно-производные», собственно переносные, метафорические) существуют на фоне прямых, которые контекстом не устраняются, а лишь становятся фоном для новой смысловой фигуры – фигуры речи. Импликатурами глаголов-метафоризаторов в приведенных когнитивных метафорах с метафоризируемыми АИ *смерть, время, язык, болезнь, совесть* являются стандартные имена актантов этих глаголов в их прямом значении, откуда и выводятся проективные смыслы (образы) абстрактных феноменов: *смерть* – ‘вор’, *время* – ‘человек’, *болезнь* – ‘помеха’, *совесть* – ‘мучитель’.

В языковом знании об абстрактных феноменах культуры представлены, как уже говорилось выше, не собственно знания как верифицируемая информация, а сложившиеся (или складывающиеся) представления, заполняющие мир культуры.

4. Сочетаемость имени ОБИДА. Лексикографическая информация о феномене под именем ОБИДА весьма скромная: «Несправедливо причиненное огорчение, оскорбление» (Словарь Д.Н. Ушакова); МАС добавляет к этому определению метонимическое производное значение «Чувство горечи, досады, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе». Как и у имени ВРЕМЯ, логическое содержание имени ОБИДА в обыденном сознании достаточно размыто и трудно поддается традиционной словарной интерпретации, тогда как его прагматическая плотность относительно велика, и обеспечивают ее вторичные предикаты, наделяя имя феномена имплицитной образностью. Поскольку обида – это сложное психосоматическое состояние негативного характера, оставляющее свой след в эмоциональной памяти человека, она переживается и осмысливается каждым по-своему, что отражается в несвободной сочетаемости имени – как узуальной, так и окказиональной.

Концептуальный анализ имени ОБИДА с акцентом на вторичных предикатах позволяет реконструировать портрет обиды, каким он сложился в рус-

ской культуре, но не целиком, а в отдельных чертах. Проведенный анализ позволил уточнить толкование имени ОБИДА, которое можно рассматривать в качестве лексикографического определения. Нельзя при этом не признать правоту Лейбница в том, что «мы обыкновенно пользуемся словом вместо вещи, название которой говорит больше, чем определение» [Лейбниц 1983: 361]. Именно эту мысль и подтверждает анализ сочетаемости слова ОБИДА (в примерах – О.).

ОБИДА – ‘переживаемая как несправедливость реакция Х-а на действия Y-а, вызывающая у Х-а негативные эмоциональные состояния разной степени интенсивности и продолжительности’

Сочетаемость имени ОБИДА

Глагольная

О. как субъект высказывания обозначает а) длящееся во времени состояние (О. *гложет, душит, жжет*), имеющее начало (О. *захлестнула*) и конец (О. *исчезла, прошла, отступила, ушла, улеглась, улетучилась*); б) состояние, интенсивность которого увеличивается во времени (О. *накапливалась, росла*).

О. как объект высказывания обозначает активность субъекта в его внутреннем отношении к полученной обиде (*держат, затаить О.; забыть; отпустить, подавить, проглотить О.*) и к внешнему проявлению состояния (*скрыть О.*).

Адъективная (дескриптивные прилагательные)

прилагательные **соматические**: О. *горькая, жгучая, острая, легкая/тяжелая (тяжкая); кровная, смертельная* (относительные прилагательные в функции качественных);

– **параметрические**: О. *большая (великая)/мелкая*;

– **темпоральные**: О. *старая (давняя, детская, застарелая, прежняя, прошедшая)/новая (вчерашняя)*

– **прилагательные искренности**: О. *искренняя, настоящая; неподдельная/притворная, наигранная; явная / скрытая*.

С существительными (управляемая форма):

Обида-каузатор: *слезы, боль О., внешнее выражение (гримаса, нотки, оттенки, слова О.), соматическое ощущение (груз, комок О.), степень интенсивности (тьма, энергия, пламя О.)*.

Особый вектор анализа АИ связан с их окказиональной сочетаемостью, которая обнаруживается в художественных и публицистических текстах наряду с узуальной (материалы НКРЯ): *Мгновенно вскипает обида; Вновь обида через край; Обида до сих пор скребет кошкой; Это кровоточащая обида; Жжет, похоже, обида и не по-детски*.

К достаточно широкой сочетаемости имени ОБИДА, как и к другим АИ, применима концепция лексических функций (ЛФ-функций и ЛФ-параметров), разработанная И.А. Мельчуком и представленная в [Мельчук, Жолковский 1984]. ЛФ-параметры представляют собой «глубинные смыслы», позволяю-

щие обобщить глагольные предикаты имени существительного, с которыми грамматика конкретного языка позволяет имени сочетаться. Исчисленные и обобщенные в ЛФ-параметрах предикаты являются логическими универсалиями разных языков, тогда как поверхностная сочетаемость АИ воплощает те представления об абстрактном феномене, которые в совокупности присущи данной культуре и позволяют реконструировать «картинку» (словоупотребление Н.Ю. Шведовой) А-феномена. Например, к реальной сочетаемости имени ОБИДА с фазисными глаголами в значении ‘окончание процесса (состояния)’, которые приведены выше, применим ЛФ-параметр **Fin**, параметром **IncepPredPlus** (‘увеличиваться’), обобщаются глаголы со значением ‘интенсивность’. И к адъективной сочетаемости имени ОБИДА (насчитывается около 90 прилагательных) приложима такая, например, ЛФ-функция, как **Magn** (‘очень’). Однако специфика сложившихся в культуре представлений об абстрактных феноменах, направляющих сочетаемость их имен в речи, раскрывается только с применением концептуального анализа «поверхностной» сочетаемости имен, выявляющего прагматический потенциал вторичных предикатов. Именно вторичные предикаты, особенно глагольные, дают возможность вычислить «имплицитные метафоры» в структуре метафоры когнитивной по определенному алгоритму, о котором шла речь выше. И именно глагольные вторичные предикаты как переменные при имени-аргументе воплощают в речи проекции абстрактных феноменов на «картинную плоскость» опыта, что и обеспечивает феномены наглядностью. И по связанной сочетаемости АИ, составляющей его фразеологическую парадигму, считаются образы абстрактного феномена.

В модели «Смысл – Текст» разграничение типов сочетаемости на лексическую («поверхностную») и семантическую («глубинную») проходило по параметру «мотивированность-немотивированность» синтагматической связи. Бесспорно, что никакой логически обусловленной связи между рассмотренным именем и его вторичными предикатами нет. Но есть связь (мотивация) сублогическая, мифологическая в Лосевском понимании термина «миф» [Чернейко 2018]. Для реконструкции семантико-прагматической специфики содержания имени ОБИДА (как и любого АИ) информативна и свободная сочетаемость, в которой имя выполняет функцию каузатора: обида вызывает слезы, боль, определенную мимику: *слезы обиды, боль обиды и гримаса обиды*. Свободной является и сочетаемость с локализацией обиды в голосе. А в сочетании *волна обиды нахлынула* воплощены два ЛФ-параметра: и **Magn**, и **Incep** (‘начало’).

Остановимся на глаголе *нахлынуть* в его лексикографическом представлении в словаре Д.Н. Ушакова: 1. Стремительно натечь, набежать в каком-нибудь количестве (о жидкости). 2. Внезапно прийти, появиться во множестве (примеры: толпа, слухи). 3. Внезапно возникнуть, появиться в сознании во множестве (мысли, чувства). Можно корректировать эту статью, выделив два

переносных (метафорических) значения глагола, но данный неакциональный глагол с грамматически дефектной парадигмой в своем буквальном значении связан с субстанцией воды (с жидкостью) и с такими ее параметрами, как 'внезапность' и 'количество (интенсивность)', что адекватно языковому сознанию современного носителя русского языка. Этими семантическими параметрами глагола, присущими его букальному значению, наделяются такие феномены, как толпа (слухи) и мысли (чувства), вследствие чего в структуре содержания соответствующих имен возникают такие элементы смысла, которые получают лингвистический статус прагматические (коннотативные) параметры. И из сочетаемости *волна обиды нахлынула* выводится имплицитная метафора имени ОБИДА- 'вода' (+ 'внезапность' и 'интенсивность'). Проекция обиды как состояния на материальную субстанцию воды, взятую в ее определенном состоянии (кванте) – в виде волны, очевидна.

В словаре русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко глагол *нахлынуть* включен в рубрику «Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно намеченной точки», а значение его определяется так: «Прибыть к кому-л, достичь чего-л во множестве, перемещаясь с разных сторон, неожиданно для окружающих, хозяев и т.п. А в скобках – «о людях, животных» [Бабенко 1999: 54]. Ни в каких других значениях этот глагол в словаре не представлен. Но совершенно очевидно, что во вторичных значениях ни рассматриваемый, ни какой-либо другой дескриптивный глагол, выступающий при АИ в качестве вторичного предиката, не может рассматриваться как основа для реконструкции портрета А-феномена. Опора только на буквальные значения.

По сочетаемости имени ОБИДА (и других АИ) с вторичными предикатами восстанавливается (реконструируется) достаточно неоднородный портрет обиды как сложного психосоматического состояния. Свободная сочетаемость добавляет к этому портрету свои штрихи. Главная претензия Ю.Д. Апресяна к тому методу, который в 1979 г. был предложен В.А. Успенским в его известной статье [Успенский 1999], состояла в разношерстности того портрета имен, сочетаемость которых анализировал автор статьи. Но и семантико-синтаксическая специфика абстрактных имен состоит в наличии у них «валентности на интерпретацию», границы которой в индивидуальном сознании очерчиваются опытом и ассоциативными возможностями личности. Задача когнитивной лингвистики – изучить метафоризаторы АИ, выделив инвариантные проективные смыслы портретируемых феноменов.

Если взять такие экзистенциально значимые понятия, как «жизнь», «смерть», «болезнь», актуальное для современного момента понятие «доверие», о котором много говорят экономисты, то следует отметить, что они имеют в социуме противоположную аксиологическую окраску. Для кого-то жизнь – подарок, а кто-то считает ее тюрьмой, для кого-то свобода – дар, а на кого-то она обрушилась. Вторичные глагольные предикаты создают целый спектр имплицитных метафор, проявляя свой прагматический потенциал.

Выводы. 1. Реконструкция портретов значимых для культуры А-феноменов, захватившая лингвокультурологию, основана на анализе в первую очередь связанных значений вторичных предикатов АИ – дескриптивных глаголов и прилагательных, а также предметных имен в их всегда переносных значениях. Метод концептуального анализа АИ дает достоверные, верифицируемые результаты, поскольку он основан на анализе вторичных предикатов, рассмотренных исключительно в их основных, буквальных значениях. Только не следует забывать, что термин «концепт», которому современная когнитивная семантика придает особую роль, является лишь лингвистическим инструментом, прилагаемым к моделированию сложно организованного содержания абстрактных имен, особенно тех, за которыми стоят социальные и психологически значимые феномены культуры.

2. Ограничения АИ на сочетаемость мотивируются не логикой отношений между предметами внеязыковой действительности, как это наблюдается в свободной сочетаемости, а корреляцией со сложившимся в культуре представлением об абстрактных феноменах. Эти представления а) направляют сочетаемость АИ (позиция говорящего), б) считаются по сочетаемости (позиция слушающего), что позволяет реконструировать «портрет» феномена в проективных смыслах (позиция лингвиста).

3. Во вторичных предикатах абстрактного имени проявляет себя мифологичность мышления, прочно стоящая на взаимодействии прагматических потенциалов имени и его предикатов (глаголов, прилагательных). Абстрактный феномен (обида) проецируется на предметы эмпирического опыта (вода), а наглядный предмет (вода) передает АИ свои предикаты (*нахлынуть*). Таким образом феномен наделяется имплицитной образностью, а экспликатором является предикат имени. Абстрактный феномен получает необходимую для мысли о нем наглядность через его проекцию на «картинную плоскость» коллективного (и индивидуального) опыта. Очевидна когнитивная зависимость а) абстрактного феномена от предметной, наглядной сферы и б) предикатных имен от предикатов предметных имен. АИ и вторичные предикаты являются наиболее значимым фрагментом «коннотативной семантики» – важнейшей составляющей прагматикона культуры.

Литература / References

1. *Бабенко Л.Г.* Толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
2. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1963. – 381 с.
3. *Дэвилсон Д.* Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. – 445 с.
4. *Кант И.* Сочинения в 6 томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. – 743 с.
5. *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–382.
6. *Лосев А.Ф.* О понятии языковой валентности // Языковая структура. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. С. 131–143.

7. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Ведение // Толково-комбинаторный русского языка. Вена, 1984. С 69–107.
8. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 тт. Т. 3. М.: Наука, 1994. С. 79–420.
9. Пешиковский А.М. Избранные труды. М.: Минпрос РСФСР, 1959. – 260 с.
10. Плунгян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158–169.
11. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука. – 269 с.
12. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных имен существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: ЯРК, 1997. С. 146–152.
13. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997 (УРСС 2010).
14. Чернейко Л.О. Мифологемы сознания: Вербализация и интерпретация // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2018, № 3 (34). С. 135–154.
15. Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019, № 2. С. 158–170.
16. Шмелев Д.Н. Семантическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука. – 149 с.

СЕРИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕРШЕННОГО ВИДА РУССКОГО ГЛАГОЛА: ЛЕГКОЕ ДЕЙСТВИЕ, САМОПРОИЗВОЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

О.К. Грекова

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

SERIAL VERB CONSTRUCTIONS AND THE PRAGMATIC POTENTIAL OF THE RUSSIAN
VERB PERFECTIVE ASPECT: EASY ACTION, SPONTANEOUS ACTION

O.K. Grekova

Abstract: The paper brings to light the hypothesis of expressing the ideas: a) of an easy action; b) of a spontaneous action – via Russian language means. For checking it concerning a) the use of several double verb constructions is being analyzed: 1) double Perfect Past Tense forms with initial verbs *пойти, встать, взять*; 2) double Perfect Future Tense forms with the same initial verbs; 3) double Perfect Imperative forms with the same initial verbs. Also the construction *раз + u + СВ* is taken into consideration. For checking the hypothesis concerning b) the Decausative constructions with the Perfective Verb Aspect form has been analyzed. The double verb constructions are interpreted as Asymmetric Structure Serial Verb Constructions. Research materials have led to the conclusion of expressing the noted ideas via enumerated Russian Colloquial Speech means being real and, consequently, of including the two meanings into the Perfective Verb Pragmatic sphere being possible.

Keywords: Perfect Verb Aspect Pragmatics; easy action; spontaneous action; Serial Verb Constructions

Аннотация: Гипотезой статьи является возможность выражения средствами русского языка идей: а) легкости действия, б) самопроизвольности действия. Для ее проверки относительно а) рассматривается употребление в современной разговорной речи ряда двойных глагольных конструкций с формами совершенного вида (далее СВ) глагола: 1) двойные формы прошедшего времени СВ с инициальными глаголами *пойти, встать, взять*; 2) двойные формы будущего времени СВ с теми же инициальными глаголами; 3) двойные формы императива СВ с теми же инициальными глаголами, а также конструкция *раз+u+СВ*. Для проверки гипотезы относительно б) проанализированы декаузативные конструкции с формами СВ. Двойные глагольные конструкции интерпретируются как сериальные глагольные конструкции асимметричной структуры. Материалы исследования позволили сделать вывод о реальности выражения в современной разговорной речи названных идей указанными языковыми средствами и, следовательно, о необходимости включения данных значений в прагматикон русского СВ.

Ключевые слова: прагматикон совершенного вида; легкое действие; самопроизвольное действие; сериальные глагольные конструкции.

1. Прагматика русского вида

Аспектуальные значения русского предложения (под которыми подразумевается характеристика типа протекания, распределения во времени действия и состояния и одним из носителей которых является категория вида) в наши дни исчислены российскими и зарубежными исследователями (Ю.С. Масловым,

А.В. Бондарко, М.Я. Гловинской, Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной, Тэк-Гю Хонг, Stephen Dickey и др.), их перечень включает однократность, повторяемость, длительность, мгновенность / завершённость / предельность, перфектность, общий факт.

Российскими и зарубежными исследователями анализируются и прагматические употребления видовых форм. Исследования прагматики НСВ на сегодняшний день, как кажется, можно назвать более продвинутыми. «В этой зоне существует тенденция разграничения объективного и субъективного, к последней сфере относят интерпретационные значения НСВ, такие как выделенность, важность действия/состояния, неожиданность сообщения, дистанция между собеседниками, разница в их социальном или ином статусе, отношения «свой-чужой», снятие с себя ответственности за действие и др.» [Грекова 2022: 105], смягчение иллокутивной силы высказывания [Тэк Гю Хонг 2003: 266–267] и проч.

Относительно прагматики вида вопросы общего характера рассматривались Е.В. Падучевой, S.C. Levinson, Е.В. Петрухиной, И.Б. Шатуновским, Г.М. Зельдовичем и другими. В целом до сих пор исследования прагматики СВ, в отличие от прагматики НСВ, носили относительно узкий характер. И.П. Назарова рассмотрела в качестве прагматического перфектное значение форм будущего времени СВ, сделав акцент на способах выражения временного ориентира достижения результата [Назарова 2016]. Ч. Челоне рассмотрела в прагматическом аспекте с позиции теории речевых актов формы СВ как компонент директива. Автор именует результативность, однократность, локализованность во времени, последовательность действий «первичными, условно-прагматическими видовыми значениями глаголов повелительного наклонения» [Челоне 2018: 89]. Однако, с нашей точки зрения, в обеих работах, а также в исследовании Г.М. Зельдовича «Прагматика грамматики» [Зельдович 2012: 34–72] описывается не столько прагматика, сколько семантика видовременных форм глагола именно СВ.

2. Понятие ‘лёгкое действие’

В картинах мира разных народов присутствует представление о трудности/лёгкости бытия, иногда выражаемое исподволь, имплицитно, а иногда эксплицируемое определёнными языковыми средствами, глагольными и неглагольными.

Обозначение трудности / лёгкости бытия тяготеет к глагольной системе языков разных семей. Значение легкости бытия обнаружено, например, в турецком языке. Гениш Эйюп в двухтомной Грамматике турецкого языка [Гениш Эйюп 2008], в разделе «Составные глаголы, образованные слиянием двух глаголов» отмечает не только значение быстроты действия (Tezlik Fiili), но и специальную глагольную форму быстроты с таким комментарием: «Глагол принимает **форму** быстроты, когда к корню глагола или глагольной основе присоединяется *ivermek, uvermek*, которое добавляет основному дей-

ствию значение внезапности, быстроты и простоты осуществления (последнее наиболее существенно – О.Г.) (пример *Okuyuvermek* в переводе на русский *Это сразу же легко прочитать*)» [Указ. соч.: 169].

Пограничными областями названного явления в турецком признаются: 1) «значение пренебрежения и маловажности (примеры в авторском переводе: *Возьми да выбрось ты их. Ну что такого, как-нибудь еще раз пусть придёт. (Ничего) еще раз сходят*); 2) совет быстрого и простого решения проблемы (примеры в переводе на русский: *А ты возьми и тоже её не слушай. Вы их тоже теперь не зовите*)» [Указ. соч.: 172-173].

К средствам обозначения лёгкости совершения действия в русском языке можно отнести ряд двойных глагольных конструкций, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как сериальные.

3. Сериальные глагольные конструкции (далее СГК) симметричной и асимметричной формы

3.1. СГК в мировой лингвистике. В мировой лингвистике двойные глагольные конструкции привлекли внимание ученых еще в 30-е гг. XX века. Их изучали в языках разных семей: из славянских языков в русском языке, а также в языках Африки, Океании, Новой Гвинии, в креольских языках – такие исследователи как А.А. Шахматов, А.Н. Потебня, А.Н. Гвоздев, Н.Ю. Шведова, А.Ю. Айхенвальд, Р.М. Диксон, Д. Вестерман, В.А. Плунгян, А.Б. Шлуинский и др.

Под сериальной глагольной конструкцией (далее СГК) подразумевают «последовательность из двух или более глаголов, функционирующих как единый предикат и описывающих единое событие. Глаголы в сериальной конструкции независимы семантически, не связаны друг с другом каким-либо показателем синтаксической связи, грамматически оформлены одинаково» /Ru.wikipedia.org (дата обращения 01.11.24).

В российском языкознании двойные монокатегориальные конструкции вначале изучались в разных их разновидностях: существительное + существительное и глагол + глагол. А.Н. Гвоздев в 1930 г. описал ряд двойных конструкций в статье «Согласование глагола с глаголом» [Гвоздев 1930: 55]. Н.Ю. Шведова в 1960 г. в «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 1960: 32–78] представила значительный корпус русских двойных конструкций, именных и глагольных.

В 1998 г. В.А. Плунгян отметил ряд особенностей таких конструкций: «Сериальная конструкция представляет собой цепочку глаголов (**в личной форме** (выделено нами – О.Г.), не соединенных союзами и имеющих не менее одного общего актанта (аналогом сериальной конструкции в русском языке могут служить сочетания типа *сидит пишет* или *попробуй возьми*)». [Плунгян 1998: 23].

В некоторых работах признаются также инфинитивные СГК, общее подлежащее и вторые актанты / сирконстанты и, наоборот, не при-

знаётся «выравнивание» глаголов в составе SGK по виду и времени. Универсалии разного рода внутренних связей элементов SGK рассмотрены в работах В.А. Плунгяна [Плунгян 1988: 99–112] и А.Б. Шлуинского [Шлуинский 2010: 413–500, 2012: 128–133].

3.2. Синтаксические связи элементов SGK. Российские языковеды искали как синтаксическую, так и лексическую сторону конструкций. По поводу синтаксических связей ими делались разные выводы. Можно считать, что первым определенно свою синтаксическую позицию выразил А.Н. Гвоздев, и она четко описана Н.Ю. Шведовой: «Основная задача А.Н. Гвоздева было доказать, что в таких сочетаниях имеет место **подчинение** одного глагола другому (выделено нами – О.Г.): согласование в формах числа, рода, лица, времени, наклонения и вида. <...> Однако, представляется более правильным видеть здесь просто **координацию форм** (выделено нами – О.Г.)» [Шведова 1960: 48]. В.И. Собинникова видела в этих сочетаниях «особую форму связи (соотносительное подчинение), отражающее **переходный момент в развитии примыкания** (выделено нами – О.Г.)» [Собинникова 1957: 74].

Мы считаем обоснованно доминирующей позицию Н.Ю. Шведовой. Однако не со всеми её утверждениями можно согласиться, например, она утверждает, что «...первый глагол – всегда глагол конкретного действия» [Шведова 1960: 47]. В этом случае верному частному утверждению придаётся чересчур расширительный характер. Об этом ниже в характеристиках анализируемых SGK.

3.3. Лексико-семантические особенности SGK. Эта сторона конструкций как будто не вызывает особых разногласий, и большинство авторов отмечает тесную семантическую связь элементов глагольной цепочки, т. е. они, в отличие от других бессоюзных конструкций, обозначают одну целостную ситуацию. Разногласия касаются степени семантичности элементов: есть мнение, что каждый элемент обязательно вносит свою семантику.

3.4. Композиционные свойства SGK. С точки зрения семантико-композиционных свойств, выделяются два типа SGK: **симметричные** и **асимметричные**. В состав **асимметричной** сериальной конструкции входят два глагола, один из которых принадлежит к достаточно широкому, неограниченному классу, другой принадлежит к семантически / грамматически ограниченному (или закрытому) классу. «Асимметричные конструкции обозначают единое событие, описываемое глаголом из неограниченного класса; глагол из закрытого класса модифицирует его значение – чаще всего это *глагол движения или положения в пространстве*, выражающий направление или придающий всей конструкции дополнительные видовременные характеристики. Все компоненты **симметричных** сериальных конструкций принадлежат к неограниченным семантическим / грамматическим классам» [Aikhenvald, Dixon 2006: 56].

Характеристики анализируемых русских двойных конструкций как SGK будут представлены ниже.

4. СГК в русском языке с глаголами СВ

В целом в русском языке немало двойных глагольных конструкций, выполняющих разнообразные функции.

С личными формами глагола:

А) прошедшего времени: *пошёл принёс воды, зашёл купил хлеба, сел посидел с ребёнком, пришёл взглянул на поломку;*

Б) будущего времени: *пойду принесу воды, зайду куплю хлеба, сяду посижу с ребёнком, приду взгляну на поломку.*

С императивом: *Пойди принеси воды /разберись, зайди купи хлеба, сядь посиди, приди взгляни, попробуй разберись /найди (иголку в стоге сена), поди уследи за ней, смотри не забудь.*

В целом приведенные нами СГК маркируют либо лёгкость, либо скорость осуществления действия, и разграничить последние два значения помогает контекстуальная лексико-грамматическая поддержка. СГК с двойным инфинитивом в нашем корпусе примеров не были отмечены. Идея лёгкости совершения действия ими не выражается.

Ряд СГК с императивом образуют другие классы:

1) с модальным значением невозможности действия, напр. *Попробуй разберись в этих женских ревностных отношениях! Преступление давнее, попробуй найди иголку в стоге сена!* (А.Маринина);

2) с модальным значением предостережения, где *смотри/смотрите* теряет глагольные свойства, выступая в роли сигнала привлечения внимания собеседника: *Смотри не забудь полить цветы! Смотрите не простудитесь, вечер холодный.*

Ниже мы рассмотрим ряд двойных глагольных конструкций с формами СВ.

1) Двойные формы прошедшего времени СВ с инициальными глаголами *пойти, встать, взять*.

Пошёл (и/да) сделал: а) *Конфликт разгорелся, он пошёл и/да написал заявление об уходе. Конечно, такому айтишнику везде будут рады.* б) *Сколько все мучились с замком? Говорили, что отремонтировать трудно. А он пошел починил.*

Взял и сделал: *Ребенок уверен в себе, взял и подал документы в самый престижный вуз. Что в этом плохого?*

Встал и сделал: *Все недовольны, но молчат, а он встал и заявил об этом открыто. Что называется, не парился* (Из разговора в московском транспорте).

Глаголы *пойти, взять, встать* при этом не обозначают передвижения в пространстве, а являются составляющими маркирования лёгкости совершения действия. Доказательством служит элиминация первой глагольной формы, которая снимает значение лёгкости: А) *Конфликт разгорелся, он написал заявление об уходе.* Б) *Сколько все мучились с замком? А он починил.*

2) Двойные формы будущего времени СВ с инициальными глаголами *пойти, встать, взять*.

- А) Смотрите, пандемия закончится, удалёнку легко **возьмут и отменят**. Племянница будет ездить на работу. У вас есть кто-то, кто будет вам помогать? [А.Маринина].
- Б) Михаилу ни слова. **Возьмёт и сдаст с потрохами**. Легко. [А.Маринина].
- В) Погода-то какая! **Возьму и заберу** сейчас Тимофея из сада. В зоопарк пойдём [К. Метелица].

3) Двойные формы императива СВ

- А) Л. – Почему муж у тебя, Муся, такой беспомощный? Если обед в холодильнике, **возьми сам подогрей**, а он сидит тебя ждет.
- М. – Он не беспомощный, он любит обедать и ужинать вместе со мной, потому и ждет [А.Маринина]
- Б) В чем проблема? **Позвони договорись** о встрече, ведь её не избежать.
- В) Вся семья расстроена. **Возьми да признайся**, что это ты пережег фен. Разве сложно? Не убьют же они тебя.

4) Конструкции раз + и + прош. вр. СВ / буд. вр. СВ

СВ русского глагола участвует в выражении идеи лёгкости совершения действия также в конструкции **раз + и + прош. вр. СВ / буд. вр. СВ**

- А) Алла еле ходит, Эдита сидит на сцене, а он **раз – и сделал** во время исполнения сальто (ТВ канал «Культура» 2003,04).
- Б) В чем здесь сложность? Сами эти виджеты **раз и откроют** все файлы, созданные в приложениях! Айтишники отдохнут немного (Вечерняя Москва).

В данных четырёх типах конструкций встречается контекстуальная поддержка значения легкого действия, а именно: *В чем проблема? Разве сложно? В чем здесь сложность? Легко*. Возникают также смысловые оппозиции: *Говорили, что отремонтировать трудно, а он починил легко*. И речь идет об однократных действиях.

Представим кратко основные характеристики рассмотренных двойных глагольных конструкций.

1. Включают единую грамматическую форму глаголов СВ и не обозначают последовательности действий, в них невозможна интонация перечисления.

2. Их можно считать асимметричными, где глаголы неограниченного класса обозначают реальные действия (*принести, купить, посидеть, взглянуть, разобраться*), а глаголы ограниченного класса (*пойти, зайти, сесть, прийти, взять*) обозначают перемещение (иногда, в частности, направление движения).

3. Описывают одну ситуацию с непроницаемыми границами. Это предложения одной предикации.

4. Семантическую нагрузку несет второй глагол, в то время как первый десемантизируется (см. приведённое выше иное утверждение Н.Ю.Шведовой).

5. При выражении аспектуального значения лёгкого действия конструкция является нечленимой. Элиминация первого компонента привела бы к потере названного значения.

6. Парадигма употребления данных конструкций является неполной (отсутствуют инфинитивные предложения и предложения настоящего времени).

5. Самопроизвольное действие

На наш взгляд, прагматично употребление форм СВ как декаузативов, и в этом явлении можно увидеть и грамматическую основу, и прагматическую сторону. Известно, что декаузативы это возвратные глаголы, в результате возвратной деривации образованные от переходных каузативных глаголов СВ и изображающие действия как неволевые, самопроизвольные, причем чаще всего неавторизованные (*Первым выпьется шампанское. Сам документ не подпишется, имей в виду!* Радиостанция Спутник).

Как было отмечено, в частности, на XIX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации, «декаузативы конструкции и деструкции в малом количестве давно были свойственны научной речи (*создалось ощущение; впечатление не сложилось; Программа работы секции по сути сама сформировалась очень удачно*), газетно-публицистическому стилю (*Такие книги прочитаются быстро* (реклама в отделе детской литературы); *Эти клубы уничтожатся сами по себе, волноваться за детей не стоит*. (Газ. «Вечерняя Москва») [Грекова 2019: 171]. Иногда употребление декаузатива обосновано когнитивно, связано с отсутствием знаний о субъекте действия. Например: *Да, секция перегружена, но два доклада отменились*.

Расширяется сфера образования декаузативных конструкций и от переходных глаголов, в том числе глаголов движения: *Да с таких уроков, как у нашей биологички, уходится легко* (Из речи школьников).

Таким образом, значения лёгкого действия и самопроизвольного действия претендуют на занесение в прагматикон русского СВ.

Литература / References

1. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. В 2-х томах. Т. 2. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 352 с.
2. Гвоздев А.Н. Согласование глагола с глаголом // Русский язык в школе. 1930, № 2. С. 55.
3. Грекова О.К. Декаузатив в русском языковом сознании (прагматика совершенного вида) // XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Теория речевой деятельности: вызовы современности. Москва, 6-8 июня 2019. М.: Канцлер. 2019. С. 170–171.
4. Грекова О.К. Очерки современной русской функциональной аспектологии. Монография в 2-х книгах. Кн. 1. М.: МАКС Пресс, 2022. 376 с.
5. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянской культуры. 2012. 643 с.
6. Назарова И.П. Прагматический аспект функционирования будущего времени совершенного вида – перфектное значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. В 2-х частях. Ч. 1. С. 136-139.

7. Плунгян В.А. Глагольная сериализация как лексический феномен // Громова Н.В. (ред.). Лексикология и словообразование африканских языков. М.: Издательство Московского университета, 1988. С. 99–112.
8. Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М: 1998. 49 с.
9. Собинникова В.И. Словосочетания с двумя глаголами, связанными по принципу подчинения // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж: 1957, Т. 59 С. 69-79.
10. Тэк-Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003. 448 с.
11. Челоне Ч. Виды глаголов повелительного наклонения в прагматическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, Вып. 3. С. 89–97.
12. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Издательство АН СССР. 1960. 378 с.
13. Шлуинский А.Б. Синтаксис глагольной группы и сериальные конструкции в языках эве и акан // Виноградов В.А. (ред.). Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 413–500.
14. Шлуинский А.Б. К типологии морфосинтаксических техник «соединения событий воедино»: Материалы конференции / 2-я тематическая конференция «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, МГТУ им. М. А. Шолохова, 14–16 ноября 2012. С. 128–133.
15. Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. 394 p.
16. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://Ru.wikipedia.org> Дата обращения 01.11.2024.

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С СОЮЗОМ *А*

Т.Г. Рощектаева

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

DISCURSIVE FUNCTIONS OF MORPHOLOGICAL FORMS OF THE VERB'S
IMPERATIVE MOOD IN COMPOUND SENTENCES WITH A CONJUNCTION *A*

T.G. Roshchektaeva

Abstract: The article provides a structural and semantic analysis of compound sentences with the conjunction *a*, which include a verb in the form of the 2nd person singular of the imperative mood, and a subject expressed by a personal pronoun of the 1st person singular. The communicative and pragmatic functions of the imperative form, its discursive functions in this type of sentences are determined. It is noted that the meaning of the obligation, expressed by the form of the imperative mood of the 2nd person singular in a compound sentence with the conjunction *a*, may have additional modal shades determined by the grammatical and semantic features of a complex sentence, its intonation. The question is raised about the manifestation in this type of compound sentences with the conjunction *a* of morphosyntactic properties, which are characteristic of the grammatical structure of agglutinative languages (for example, Hungarian language).

Keywords: verb; imperative mood; compound sentence; conjunction; discursive function.

Аннотация: В статье даётся структурно-семантический анализ сложносочинённых предложений с союзом *а*, в состав которых входит глагол в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, и субъект, выраженный личным местоимением 1 л. ед. ч. Определяются коммуникативно-прагматические функции формы императива, его дискурсивные функции в данном типе предложений. Отмечается, что значение долженствования, выраженное формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч. в сложносочинённом предложении с союзом *а*, может иметь дополнительные модальные оттенки, определяемые грамматическими и семантическими особенностями сложного предложения, его интонационным оформлением. Затрагивается вопрос о проявлении в данном типе сложносочинённых предложений с союзом *а* морфосинтаксических свойств, которые характерны для грамматического строя агглютинативных языков (например, венгерского языка).

Ключевые слова: глагол; повелительное наклонение; сложносочинённое предложение; союз; дискурсивная функция.

Рассмотрение сложносочинённых предложений с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай*, в состав которых входит предикат, выраженный глаголом в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, и субъект, выраженный личным местоимением 1 л. ед. ч., представляет интерес для определения коммуникативно-прагматических функций формы императива, т. к. в сложносочинённых предложениях данного типа форма повелительного наклонения глагола (*работай*) не согласуется с субъектом (*я*). Рассогласование

субъекта и предиката по форме в сложносочинённых предложениях с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай* обуславливает изменение логико-семантических отношений между частями сложного предложения.

Категориальное значение повелительного наклонения – это маркирование действия, к которому говорящий побуждает адресата. Морфологические формы повелительного наклонения русского глагола (*пиши; читайте*) используются говорящим для побуждения к действию второго лица, т. е. форма императива называет действие, обращённое к адресату 2 л. ед. ч. или 2 л. мн. ч.

С точки зрения синтаксической характеристики сложного предложения части сложносочинённых предложений «находятся в отношениях равноправия» [Русская грамматика. Т. 2. 2005: 615]. В сложносочинённых предложениях с союзом *а*, который не сопровождается такими лексическими конкретизаторами, как *а также, а кроме того, а стало быть, а вместе с тем* и др., «выражаются три вида отношений: сопоставительные, присоединительно-распространительные и отношения несоответствия» [Русская грамматика. Т. 2. 2005: 622]. В рассматриваемом типе предложений *Они отдыхают, а я работай* выражены сопоставительные отношения, т. к. объектом сопоставления являются предикативные признаки (*отдыхают – работай*) и субъекты (*они – я*), но в данном сложносочинённом предложении с союзом *а* прослеживается выражение отношения несоответствия, которое базируется на антонимичности лексических значений глаголов *отдыхать – работать*.

При проведении структурно-семантического анализа сложносочинённого предложения с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай* необходимо определить адресанта морфологической формы повелительного наклонения 2 л. ед. ч. (*работай*) при отсутствии согласования данного императива с субъектом (*я*). Для этого следует рассмотреть контекстуальную информацию, которая является одним из условий реализации сопоставительных отношений в данном типе сложносочинённых предложений, т. к. характер побуждения может определяться не только видовым значением и лексической семантикой глагола в форме повелительного наклонения 2 л. ед. ч., но и контекстом, в котором отражается содержательная общность соотносимых частей сложного предложения данного типа и формируются отношения несоответствия, реализуемые в сложном предложении.

Для определения адресанта императива, входящего в состав сложносочинённого предложения с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай*, были проанализированы предполагаемые диалоги, произошедшие между Субъектом 1 (автором сложносочинённого предложения с союзом *а*) и Субъектом 2 (лицом, вступившим в речевое общение с Субъектом 1). Анализ предполагаемых диалогов направлен на выявление специфики коммуникативной функции сложносочинённого предложения, содержащего предикат, который выражен глаголом в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, и субъект, выраженный личным местоимением 1 л. ед. ч.

Было выделено 3 типа предполагаемых диалогов, в которых представлены сложносочинённые предложения с союзом *а* и дискурсивные контексты, в которых актуализируется прагматический аспект предложений, используемых в процессе речевого общения Субъекта 1 и Субъекта 2.

Первый тип предполагаемых диалогов.

Субъект 1. – Какая программа на сегодня?

Субъект 2. – Мы пойдём отдыхать, а ты работай.

Субъект 1. – *Они отдыхают, а я работай.*

Субъект 2 в ответ на вопрос Субъекта 1 *Какая программа на сегодня?* включил в предложение императив *работай*, а Субъект 1 использовал форму императива в сложносочинённом предложении *Они отдыхают, а я работай.* В данном сложном предложении императив *работай* является цитатой, т. е. дословным воспроизведением чужой речи с отсутствием вводящих цитату компонентов. Цитата в данном сложносочинённом предложении с союзом *а* является средством выражения диалогичности. В данном случае диалогичность образуется за счёт привнесения в часть сложносочинённого предложения с союзом *а* элемента чужой речи, т. е. цитаты, в точности воспроизводящей отрезок предложения, автор которого – Субъект 2. Императив *работай* является дискурсивным маркером ввода чужой речи в сложносочинённое предложение с союзом *а* и выполняет в семантико-синтаксической структуре предложения *Они отдыхают, а я работай* дискурсивную функцию.

Второй тип предполагаемых диалогов.

В приёмной начальника

Субъект 1. – Скажите, пожалуйста, начальник у себя?

Субъект 2. – Начальник уехал в банк. Пожалуйста, присядьте и подождите его здесь.

Субъект 1. – *Он уехал, а я сиди и жди его здесь.*

Субъект 2 включает в ответ на вопрос Субъекта 1 императивы *присядьте, подождите*, а Субъект 1 использует в сложносочинённом предложении императивы *сиди, жди*, которые представляют собой трансформируемые цитируемые слова Субъекта 2, образуемые за счёт структурно-семантических изменений исходной цитаты, т. е. слов Субъекта 2 (*Пожалуйста, присядьте и подождите его здесь*). Данный способ передачи информации служит средством презентации цитируемых слов в трансформируемом виде с сохранением их лексических значений.

Таким образом, в сложносочинённом предложении с союзом *а* морфологическая форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. выполняет дискурсивную функцию, т. е. функцию ввода чужой речи в виде дословной цитаты (см. первый тип предполагаемых диалогов) или в виде трансформируемых цитируемых слов (см. второй тип предполагаемых диалогов), что способствует созданию диалогичности речи.

Третий тип предполагаемых диалогов (два варианта).

Первый вариант.

В приёмной начальника

Субъект 1. – Скажите, пожалуйста, начальник у себя?

Субъект 2. – Начальник уехал в банк. Можете присесть и подождать его здесь.

Субъект 1 решил дожидаться начальника в приёмной. «*Он уехал, а я сиди и жди его здесь*», – подумал Субъект 1.

Второй вариант.

В приёмной начальника

Субъект 1. – Скажите, пожалуйста, начальник у себя?

Субъект 2. – Начальник уехал в банк.

Субъект 1 решил дожидаться начальника в приёмной. «*Он уехал, а я сиди и жди его здесь*», – подумал Субъект 1.

В третьем типе предполагаемых диалогов сложносочинённое предложение *Он уехал, а я сиди и жди его здесь* представляет собой внутреннюю речь Субъекта 1, использующего формы императивов *сиди, жди* в сложном предложении, которое не было им произнесено. В художественном произведении данное предложение может передавать внутреннюю речь героя [Кожевникова 1994: 135]. Морфологическая форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. (*сиди, жди*) при субъекте, выраженном личным местоимением 1 л. ед. ч. (*я*), может выполнять функцию «побуждения к действию самого себя». Данная функция свойственна внутренней речи, которая может принимать диалогичные формы.

В первом варианте третьего типа предполагаемых диалогов в высказывании Субъекта 2 *Можете присесть и подождать его здесь* представлена возможность осуществления действий Субъектом 1. Во втором варианте третьего типа предполагаемых диалогов в высказывании Субъекта 2 *Начальник уехал в банк* наблюдается абсолютное отсутствие маркирования действия, которое следует осуществить Субъекту 1. Императивы *сиди, жди* в сложном предложении *Он уехал, а я сиди и жди его здесь*, входящем в прямую речь, выполняют функцию передачи внутренней речи Субъекта 1, которая заключается в отражении его реакции на информацию, полученную им от Субъекта 2.

Таким образом, определить адресанта морфологической формы повелительного наклонения 2 л. ед. ч. в сложносочинённом предложении с союзом *а* можно при анализе ситуации, в которой проявляется контекстуально обусловленное значение императива, выявляемое при его сопоставлении с лексическим значением глагола, входящим в инициальную часть сложносочинённого предложения с союзом *а* (*отдыхают – работай; уехал – сиди, жди*).

В лингвистических исследованиях, посвящённых описанию категориального значения повелительного наклонения и значения его формы в составе предложения, отмечается, что в сложносочинённых предложениях с союзом *а* форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. используется для выражения значения долженствования. В «Русской грамматике» при рас-

смотрении значения формы повелительного наклонения говорится, что побуждение может быть соединено со значением долженствования. В качестве примера приводится вопросительное предложение: «*Вы не платите, а я за вас отвечай?*» (Чех.)» [Русская грамматика. Т. 1. 2005: 624].

В учебном пособии А.А. Камыниной «Современный русский язык. Морфология» при анализе частных значений наклонений предлагается тот же пример, что и в «Русской грамматике»: «*Вы не платите, а я за вас отвечай*» (Чехов)» [Камынина 2010: 173], но данное предложение в учебном пособии «Современный русский язык. Морфология» даётся как повествовательное, а не вопросительное. Императив *отвечай*, включённый в сложносочинённое предложение с союзом *а*, характеризуется как форма повелительного наклонения в транспозиции, относится к формам императива, которые «употребляются без отнесенности к адресату (синтаксическому обращению)» [Камынина 2010: 173] и выражают значение долженствования.

Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов в учебнике «Современный русский язык» отмечают, что форма повелительного наклонения может выражать «вынужденное действие субъекта, которое он обязан выполнять и которое вызывает в нем чувство протеста, недовольства» [Шанский, Тихонов 1987: 203]. В качестве примера в учебнике «Современный русский язык» приводится следующее предложение: «– *Путают, путают, а я распутывай, – сердито сказал он* (Сологуб)» [Шанский, Тихонов 1987: 203].

В приведённом в «Русской грамматике» примере «*Вы не платите, а я за вас отвечай?*» (Чех.) значение долженствования, выраженное формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч. в сложносочинённом предложении с союзом *а*, определяется при помощи следующей трансформации: *Вы не платите, а я за вас должен отвечать?* Но данное предложение вопросительное, поэтому в исходном сложносочинённом предложении и в его трансформируемой форме значение долженствования предполагается или ставится под сомнение.

Для определения значения формы повелительного наклонения 2 л. ед. ч. в предложении «– *Путают, путают, а я распутывай, – сердито сказал он*» (Сологуб) может быть произведена следующая трансформация: – *Путают, путают, а я должен распутывать, – сердито сказал он*. В данном предложении значение формы повелительного наклонения *распутывай* соотносится со значением долженствования, выраженное словосочетанием 'должен распутывать'. В русском языке конструкция *должен* + инфинитив относится к средствам выражения деонтической модальности. Но наречие *сердито*, входящее в авторские слова данного предложения, привносит в него дополнительный модальный оттенок неодобрения слов, которые представлены в сложносочинённом предложении с союзом *а*. Наречие оценочной семантики (*сердито*) является средством выражения аксиологической модальности, что позволяет автору данного предложения нивелировать значение долженствования, выраженное формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., и предста-

вить аксиологическую модальную характеристику сложносочинённого предложения с союзом *а*.

Анализ контекстной информации сложносочинённых предложений с союзом *а* показал, что значение долженствования, выраженное формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., может быть осложнено модальными оттенками, определяемыми грамматическими и семантическими особенностями сложносочинённого предложения, его интонационным оформлением.

Таким образом, морфологическая форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. в сложносочинённом предложении с союзом *а* выполняет дискурсивную функцию, т. е. функцию ввода дословной чужой речи (цитата) или функцию передачи трансформации чужой речи (трансформируемые цитируемые слова), а также функцию фиксации внутренней речи, что способствует прерыванию линейной структуры сложного предложения и позволяет встроить семантически насыщенный отрезок сложного предложения с императивом в структуру речевого общения, возникающего между участниками коммуникации. Включение в часть рассматриваемого типа сложносочинённого предложения формы повелительного наклонения 2 л. ед. ч., которая является цитатой, трансформируемыми цитируемыми словами или внутренней речью, способствует формированию диалогичности речи. Структурно-семантический анализ сложносочинённых предложений с союзом *а* позволяет выявить коммуникативные функции, дискурсивные функции морфологической формы повелительного наклонения глагола 2 л. ед. ч., включённого в часть сложносочинённого предложения с союзом *а*, и определить значение императива. В рассматриваемом типе сложного предложения форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. связана с компонентами речевой ситуации, в которой реализуются прагматические установки участников коммуникации.

Проведённый структурно-семантический анализ сложносочинённых предложений с союзом *а* позволяет предположить, что субъект, выраженный формой личного местоимения 1 л. ед. ч., и предикат, выраженный формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., можно отнести к морфосинтаксическим явлениям русского языка, т. к. дистрибуция морфологической единицы – глагола в форме повелительного наклонения 2 л. ед. ч. – обусловлена синтаксическими ограничениями, накладываемыми структурой данного типа сложного предложения.

Рассмотрим сложносочинённое предложение с союзом *а*, имеющим другую структуру: *Они работают, а я возьми и пойди в театр*. В часть данного предложения, следующую после союза *а*, включена специальная синтаксическая конструкция *возьми и* (несвободное соединение с лексическим незаменимым первым компонентом *взять* и союзом *и*), которая определяет значение императива *пойди*, что позволяет говорить об употреблении в сложносочинённом предложении с союзом *а* конструкции *возьми и* + императив в форме 2 л. ед. ч. в значении изъявительного наклонения: *Они работают, а я взял и*

пошёл в театр. В сложносочинённом предложении с союзом *а*, включающем в свою структуру специальную синтаксическую конструкцию *возьми и*, формы императива *возьми, поиди* не выражают значения долженствования, а обозначают «мгновенное и внезапное действие, совершившееся неожиданно в прошедшем времени» [Шанский, Тихонов 1987: 203].

В русском языке формы повелительного наклонения 2 л. мн. ч. образуются путём присоединения к форме 2 л. ед. ч. постфикса *–те* [Русская грамматика. Т. 1. 2005: 622]. А.А. Камынина отмечает, что форма множественного числа повелительного наклонения образуется агглютинативным способом [Камынина 2010: 170]. В работе В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» в параграфе «Система повелительного наклонения с его агглютинативным строем» говорится о том, что «повелительное наклонение выделяется из системы других наклонений яркими чертами агглютинативного строя» [Виноградов 1986: 483].

Следует отметить, что связь грамматического строя некоторых агглютинативных языков с функционированием морфологической формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч. русского глагола прослеживается в сложносочинённом предложении с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай*. В части сложного предложения, следующей после союза *а*, субъект выражен личным местоимением 1 л. ед. ч. (*я*). Но субъект в данной части сложного предложения может быть представлен и другими личными местоимениями (*он, мы, они*), т. е. побуждение может быть отнесено к 3 л. ед. ч., к 1 л. мн. ч., к 3 л. мн. ч.: *Они отдыхают, а он работай. Они отдыхают, а мы работай. Эти отдыхают, а они работай*.

Для определения роли предиката, выраженного формой императива 2 л. ед. ч. в приведённых выше предложениях, рассмотрим формы императива в венгерском языке, относящемся к агглютинативным языкам.

В венгерском языке есть формы повелительного наклонения глаголов (глаголов, которые не оканчиваются на *–ik* в 3 л. ед. ч. наст. вр.) в безобъектном спряжении и в объектном спряжении для личных местоимений *én, te, ő, mi, ti, ők* (*я, ты, он, мы, вы, они*). Например, формы повелительного наклонения глагола *várni* (*ждать*) в безобъектном спряжении: (*én*) *várjak*; (*te*) *várj(-ál)*; (*ő*) *várjon*; (*mi*) *várjunk*; (*ti*) *várjatok*; (*ők*) *várjanak* [Bencédy József, Fábíán Pál, Rácz Endre, Velcsov Mártonné 1982: 176–180]. В данном агглютинативном языке есть формы повелительного наклонения глагола, которые выражают побудительные действия 1 л., 2 л., 3 л. ед. ч. и 1 л., 2 л., 3 л. мн. ч., т. е. морфологические формы императива называют действия, обращённые к адресату, который может быть выражен личным местоимением *я, ты, он, мы, вы, они*.

В русском языке при наличии форм повелительного наклонения 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. в условиях речевого общения возникает необходимость образования как форм единственного числа повелительного наклонения для 1 л. и 3 л., так и форм множественного числа повелительного наклонения для 1 л. и 3

л., поэтому в структуру сложносочинённого предложения с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай* могут быть включены семантические компоненты, характерные для грамматического строя агглютинативного языка. Для образования данных форм используется морфологическая форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч., которая в сложносочинённом предложении с союзом *а* восполняет отсутствующие в русском языке морфологические формы императива для личных местоимений *я, он, мы, они*. В сложносочинённых предложениях с союзом *а* субъектно-предикатные основы *я работай, он работай, мы работай, они работай* можно отнести к структурам, проявляющим морфосинтаксические свойства, которые характерны для грамматического строя некоторых агглютинативных языков, например, венгерского языка.

Таким образом, морфологическая форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч., входящая в часть сложносочинённого предложения с союзом *а* типа *Они отдыхают, а я работай*,

1) может выполнять дискурсивную функцию, сопряжённую с коммуникативно-прагматической функцией предложения;

2) может выражать помимо значения долженствования различные модальные значения, которые зависят от контекста, от лексического наполнения сложносочинённого предложения с союзом *а* и от его интонационного оформления;

3) может являться средством выражения побуждения к действию, которое обращено к лицу, выраженному личным местоимением *я, он, мы, они*, при реализации определённых коммуникативных задач в процессе построения речевого акта, т. е. в сложносочинённых предложениях с союзом *а* прослеживается тенденция восполнения отсутствующих в русском языке морфологических форм повелительного наклонения 1 л. ед. ч., 3 л. ед. ч., 1 л. мн. ч., 3 л. мн. ч., присущих грамматическому строю некоторых агглютинативных языков (например, венгерского языка).

Литература / References

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
2. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 240 с.
3. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994. 336 с.
4. Русская грамматика. Том 1 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2005. 784 с.
5. Русская грамматика. Том 2 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2005. 712 с.
6. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
7. Bencédy József, Fábián Pál, Rácz Endre, Velcsov Mártonné. A mai magyar nyelv / Szerkesztette Rácz Endre. Budapest: Tankönyvkiadó, 1982. 572 old.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ НАЧАЛА БЫТИЯ В РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Е.В. Ничипорчик

Беларусь, Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины,

Е.А. Воронич

Беларусь, Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE SITUATION OF THE BEING'S BEGINNING IN RUSSIAN VERB SENTENCES

E.V. Nichiporchik, E.A. Voronich

Abstract: Semantic classes of verbs, showing the ability to metaphorically represent the situation of initial phase of being, existence, are established. The nature of the refocusing of attention in the subject areas of the comparable situations, which determines the use of the verb in a figurative meaning, is cleared. It is concluded that the determination of the relationship of the semantic roles of words, representing actant positions in the models of sentences, which are original for semantics of a verb, and in figurative semantic models, can serve as a basis for «inventory» of procedures of verb meaning conversion.

Keywords: verb; sentence; situation; meaning; basic semantic model; figurative semantic model; actant; word; semantic sphere; semantic role.

Аннотация: Устанавливаются семантические классы глаголов, проявляющих способность к метафорическому отображению ситуации начальной фазы бытия, существования. Выясняется характер перефокусировки внимания в предметных областях уподобляемых ситуаций, обуславливающей употребление глагола в переносном значении. Делается вывод о том, что определение соотношения семантических ролей имен, представляющих актантные позиции в исходных для семантики глагола моделях предложений и в образных семантических моделях, может послужить основой для «инвентаризации» процедур преобразования глагольных значений.

Ключевые слова: глагол; предложение; ситуация; значение; базовая семантическая модель; образная семантическая модель; актант; слово; семантическая сфера; семантическая роль.

Категория бытийности – одна из наиболее абстрактных понятийных категорий. Она своеобразно проявляется в грамматическом строе языка. Базовые глаголы, реализующие значения бытия (*быть, есть, иметься, существовать, появляться, возникать и др.*), не имеют каких бы то ни было ограничений в своей сочетаемости. Это значит, что в языке, скорее всего, не будет наблюдаться значительного разнообразия семантических моделей глагольных предложений со значением бытия.

Судя по данным экспериментального синтаксического словаря «Русские глагольные предложения» под редакцией Л.Г. Бабенко [Русские глагольные предложения 2002] (далее РГП), глагольные предложения со значением бытия, действительно, обнаруживают значительно меньшее количество лексико-семантических вариантов базовых семантических моделей, чем, к примеру, гла-

гольные предложения со значением действия/деятельности. Возможно, причина кроется еще и в специфике текстопродуцирования: при развитии мысли о каждом новом объекте, как правило, не требуется отдельных предикаций, объективирующих знание о существовании того или иного объекта, так как это знание либо относится к логическим presuppositions, либо сопутствует основному (кваликативному, релятивному, статальному, локативному, функциональному и др.) значению предиката [Васильев 1990: 119–121].

Однако стремление человека разнообразить форму выражения своих мыслей, в том числе мыслей о бытии, акцентировать внимание на нюансах появления, существования или исчезновения объектов неизбежно влияет на состояние языковой системы. Показательно в этом отношении, что все приведенные в экспериментальном синтаксическом словаре базовые модели глагольных предложений со значением бытия характеризуются наличием образных семантических вариантов. Описание семантики образных моделей предложений со значением бытия в словаре говорит о том, что концептуализация бытия в таких предложениях является метафорической, так как основывается на уподоблении ситуаций. Интересно проследить, какие именно лексические ресурсы привлекаются для метафорической концептуализации бытия, а также каковы механизмы переключения регистров в семантике слов и грамматических структур, участвующих в создании образа.

В лингвистике уже достаточно хорошо изучены механизмы появления у слов новых значений, и в особенности переносных метафорических значений. Современные объяснения механизмов «языкового расширения» [Кутова 2004] можно считать гармоничным развитием античных концепций и пролонгацией новаторских теорий прошлого столетия. В то же время нельзя сказать, что на сегодняшний день все вопросы, связанные с объяснением возникновения производных значений у слов и определением закономерностей метафорической концептуализации действительности, решены.

В частности, несмотря на то что идеи, лежащие в основе когнитивной теории метафоры и определившие необычайный успех книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors we live by*» [Lakoff, Johnson 1980], признаны революционными, изучение концептуальной метафоры с лингвистической точки зрения, по мнению ряда ученых, сопряжено с некоторыми проблемами: это – не выявленность инвентаря формальных процедур преобразования знаний в процессе метафоризации, неразработанность общепринятого метаязыка представления знаний, зафиксированных в языковых единицах, а также отсутствие самой номенклатуры знаний, которые подвергаются обработке в ходе метафорического освоения мира [Баранов 2004: 9; Stefanowitsch 2006: 64; Горбунова, Цай Вэй 2019: 165]. Хотя эффект метафорического использования слова и состоит в «актуализации системы общепринятых ассоциаций» [Блэк 1990: 164], при проведении лингвистического анализа явно недостаточно опоры на эти ассоциации. Если же искать объяснение метафоры в

нарушениях сочетаемости слов, то правила стандартного употребления слов, как отмечает М. Блэк, оказываются слишком широкими, чтобы выступать надежной основой для реконструкции значения метафорического выражения [Блэк 1990: 157].

Ратуя за объединение различных подходов к изучению процессов порождения новых значений, российский исследователь Анна А. Зализняк, вслед за В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной, обращает внимание на имеющуюся проблему разграничения при семантической деривации «воспроизводимого» и «порождаемого» [Зализняк 2004: 21]. А.А. Зализняк считает, что обсуждаемая граница между тем, что человек держит в памяти, и тем, что он должен «конструировать» с опорой на имеющиеся в его сознании операции по преобразованию смыслов, «будет проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических классов, но, скорее всего, и для разных говорящих» [Зализняк 2004: 21].

В данной статье в центре научного интереса находится класс глагольных предикатных слов, определяющих формирование в языке образных моделей предложений со значением бытия. Ключевые теоретические посылки, вытекающие из накопленного в лингвистике длительного опыта изучения употреблений предикатных слов, в том числе в переносном значении, и принимаемые нами в качестве исходных, таковы: 1) семантика глагольного предиката «с самого начала “рассчитана” на определенный тип объектов и согласована с ним» [Куцова 2004: 26], 2) «общим исходным импульсом семантического сдвига для предикатных слов (и других «признаковых» единиц) является изменение типа актанта / актантов» [Куцова 2004: 27]. 3) источником семантического материала для нового значения глагола является не только его исходное значение, но и когнитивная модель исходной (прототипической для использования глагола) ситуации [Куцова 2004: 58].

Остановим свое внимание только на одном из типовых значений глагольных предложений со значением бытия – на значении ‘начальная фаза бытия, существования’ – и проследим, каким видится соотношение семантических ролей актантов при глаголах в предложениях, обозначающих ситуацию, из которой заимствуется образ (это прототипическая для глагола ситуация), и в предложениях, обозначающих ситуацию – преемник образа.

Актанты, в отличие от предикатных слов, представляют предметную область действия / бытия / состояния, соответственно, процессы метафоризации глагола связываются с изменением представлений о предметной области действия / бытия / состояния. Таким образом, для актуализации метафорической семантики глагола в предложении (при ином ракурсе восприятия – идентификации, в каком из значений следует воспринимать глагол) важна семантика слов, замещающих актантные позиции. Очевидно, что релевантностью в данном случае обладает не столько собственно лексическая, сколько селективная (термин А.Е. Михневича [Міхневіч 1976: 134]) – лексико-грамматическая

(семантико-синтаксическая) – семантика взаимодействующих с глаголом слов. Определение этой семантики и делает возможным схематичное представление значения предложения с переносным использованием глаголов.

Согласимся с мнением Г.И. Кустовой, которая утверждает, что производное значение глагола не может быть абсолютно непредсказуемым и что даже при непредсказуемости актанта «можно обнаружить какие-то закономерности – в той мере, в какой онтологические категории актантов и способы их взаимодействия с остальным семантическим материалом значения поддаются выявлению и систематизации» [Кустова 2004: 59].

Вопрос о составе и основаниях выделения и дифференциации семантических ролей (семантико-синтаксических функций имен, представляющих актантные позиции) на сегодняшний день все еще остается дискуссионным, несмотря на достаточно длительное время изучения глубинных структур предложения (Л. Теньер, У. Кук, Ч. Филлмор, У. Чейф, Р. Ван Валин и У. Фоли, Т.Б. Алисова, Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, В.Г. Гак, И.П. Сусов и многие другие). В данной статье за основу классификации семантических ролей принимается классификация, предложенная Е.В. Кашкиным и О.Н. Ляшевской в системе «ФреймБанк» [Кашкин, Ляшевская 2015: 464–555]. Инвентарь семантических ролей (91 позиция) в системе «ФреймБанк» организован иерархически. Все роли объединены в 7 блоков по принципу семантической близости (блок Агенса, блок посессивных ролей, блок Экспериенцера, блок Пациенса, блок Адресата, блок Инструмента, блок обстоятельственных характеристик) [Кашкин, Ляшевская 2015: 509–519, 525]. Как объясняют авторы данной классификации, «объем роли строится по типу прототипа и периферии, например, прототипом Пациенса является участник ситуации, претерпевающий изменение под физическим воздействием контролирующего ситуацию Агенса, периферийные случаи (пациенс нефизического процесса, пациенс, не претерпевающий изменения, пациенс, который создается в результате физического действия, и проч.) получают собственные ярлыки (Тема, Результат) и считаются частным случаем Пациенса» [Кашкин, Ляшевская 2015: 506]. Несмотря на достаточно высокую степень детализации семантических ролей в системе «ФреймБанк», есть некоторое неудобство в использовании данной классификации, так как выделение, к примеру, в блоке Агенса в одном ряду с его частными разновидностями (Каузатор, Эффектор, Контрагент, Субъект перемещения, Субъект поведения и др.) самого Агенса, который определяется как активный, прототипически одушевленный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-л. во внешнем мире [Кашкин, Ляшевская 2015: 509], требует, чтобы и такому Агенсу был приписан специальный ярлык. То же можно сказать и о семантических ролях, связываемых с Пациенсом, Адресатом, Инструментом. С учетом данных обстоятельств назовем такого рода участникам ситуации в нашей статье индекс ПТ (прототипический): Агенс-ПТ, Пациенс-ПТ, адре-

сат-ПТ, Инструмент-ПТ; кроме того, примем двойные обозначения и для периферийных ролей каждого из блоков, если они не включают в свой ярлык наименование блока, например: Агенса-Каузатора, Агенса-Эффектора, Пациенса-Тема, Пациенса-Результат и др., но Пациенса перемещения, Пациенса социального отношения и др.

Перейдем к анализу фактического материала. Значение начала бытия, существования в русских глагольных предложениях представлено тремя базовыми семантическими моделями:

1) «субъект – предикат каузации начала существования – объект» (далее ТМ-1); в предложениях, представляющих данную модель, отображается **ситуация каузации начала существования**;

2) «субъект – предикат начала существования» (далее ТМ-2); в предложениях отображается **ситуация начала существования**;

3) «субъект – начало события, действия – объект» (далее ТМ-3); в предложениях отображается **ситуация начала события, действия** [Русские глагольные предложения 2002: 247, 249, 252].

Как видим, в предложениях со значением **каузации начала существования** базовая семантическая модель, кроме предиката, включает в качестве обязательных **два компонента** (то есть в фокусе внимания две предметные области типовой ситуации, в семантической структуре предложения два актанта); в базовой модели предложений, отображающих **ситуацию начала существования**, **один** обязательный **компонент** (одна предметная область, один актант); в базовой модели предложений, отображающих **ситуацию начала события, действия**, указаны **два актанта**, в то же время лексические варианты базовой модели отличаются количеством актантов (это может быть **один** либо **два актанта**).

Таким образом, можно предположить, что, если речь идет о **каузации начала существования**, употребление глагола в переносном значении может связываться с перефокусировкой внимания **в субъектной и / или объектной предметных областях** (подразумеваются предметные области, эксплицированные в грамматических позициях подлежащего и зависимого от глагола члена предложения), если же речь идет о **начале существования**, – с перефокусировкой внимания только **в субъектной области**. В предложениях со значением **начала события, действия** переносное значение глагола может быть обусловлено перефокусировкой внимания только **в субъектной предметной области** либо **в субъектной и/или объектной предметных областях**.

Сопоставим состав глагольных лексем в лексических вариантах базовой семантической модели со значением начала бытия, отображающих прототипические для глаголов ситуации, и в образных вариантах базовой модели, фиксирующих результат уподобления ситуаций процессуально-событийного мира.

1) ТМ-1: основного предиката в базовой модели нет, в **лексических вариантах модели** к числу глаголов, функционирующих в прямом значе-

нии, составителями словаря отнесены *рожать* (кого), *рождать* (кого), *зарожда́ть* (что), *порождать* (что), *создавать* (что), *разжигать* (что); в **образных семантических моделях** представлены глаголы, функционирующие во вторичном значении: *плодить* (кого-что), *порождать* (что), *рождать* (кого-что); *вносить* (что), *вселять* (что); *разжигать* (что);

2) ТМ-2: основные предикаты – *возникать*, *появляться*; в **лексических вариантах модели** – *нарождаться*, *рождаться*; *возникать*, *зарожда́ться*, *образовываться*, *организоваться*, *появляться*, *создаваться*, *учреждаться*; *наставать*, *наступать*; *заводиться*; *возникать*, *складываться*, *появляться*; в **совмещенной семантической модели** (синкретичный по семантике глагол) – *возрождаться*, *воссоздаваться*; в **образных семантических моделях** – *зарожда́ться*, *нарождаться*, *плодиться*, *рождаться*; *возвращаться* (к кому), *вселяться* (в кого-что); *закра́дываться* (во что), *поселяться*, *посещать*, *прокра́дываться* (во что), *просачиваться* (во что); *нахлынуть*, *хлынуть*; *блеснуть*, *зажечься*, *сверкнуть*; *наклеиваться* и др.

3) ТМ-3: основные предикаты – *начинать*, *начинаться*; в **лексических вариантах модели** – *начинать* (что и с инф.), *приниматься* (за что и с инф.), *приступать* (к чему); *начинаться*, *стартовать*, в **совмещенных семантических моделях** – *воспламеняться*, *вспыхивать*; *загораться*, *зажигаться*; *рассветать* и др.; в **образных семантических моделях** – *вспыхивать*, *грянуть*, *загораться*; *стартовать*, *стронуться*; *навалиться* (на что), *нажимать* (на что), *налегать* (на что), *поднажать* (на что); *приналечь* (на что), *подступать* (к чему), *приступать* (к чему); *разбежаться*, *ринуться* (во что), *хвататься* (за что).

Как видим, для обозначения **ситуации каузации начала существования** используется значительно меньшее количество глаголов, чем для обозначения **начала существования, начала события, действия**. Иными словами, семантика **каузации начала существования** репрезентирована в языке беднее, чем семантика **собственно начала существования**. В словаре зафиксированы только 4 образные модели с 7 глаголами, реализующими семантику каузации бытия в переносном значении.

Для обозначения ситуации **начала существования** используются преимущественно возвратные глаголы; предполагается, что появление, возникновение чего-либо – это результат проявления некоторой внутренней энергии либо результат чьей-либо деятельности. То же самое можно сказать и о глаголах в образных семантических моделях: они преимущественно возвратные. Типовая семантика **начала существования** проявляется в наибольшем количестве образных семантических моделей – 10 моделей с 29 глаголами, реализующими типовую семантику в переносном значении.

Глаголы, используемые для обозначения **начала события, действия**, тоже характеризуются семантическим разнообразием, однако образных моделей только 6, общее количество глаголов, функционирующих в переносном значении, – 15.

Итак, как мы уже сказали выше, для того чтобы проследить механизмы метафоризации глагола, выявить условия, детерминирующие «считывание» переносного значения глагола, необходимо сопоставить языковую репрезентацию актантных позиций в тех структурах, в которых глагол реализуется в прямом и переносном значениях.

По своей исходной семантике глаголы, определяющие формирование образных моделей со значением начала бытия, относятся к классу **бытийных, событийных/ акциональных / квалификативов / стативов / локативов**¹. Поскольку все глаголы, определяющие существование образных моделей, в рамках одной статьи проанализировать нет возможности, ограничимся анализом только нескольких глаголов, представляющих по своей исходной семантике разные семантические классы предикатов.

Глаголы, представляющие в соответствии с семантической классификацией **бытийные и событийные** предикаты, в переносном значении могут являться компонентами предложений, отображающих **ситуации каузации начала существования и начала существования**.

Сравним предложения, отображающие **ситуацию каузации начала существования**, с использованием глагола данного семантического класса в первичном значении (1) и в переносном (2):

(1) *Только в том, что женщины рождают детей, смысл жизни* [Ира Петровская. В конце пути (1951)]².

(2) *Говорят, война рождает героев*, я добавил бы, – *во время национального расцвета* [Эренджен Хара-Даван. Тупики и исходы русской революции // «Вольное казачество» № 57, 1930 г., 1930].

В исходной модели субъект и объект представлены словами, относящимися к семантической сфере *Человек*³. В образной модели семантическая сфера слова, используемого для обозначения субъекта (далее СсС), – *Физический мир*, семантическая сфера слова, используемого для обозначения объекта (далее СсО), – *Человек*. Казалось бы, перефокусировка коснулась только одной предметной области – субъектной. Однако актуализация для глагольного предиката *рождать* переносного значения невозможна вне связи с объектом (**война рождает*). На это указывает и значение образной семантической модели – «Человек или какое-либо событие способствует появлению кого-, чего-либо, какого-либо действия, общественного явления,

¹ Для определения типовой семантики глаголов использовалась семантическая классификация предикатных слов и устойчивых сочетаний Л.М. Васильева, это классификация по ядерному идентифицирующему компоненту, выделяемому с учетом денотативного (ономасиологического) принципа [Васильев 1990: 121-123].

² Здесь и далее используются контексты из Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка].

³ Предметные области, соотносимые с актантными позициями, обозначаются в данной статье в соответствии с терминологией Г.Н. Складневской [Складневская 1993: 67–80].

отношения и т.п., подобно тому, как производят на свет живое существо» [Русские глагольные предложения 2002: 248]). Следовательно, употребление глагола *рождать* в переносном значении обуславливается селективной семантикой слов, представляющих обе актантные позиции, иными словами, вызвано биполярной (субъектной и объектной) перефокусировкой в предметных областях. Если мы будем учитывать синтаксические отношения на более низком уровне анализа, чем формально-грамматические категории, исходя из учета специфики денотативной ситуации, то убедимся, что семантические роли слов, представляющих актантные позиции в исходной и образной моделях, различны. Исходная модель отображает непосредственное видение ситуации, и в поверхностной структуре предложения представлен изосемический сценарий ее развития: *женщины рожают детей* – ‘женщины вынашивают плод и производят на свет младенцев в результате родов’, *женщины* – **Агенса-ПТ**, *дети* – **Пациенса-ПТ**. Образная модель формируется в результате переосмысления иного рода ситуации (*война рождает героев* ≈ ‘происходящие во время войны события побуждают человека к совершению доблестных поступков’) в категориях исходной модели, и, соответственно, в метафорическом сценарии «рождения» героев *война* наделяется агентивной ролью (**Агенса-Каузатора**), *герои* – пациенсивной (**Пациенса-Результат**), то время как в сценарии, соответствующем действительности, *война* – **Обстоятельства**, *герои* – **Агенса-Субъект поведения**. Таким образом, общим для предложений, представляющих исходную и образную модели, видится значение каузации начала бытия, именно это значение «высвечивается» в семантике глагола и фиксируется словарем как переносное: *рождать* – ‘дать – давать начало чему-л., послужить – служить причиной появления кого-, чего-л.’ [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1125-1126].

В предложениях, которые отображают **ситуацию начала существования**, метафоризация глагола обуславливается однополярной субъектной перефокусировкой. Сравните:

- (1) *Саиша Беспалов родился в последние годы «культа личности» – в апреле 1950 года в городе Боровичи Ленинградской области* [А. Садчиков. Партийный дестабилизатор. Александр Беспалов привел «Единую Россию» к краху // «Известия», 2003.02.24].
- (2) *Нас было трое нищих гринго лет по 15-16, и мы постоянно попадали в какие-то жуткие неприятности. Позднее я начал все это записывать. Так родился сценарий телешоу и идея создания The Monkeys* [М. Кувшинова. Боб Рейфелсон, американский режиссер: «Николсон сказал, что в России здорово» // «Известия», 2002.06.27].

В данном случае мы наблюдаем несовпадение СсС в исходной и образной моделях: СсС в (1) – *Человек*, СсС в (2) – *Психический мир*. В предложении (1), представляющем исходную модель, семантическая роль имени, занимающего позицию подлежащего при глаголе *родиться*, – **Пациенса-ПР**, а в предложении (2), представляющем образную модель, имя в позиции подлежащего, наделяясь ролью **Пациенса** от селективной семантики глагола, имплицитно

частную семантическую роль – **Пациент-Результат**. И прямое, и переносное значения глагола связываются общей семой ‘появление’, однако для глагола в прямом значении его синтаксическая связь с именем человека является прототипической, имеющей отношение к физиологическим процессам, а с именем, представляющим иную семантическую сферу, – вторичной, имеющей отношение к различным видам созидательной деятельности человека.

Глаголы, квалифицируемые как **акциональные предикаты**, в своем первичном значении характеризуют ситуации **конкретного действия** (физического, умственного, волевого) (*извлекать, наклеиваться, разжигать, хвататься* и др.), **воздействия** (физического, психического, морального) (*наваливаться, налегать, поднажать* и др.) или **движения** (*возвращаться, хлынуть, стартовать, ринуться* и др.). Употребление данных глаголов в переносном значении отмечается во всех трех типовых моделях (ТМ-1, ТМ-2, ТМ-3).

В предложениях, которые отображают **ситуацию каузации начала существования** (ТМ-1), метафоризация глагола со значением **конкретного действия** обуславливается однополярной объектной перефокусировкой. Сравните:

- (1) *В одно мгновение Глеб и Константин Владимирович извлекают мечи: вооруженные слуги и половцы стремятся в шатер* [Н. Карамзин. История государства Российского: Том 3 (1808-1818)] (СсО – Предмет; семантическая роль слова мечи – **Пациент перемещения**).
- (2) *«Хлопнув двумя ладонями, ты извлекаешь звук. Но что можно извлечь одной ладонью?»* [Д. Рубина. Медная шкатулка (2011-2015)] (СсО – Физический мир; семантическая роль слова звук – **Пациент-Результат**).

В предложениях, отображающих **ситуацию начала существования** (ТМ-2), метафоризация акциональных глаголов связывается с однополярной субъектной перефокусировкой. Сравн.: **цыпленок наклонул** (СсС – Животное; **Агент-ПР**) – *Наклонулось* было у Петра Ивановича **желание** развернуться и улететь назад, благо билет на полгода безразмерный... [С. Каледин. Записки гробокопателя (1987-1999)] (СсС – Психический мир; в метафорическом сценарии **желание** осмысляется как **Агент** (оно «руководит» человеком), однако в сценарии, соответствующем структуре денотативной ситуации, **желание** – **Пациент-Содержание состояния**, это состояние, переживаемое Экспериментером-Субъектом психического состояния.

Глаголы со значением **движения** реализуются в переносном значении в образных семантических моделях, репрезентирующих **ситуации начала существования** (ТМ-2) и **начала события, действия** (ТМ-3). Данная группа глаголов является самой многочисленной.

В предложениях, которые отображают **ситуацию начала существования**, а также **ситуацию начала события**, употребление глагола анализируемого семантического класса в переносном значении обусловлено однополярной субъектной перефокусировкой (сравн.: *хлынули воды* (СсС – Предмет;

Агенса-Субъекта Перемещения) – *хлынули воспоминания* (CcS – *Психический мир*; в метафорическом сценарии *воспоминания* наделяются агентивной ролью, в денотативном сценарии – это **Пациенс-Содержание интеллектуального состояния**)).

В предложениях, метафорически отображающих **ситуацию начала действия**, наблюдается иной характер «взаимодействия» значений. Первичная семантика глагола движения обычно открывает место в структуре предложения для предложно-падежной группы существительного с локативным значением. В образной модели семантика существительного, занимающего это место, является не «предметной», а процессуальной, в связи с чем глагол образует с существительным (либо реализующим аналогичную семантику инфинитивом) конструкцию с высокой степенью семантической слитности. В этой конструкции грамматически зависимый от глагола компонент реализует основное процессуальное значение, а глаголу приписывается не основное, а фазисное (начинательное) значение. Нельзя не согласиться в данном случае с Г.И. Кустовой, которая считает, что когнитивная схема, лежащая в основе семантической деривации, по мере удаления от физической субстанции (прототипической ситуации) «проступает» в производных значениях слов во все более общем и абстрактном виде, «объединяя весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делая их реализациями некоторой “общей идеи”» [Кустова 2004: 197]. Заметим, что при выражении «общей идеи» начинательности посредством метафорической репрезентации **ситуации начала действия** говорящий может стремиться к реализации и другого своего намерения – сделать крупнее и ярче экспликацию знаний о нюансах совершения действия. Сравните:

- (1) *Едва высидев положенный срок, я **ринулся в кабинет** и отыскал записную книжку* [С. Иванов. Плавание на «Тринакрии» // «Октябрь», 2013] (CcL – *Предмет; Конечная точка*);
- (2) *Катя с испугом поняла, что еще немножко и эта девка вселится, а ее, Катю, отправят жить в кладовку, и **ринулась** головой **в скандал*** [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)] (CcO – *Психический мир; Пациенс-Содержание действия*);
- (3) *Незадолго до этого была издана «Система мира» Птолемея. Коперник, увлекавшийся астрономией, тут же **ринулся читать** ее* [В. Соколов. Заметки переводчика // «Дальний Восток», 2019] (CcO – *Психический мир; Пациенс-Содержание действия*).

Как видим, в переносном значении глагола на фоне деактуализации, «ухода в тень», ядерных дифференциальных сем ‘движение’, ‘перемещение в пространстве’ наблюдается сохранение и «высвечивание» специфических признаков исходного значения. Для глагола *ринуться* (‘стремительно броситься, устремиться’ [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1123]) – это семы ‘быстрота’, ‘стремительность’, ‘энергичность’. В сохранении производными значениями специфических признаков исходного значения Г.И. Кустова видит проявление тенденции, которую называет «памятью» значений, данная тенден-

ция рассматривается как противоположная существующей в семантическом развитии слова тенденции к утрате конкретных признаков [Кустова 2004: 199].

Аналогичные связи между значениями мы наблюдаем при функционировании **акциональных** глаголов, а также глаголов со значением **воздействия** в образных семантических моделях, отображающих **ситуацию начала события, действия** (ТМ-3). Сравните:

- (1) *Сергей Петрович поднажал плечом на ствол березы, ствол сдвинулся на несколько миллиметров, дернул за угол снова, и через полчаса мучений наконец был вознагражден* [М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012] (СсО – Предмет; **Часть пациента в фокусе внимания**);
- (2) *Сейчас самое время поднажать на учебу, написать толковую статью или хотя бы письмишко родственникам* [Проводы осени (2002) // «100% здоровья», 11.11.2002] (СсО – Психический мир; **Пациенс-Содержание действия**).

Как видим, «высвечивание» специфических признаков исходного значения глагола (*поднажать на учебу* – ‘начать усиленно и усердно учиться’) и реализация идеи начинательности происходит на фоне погашения семантики физического воздействия. Однако «следы» семантики воздействия сохраняются в грамматических связях глагола (*поднажать на что*), поэтому существительное *учеба* реализует пациенсивную семантику, обозначает существо действия, на котором сосредоточены физические и моральные усилия человека. На проявлении «памяти» значений в нестандартных сочетаниях (отличных от сочетаний слов, категориально соответствующих элементам прототипической ситуации) и зиждется собственно экспрессивность метафоры.

Глаголы, которые относятся к **предикатам свойства (квалификативам)**, а также к **предикатам состояния (стативам)**, отмечаются в образных моделях предложений, отображающих **ситуацию начала существования** (ТМ-2) и **ситуацию начала события, действия** (ТМ-3). Глаголы-квалификативы характеризуют ситуации проявления свойства (*блеснуть, пахнуть, грянуть* и др.), глаголы-стативы (*зажечься, загораться, пробуждаться* и др.) – ситуации физического и физиологического состояния.

Переносное значение таких глаголов в предложениях, отображающих и **ситуацию начала существования**, и **ситуацию начала события**, связывается с однополярной субъектной перефокусировкой. Сравните:

- (1) *Шесть или восемь раз сверкнула молния; выстрелов было не слышно; и все опять потемнело* [В. Жуковский. Письмо к А. И. Тургеневу (1825)] (СсС – Физический мир; **Источник света**);
- (2) *Догадка сверкнула в ее уме* [Нина Федорова. Семья [автоперевод] (1952)] (СсС – Психический мир; **Пациенс-Содержание интеллектуальной деятельности**).

К аналогичным выводам можно прийти, анализируя функционирование глаголов с первичным пространственно-кваликативным значением (*нависать, вставать*) в предложениях, представляющих образные модели со значением **начала существования**.

- (1) Когда «генералы» проходили мимо, **солдаты вставали** по команде «смирно», приветствовали их [Ю. Никулин. Мое любимое кино (1979)] (CcS – Человек; Агенса-Субъект перемещения).
- (2) Понятие о том, какие **задачи вставали** перед монахом, имеющим авторитет святого, в западной части христианского мира, дает «Житие св. Северина» <...> [С. Аверинцев. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью (1976)] (CcS – Психический мир; Пациенс-Содержание интеллектуальной деятельности).

И в этом случае ситуация возникновения, появления феноменов интеллектуальной жизни человека уподобляется зримо воспринимаемым ситуациям в физическом мире, источником экспрессии выступает «игра» семантических ролей слов, взаимодействующих с глаголом и воплощающих метафорический и денотативный сценарии. Определение и исчисление вариантов такой игры может послужить основой для «инвентаризации» процедур преобразования глагольных значений.

Итак, способность к метафоризации в предложениях со значением начала бытия, существования обнаруживают глаголы разных семантических классов. Метафорическое употребление глагола может быть сопряжено с желанием говорящего передать общую идею начинательности и/или акцентировать внимание на некоторых деталях денотативного сценария. Образная «детализация» обозначаемой ситуации связывается с профилированием в семантике глагола, взаимодействующего с селективной семантикой окружающих его имен, специфических семантических признаков.

В предложениях, эксплицирующих метафорические сценарии, глаголы реализуют переносное значение в связи с перефокусировкой внимания в предметных областях уподобляемых ситуаций. Перефокусировка внимания в предметных областях уподобляемых ситуаций подчинена идее реализации глагола в «новом» значении.

Однополярность или биполярность перефокусировки внимания в предложениях с метафорической репрезентацией значения начала бытия, существования задается базовой моделью, используемой в языке для выражения данного значения, в то же время обнаруживает зависимость от исходной семантики глагола и количества задаваемых этой семантикой мест в модели прототипической для данного глагола ситуации. Образная семантическая модель предложения со значением начала бытия, существования частично наследует «семантику» прототипической для глагола ситуации, вследствие чего метафорический и денотативный сценарии накладываются друг на друга, вызывая эффект «двойственности» семантических ролей. Семантические роли, определяемые метафорическим сценарием, оказываются профилированными на фоне имплицитированных, но без труда дешифруемых семантических ролей, которыми характеризуются актанты в структуре денотативной ситуации. Семантические роли имен, представляющих актантные позиции в

предложениях, репрезентирующих исходные для семантики глагола модели и образные метафорические модели, обычно различны, в некоторых случаях отличия проявляются только по параметру протипичность/непротипичность ролевой семантики.

Литература / References

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
5. Горбунова Л.И., Цай Вэй Область-источник когнитивной метафоры: status quo и перспективы исследования // Сибирский филологический журнал, 2019. № 3. С. 158–169.
6. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания, 2004. № 2. С. 20–45.
7. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Типы информации о лексических конструкциях в системе Фреймбанк // Труды ИРЯ РАН, 2015. № 3 (6). С. 464–555.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
9. Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы / Пад рэд. В.У. Мартынава. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 264 с.
10. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.ruscorpora.ru>. Дата последнего обращения 25.10.2024.
11. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.
12. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
14. Stefanowitsch A. Words and their metaphors: A corpus-based approach // Trends in Linguistics Studies and Monographs, 2006. Vol. 171. P. 63–105.

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПИСЬМЕ

А.В. Бубен

Беларусь, Минск, ЦИБКЯиЛ НАН

NARRATIVE STRATEGIES AND VERBAL ASPECT IN THE AUTHOR'S LITERARY LETTERS

Anna Buben

Abstract: The article identifies and describes patterns in the use of specific-temporal verb forms depending on the narrative strategy of the author's literary letters (based on letters from A. Efron to B. Pasternak). The relationship between the grammatical categories of the type and the semantics of the subject in the epistolary text is established. On the basis of aspectuality, private household letters and author's literary letters are divided.

Keywords: author's literary letters; narrative strategies; aspectual and temporal characteristics of the action; the semantics of the subject

Аннотация: В статье выявлены и описаны закономерности употребления видо-временных глагольных форм в зависимости от нарративной стратегии авторского литературного письма (на примере писем А. Эфрон Б. Пастернаку). Установлена взаимосвязь грамматических категорий вида и семантики субъекта в эпистолярном тексте. На основе аспектуальности разделяются частные бытовые письма и авторские литературные письма.

Ключевые слова: авторское литературное письмо; нарративные стратегии; аспектуально-темпоральная характеристика действия; семантика субъекта

Определение жанра авторского литературного письма в настоящее время принадлежит интуиции и рефлексии носителей языка. В научном обиходе жанровая теория авторского литературного письма до сих пор не оформлена, а сосуществующие контрарные подходы к определению эпистолярного текста и традиции рассмотрения эпистолярного как жанра, стиля и дискурса значительно усложняют исследовательский поиск. [Кецба 1971], [Бахтин 1996], [Сапожникова 2005], [Логунова 2011], [Фесенко 2008], [Коробова 2020].

На наш взгляд, определение нарративных стратегий, моделирующих авторское литературное письмо, значительно упростит дифференциацию бытовых и литературных писем. Исходя из того, что событие оформляется, главным образом, глагольными предикатами, которые могут считаться минимальными нарративными единицами, анализ видо-временных глагольных форм, определение их семантики и текстовых функций мыслится нами как первый и ключевой шаг к выявлению нарративной стратегии авторского литературного письма [Виноградов 1948], [Бондарко 1971], [Гловинская 1989]. Об этом же писал и П.В. Петрухин в работе, посвященной употреблению глагольных времен в русской летописи XVII века: «Факторы, релевантные для выбора той или иной глагольной формы, в большом ряде случаев релевантны также и для выбора нарративной стратегии в целом» [Петрухин 1996: 62].

Материалом исследования послужили тексты 69 писем А. Эфрон Б. Пастернаку за период с 1948 по 1956 гг. Источник материалов исследования – электронная копия издания «А. Эфрон Б. Пастернаку. Письма из ссылки (1948–1957)» [Эфрон 1985].

Замеченная нами в письмах А. Эфрон нарративная стратегия расширения описания, заменяющая во многих случаях повествование, и употребление видо-временных глагольных форм в предикативной позиции взаимосвязаны. Естественно, что отношения соположения, то есть отношения принадлежности действий или состояний единому месту и/ или времени, составляющие суть фона, или описания, выражаются в первую очередь глагольным видом [Золотова 2004], [Падучева 1996]. Именно глагольный вид, а не время является вторичным дейктиком, то есть ориентируется не на говорящего, а на наблюдателя, позиция которого в тексте может постоянно меняться.

Принцип расширения описательной части в общей повествовательной структуре будет описан нами с опорой на количественные данные. Нами подсчитаны глаголы СВ и НСВ в их общих инвариантных значениях во всех письмах А. Эфрон к Б. Пастернаку, изданных в книге «Письма из ссылки» (1985 г.) – 73 письма. Заметим, что инвариантные значения СВ и НСВ напрямую взаимодействуют с нарративными категориями ‘передний план’ и ‘фон’ [Исследования по теории грамматики... 2008]. Кроме того, глагольный вид участвует в интерпретации диктальной информации. Д.С. Лихачев показал, что «видо-временная форма может ускорять (прош. СВ) или замедлять (наст. НСВ) течение сюжета» [Лихачев 1979: 214].

В проанализированных нами 69-и письмах А. Эфрон мы обнаружили 8514 глаголов, из них 5352 глаголов НСВ и 3162 – глаголов СВ, т. е. в исследованных нами текстах глаголов НСВ в 1,7 раза больше, чем глаголов СВ, что подтверждает нашу гипотезу о превалировании фона над собственно повествованием (нарратией). Следует учитывать вероятностные погрешности полученных результатов, обусловленных прежде всего возможностью взаимозамены СВ и НСВ (имеются в виду те случаи, когда НСВ употреблен в значении СВ).

Опираясь на полученные количественные показатели и их соотношение, мы выделяем несколько типов писем:

I. Письма, в которых количество глаголов НСВ значительно превышает количество глаголов СВ (под значительным количественным превалированием мы понимаем разницу в $1,5 \geq$ раза).

В данном отношении репрезентативна большая часть писем А. Эфрон (45 писем из 69). Наиболее высокий коэффициент присутствия глаголов НСВ в сравнении с СВ отмечен нами в следующих письмах: от (а) 20 ноября 1949 г. – 3,4, (б) 20 апреля 1954 г. – 3,2, (в) 8 ноября 1950 г. – 2,8; (г) 17 апреля 1950 г. – 2,6, (д) 19 марта 1952 г. – 2,5; (е) 8 сентября 1950 г. – 2,4.

II. Письма, в которых количество глаголов СВ и НСВ примерно равно (в 1–1,5 раз НСВ превышает СВ; в группу вошло 17 писем).

III. Письма, в которых количество глаголов СВ превышает количество глаголов НСВ (значимо любое количественное превышение; 7 писем).

Репрезентативны письма от (а) 27 ноября 1948 г. – 1,5, (б) 21 января 1949 г. – 1, 6, (в) 8 ноября 1950 г. – 2,8; (г) 17 апреля 1950 г. – 2,6, (д) 19 марта 1952 г. – 2,5; (е) 8 сентября 1950 г. – 2,4.

Три выделенных типа писем отражают два информативно разных уровня нарратива: письма 1-го и 2-го типов соответствуют авторскому литературному письму (далее АЛП); письмо 3-го типа соответствует автобиографическому частному письму, в котором бытовая информация не подвержена эстетизации. Учитывая художественную интенцию автора АЛП, мы ставим задачу выявить, как видо-временные глагольные формы (НСВ) участвуют в создании нарративных стратегий АЛП.

Главная функция НСВ в АЛП А. Эфрон предопределяется авторской интенцией – описать картину русского севера или переписать ее по-своему, в эпистолярном пространстве, объективизировать собственный опыт, чтобы дать адресату ощущение как места, так и состояния своей души; модальностью понимания, а также вероятностной нарративной картиной мира. Основные темы писем А. Эфрон созвучны ключевым событиям в переписке, а также подтверждаются аннотацией к сборнику. Мы выделяем следующие темы писем: 1) быт; 2) природа севера; 3) эмоциональное состояние адресанта, состояние души.

Ключевой особенностью функционирования НСВ в выбранном массиве писем является, согласно нашим наблюдениям, сопряжение узуального значения диктального предиката НСВ, настоящего узуального времени (тип неактуального настоящего обусловлен узуальным частным значением НСВ), а также (факультативно) конкретного расширенного субъекта. Согласно И.Н. Смирнову, для ситуаций с конкретным расширенным субъектом характерно «расширение личного опыта до границ классов, групп и т.п.» [Смирнов 1992, с. 158]. Два грамматических значения с возможным третьим (конкретный расширенный субъект) рождают обобщенную ситуацию нелокализованного действия, в которую и помещено адресантом, главным образом, бытописание северных мест.

Таким образом, все три описанные категории – темпоральности, актуальности, субъектности – взаимосвязаны и взаимообусловлены в АЛП выражаемым ими значением узуальности действия, актуализацией опыта адресанта, способом выражения им знаний о действительности. Использование рассматриваемых категорий в ситуациях создания эпистолярных картин быта и природы, обусловленных жизненными обстоятельствами и эмоциональными состояниями автора письма, является закономерным и не лишено художественной интенциональности. Заметим, что узуальное нелокализованное действие характерно для фона в художественном нарративе, а в АЛП оно, напротив, выходит на первый план.

Субкатегоризация уровней временной локализованности и нелокализованности (далее Л и НЛ) и установление семантики субъекта в каждой из ситуаций НЛ в тексте сопутствуют более точному определению нарративных стратегий, использованных автором письма.

Практически все письма (за исключением писем, содержащих литературный разбор романа Б. Пастернака, а также коротких писем контактоустанавливающего назначения) содержат описания повторяющихся, рутинных событий в жизни адресанта. Автор ведет нарратив следующим образом: создает картину собственного быта в настоящем абстрактном (узуальном) времени, представляет ее подробно, выразительно. В письме семантика узуальности, выраженная предикатами НСВ в настоящем узуальном, позволяет распространить эффект настоящего (пусть и неактуального) на адресата: при чтении им письма хронотоп быта адресанта становится общим для двух участников переписки (время – абстрактное узуальное настоящее, объект – менее конкретный, чем в ситуациях Л).

Эталоном такого типа повествования служит фрагмент из письма А. Эфрон к Б. Пастернаку от 10 января 1955 г.: «Находившись, наездившись и налетавшись по большим дорогам, все *не привыкаю* [дуративное НСВ¹] к туруханской узкоколейке, *спотыкаюсь* [итеративное НСВ] на тропках, *проваливаюсь* [узуальное НСВ] в сугробы, *работаю* [дуративное НСВ] наощупь, думая о другом. А мысли мои, как и все бабьи мысли, *идут* [континуальное НСВ] ниоткуда и *ведут* [континуальное НСВ] в никуда, что и *является* [континуальное НСВ] основным моим несчастьем. Таким образом всю жизнь я *делаю* [узуальное НСВ] всякие нелепые вещи, которые *осмысливаю* [узуальное НСВ] лишь спустя, и постфактум *подвожу* [узуальное НСВ] под них фундаменты оправданий» [Эфрон 1985: 38].

Значение неограниченной повторяемости усиливается во фрагменте и лексическими средствами: *все, всю жизнь*. Лексические значения глаголов НСВ с узуальным частным значением, а также некоторые распространители образуют семантическую зону «слепоты»: *спотыкаюсь, проваливаюсь, работаю наощупь, идут ниоткуда и ведут в никуда, нелепые вещи*. В данном примере хорошо видно, что значение узуальности, которое в АЛП выражается главным образом НЛ, создает пространство для создания художественных образов, варьирования степени НЛ, расширения и сужения субъекта и объекта.

Далее мы рассмотрим частные случаи изменения зоны узуальности (учитываются значения грамматических и семантических категорий). В следующих фрагментах писем диктальные предикаты НСВ, соответствующие заданным параметрам, выделены, в контексте они приобретают значение настоящего абстрактного времени (потенциально-обобщенный вариант взаимодействия регистров [Золотова 2004: 446]):

¹ Здесь и далее нами определены частные видовые значения глаголов НСВ согласно классификации Д. В. Сичинавы [Сичинава 2013].

- (1) Дышать очень трудно, сердце с трудом переносит всю эту кутерьму, *стискиваешь* зубы, чтобы оно не выскочило. Вообще – хлопот множество: пока отогреешь нос, замерзает рука, пока *греешь* руку, смерзаются ресницы [Эфрон 1985: 39].
- (2) *Просыпаемся* в морозном тумане, сквозь который, на небольшом расстоянии друг от друга, еле просвечивают солнце с луной и еще две-три огромных, неподвижных, как в Вифлееме, звезды. Дышать невозможно, *глотаешь* не воздух, а какой-то нездешний сплав, дырявящий грудь. Все звенит – и поленья дров, которые, обжигаясь от мороза, *хватаешь* в охапку, и снег под ногами, и далекий собачий лай, и собственное дыхание, и дым, вылетающий из трубы [Эфрон 1985: 90].
- (3) *Стоишь* на высоком берегу, и только и *чувствуешь*, что спиной *упираешься* в полус, лицом – в Москву, головой – в небо [Эфрон 1985: 136].
- (4) И в самом деле, жизнь настолько приучила к толчкам, что только их и *ждешь* от нее – причем всегда недаром [Эфрон 1985: 39].
- (5) Правда, деревья стоят голые, как факты, и *чувствуешь* себя там как-то неловко, как ребенок, попавший в заросли розог [Эфрон 1985: 83].
- (6) Но как только вспомнишь, что зима тоже является подготовкой к лету, так и *чувствуешь*, что до конца дней своих так и *будешь кружиться*, сперва как белка в колесе, потом – как слепая лошадь, только не помню где, в чем кружатся слепые лошади, но знаю, что кружатся [Эфрон 1985: 77].

Подбор фрагментов из писем показывает, что при одном способе выражения предикатов с помощью глаголов НСВ в форме 2-го лица ед.ч. наст. вр. в обобщенно-личных конструкциях, реализуются разные значения обобщения субъекта действия/состояния. В примерах (1) – (3), хотя и происходит обобщение опыта говорящего, адресат в данном случае не способен разделить данный опыт по причине того, что само действие и обстоятельства этого действия являются нетипичными для «любого человека». Адресат способен только воспринять опыт адресанта. Кроме того, обобщенный субъект наделен индивидуальными чертами адресанта: пресуппозиция «у адресанта большое сердце» позволяет интерпретировать (1) фрагмент в пользу конкретно-расширенного субъекта (согласно классификации И.Н. Смирнова [Смирнов 1992]). Распространение опыта говорящего при таком типе субъекта происходит на конкретный (ограниченный) круг лиц: предикат «просыпаемся» ориентирован на адресанта и, предположительно, на его знакомых, разделяющих его хронотоп.

Такой тип обобщения, согласно типологии Б. Саидова [Саидов 2021], определяется как субъектно-ситуативное обобщение, при котором деятель обобщенного опыта – сам адресант. При этом сюжетная ситуация повторяется многократно. Значение узуальности в схожих с примерами (1) и (2) употреблении выражается не только грамматическими значениями настоящего абстрактного времени и НСВ глагола, но также и формой 2-го лица ед.ч. (актуализируются средства выражения функционально-семантического поля персональности [Бондарко 1971: 30–33]). Помещение повествования в план настоящего узуального помогает автору письма избегать семантического со-

гласования: глаголы остаются нейтральными в отношении обозначения пола (мужского/женского) актанта, случаи употребления прилагательных в контекстах с обобщенными предикатами редки.

Использование местоимения с синтаксическими свойствами 2-го лица ед.ч. позволяет автору письма передать бытовые сцены с позиции стороннего наблюдателя. Объективизация в АЛП как нарративный прием сближается с объективацией в литературном дискурсе.

Следующая ступень обобщения – фрагменты (4) – (6) – маркируется ситуациями с обобщенным субъектом, причем генерализация действия и субъекта происходит с учетом личного опыта говорящего. Ситуации с таким типом субъекта характеризуются, во-первых, связью обобщаемого действия с опытом говорящего, а во-вторых, признаком всеобщности – возможностью отнесения этого действия к другим людям, неопределенному кругу людей. На грамматическом уровне появление обобщенного субъекта также маркировано: выбор формы м.р. местоимения при перволичном повествовании от лица женщины. Ср.: «Большая есть прелесть в донельзя заваленных работой днях, когда все заданное понемногу поддается твоему упорству, прелесть меньшая, чем в днях сплошного отдыха, когда *сам поддаешься* свободному времени, книгам, природе» [Эфрон 1985: 89].

Заметим также, что высказывания с расширенным субъектом в меньшей степени касаются координат места и времени адресанта и, напротив, затрагивают общечеловеческие сверхвременные явления: оппозицию лета и зимы, жизненные трудности, ожидание худшего или, как в (3), восприятие официальной советской литературы. Такой опыт адресанта может разделить и адресат, и тот, кто будет читать письмо после него. Эта группа ситуаций наиболее частотна в АЛП А. Эфрон в выражении узуальности, и маркирует все высказывания данного типа как нелокализованные во времени.

Развитие ситуаций НЛ приводит к отсутствию референции к реальному, действительному миру. Обобщенность, теряя семы реального и развивая значение потенциального, в эпистолярном тексте заключается в выражении квалитативности или качественности. Нарратив о событиях переходит в нарратив суждений, заключений, одобрения или неодобрения. Заметим, что в АЛП А. Эфрон вневременные ситуации разделяют эпистолярное пространство с ситуациями ЛНЛ с конкретным субъектом. Вневременность – высшая точка обобщения – в АЛП представляется как художественное разрешение рассуждений автора, сентенция-выстрел, направленная в адресата. Сам адресант (А. Эфрон) воспринимает вневременность как некое благо: «На какой-то промежуток времени – вне времени – жизнь становится сестрою, ну а потом все сначала» [Эфрон 1985: 39].

Рассмотрим фрагменты из АЛП, в которых выделенные предикаты НСВ в настоящем постоянном и обобщенные субъекты знаменуют смену регистра с информативного на генеритивный тип:

- (1) Я боюсь ледохода, даже на Москва-реке. Это страшно, как роды. Весна рождает реку [Эфрон 1985: 62].
- (2) [Да, так это я все к тому, что тогда, там, благодаря этому городу и этому дому, и благодаря тому, что] есть на земле места, где время останавливается, и его можно просто взять голыми руками, [– я и узнала ту, настоящую, живую и простую Марию Стюарт] [Эфрон 1985: 169].
- (3) [Наш крохотный домик, по-моему, очень мил]. Женщины невероятно быстро обрастают всякими вещами и вещичками [Эфрон 1985: 121].
- (4) Все мечты всегда идут против течения Енисея, т. е. с севера на юг [Эфрон 1985: 121].

Как можно заметить, авторские сентенции не выражают очевидных истин и не воспроизводят паремии. Автор выражает опыт «людей вообще» в экспрессивной форме: генерализация сопровождается метафоризацией. В примере (1), (2), (4) представлены ситуации качественного своеобразия субъекта, в примере (2) – ситуация характеристики субъекта по его деятельности. Интересен пример (4), в котором личный опыт адресанта генерализируется до всеобщей истины: использование абстрактного понятия мечты является условием для абстрагирования всего высказывания в целом. Такая ситуация в эпистолярном контексте наделена индивидуальной семантикой ‘адресант отбывает ссылку в северных местах, где течет Енисей, на юг от него – Москва, куда хочет вернуться автор письма’, тогда как вне эпистолярного контекста и без указания авторства такое высказывание приобретает генерализацию и способно функционировать самостоятельно (может быть прочитано так: ‘мечты всегда идут против реальности – севера, хотя стремятся к идеальному – на юг’).

В ситуациях, когда нарратив отвлечен от настоящего времени адресанта (в этом случае в эпистолярном тексте появляются фрагменты, предшествующие настоящему моменту), способ грамматического оформления текста зависит от его семантического наполнения. Как мы отметили ранее, семантическая зона описания рутинных действий предполагает обобщение в письме, которое достигается оформлением предиката глаголами в форме настоящего абстрактного времени. Такие формы в контексте выражают обычность и/или узуальность действия. Тогда же, когда дистанция повествовательного события осознается адресантом как достаточно удаленная для помещения ее в предшествующую позицию по отношению к основному нарративу, передний план повествуемого события оформляется средствами прошедшего времени (преимущественно с аористивным значением), а оформление фона имеет тенденцию располагаться в переносном темпоральном плане – настоящем историческом времени. Как замечает Е.В. Падучева, «наст.ист. приглашает адресата наблюдать ситуацию изблизи» [Падучева 2018: 377].

Таким образом, количественные данные НСВ и СВ, полученные в ходе исследования, подтвердили нашу гипотезу: описание преобладает над собственно событийной частью, становится предметом повествования, которое ведется преимущественно в настоящем неактуальном времени.

Выявлено, что основной нарративной стратегией бытописания является представление действия как узуального, объективного, распространяемого не только на конкретного агенса. Грамматические средства нарративной стратегии выявлены следующие: узуальное значение диктального предиката, оформленного глаголом в НСВ, абстрактное узуальное настоящее время, факультативно-конкретный расширенный субъект, субъектно-ситуативно обобщенный субъект, обобщенный субъект с учетом личного опыта говорящего. В нарративе о быте адресант представляет действия и состояния, в том числе собственные, с позиции стороннего наблюдателя. Выбор обобщенного субъекта и узуальной семантики грамматических форм мотивирован потенциальной наблюдаемостью описываемого, а употребление неактуального настоящего времени вызвано созданием частично общего для адресанта и адресата хронотопа. Данный прием направлен на сокращение дистанции между адресантом и адресатом, выступает как компенсирование условий неканонической коммуникативной ситуации.

Установлено, что при том же грамматическом оформлении предикатов глаголами НСВ в форме наст. вр., в зависимости от типа обобщенного субъекта, в тексте присутствуют все типы НЛ. Преобладание семантики узуальности в передаче рутинных действий обуславливает доминирование узуального типа НЛ. Временная обобщенность имеет место в завершении нарратива о событии / событиях, сопровождающемся авторским выводом. Авторские сентенции всегда продуманы, литературно неожиданны и индивидуальны. Образы в подобных высказываниях строятся на природных объектах, принадлежащих хронотопу адресанта.

Литература / References

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари / Под ред. С. Г. Бочаровой, Л.А. Гоготишвили. 1996. С. 159-207.
2. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола: (Значение и употребление): Пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / Под ред. Г.А. Золотовой. М.: Высш. шк., 1948. 640 с.
4. *Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. / Под ред Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1989. С. 74 – 145.
5. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Наука, 2004. 544 с.
6. Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Под ред. В.А. Плунгяна. М.: Гнозис, 2008. 486 с.
7. *Кецба Л.Н.* Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей // Изв. АН АЗССР. Серия «Литература», 1971. № 3-4. С. 94–99.

8. *Коробова Е.В.* Жанр письма в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета, 2020. №1 (55). С. 22–29.
9. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. Москва: Наука, 1979. 360 с.
10. *Логанова Н.В.* Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса: дисс...д-ра филол. н.: 10.01.01. М., 2011. 447 с.
11. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
12. *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка. Москва: Языки славянской культуры, 2018. 430 с.
13. *Петрухин П.В.* Нарративные стратегии и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века / Вопросы языкознания. 1996. №4. С. 62–84.
14. *Саидов Б.О.* О некоторых семантико-стилистических особенностях односоставных обобщенно-личных предложений // Общество и инновации, 2021. №2. С. 325–329.
15. *Сапожникова Н.В.* Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 19 с.
16. *Сичинава Д.В.* Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. [Электронный ресурс.] URL: http://rusgram.ru/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B2%D0%B8%D0%B4#1 Дата последнего обращения 08.05.2025.
17. *Смирнов И.Н.* Семантика субъекта, объекта и временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность, неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992. С. 154–167.
18. *Фесенко О.П.* Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник ЧелГУ, 2008. № 23. С. 132–143.
19. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку / Под ред М.И. Матусевича. Москва: Учпедгиз, 1957. С. 110-129.
20. *Эфрон А.С.* Письма из ссылки (1948–1957). А. Эфрон Б. Пастернаку. Париж: YMCA-press, 1985. 183 с.

ПАРНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ФОРМ ОДНОКОРЕННЫХ ГЛАГОЛОВ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Г.С. Оганесян

Армения, Ереван, ЕГУ

PAIRED VARIATION OF SAME ROOT VERB FORMS AS A WAY
OF DESCRIBING FEELINGS IN THE NOVEL BY L.N. TOLSTOY “ANNA KARENINA”

G. Hovhannesyan

Abstract: The paired contact presence of same root verbs, repetition of seme and variation of the verb form is one of the widely used techniques in the novel by L.N. Tolstoy's “Anna Karenina”. The work examines the role of verb forms in constructing an image, describing characters and their feelings. We divide the observed aspects into groups and consider them in the context of their grammatical and lexical connections.

Keywords: variation; contact presence; verb form; same root; “Anna Karenina”; image; feeling

Аннотация: Парное контактное присутствие однокоренных глаголов, повторение семы и варьирование глагольной формы – один из широко применяемых приемов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В работе рассматривается роль глагольных форм в построении образа, описании персонажей и их чувств. Наблюдаемые явления мы делим на группы и рассматриваем в контексте их грамматических и лексических связей.

Ключевые слова: варьирование; контактный; глагольная форма; однокоренной; «Анна Каренина»; образ; переживание

Одна из центральных категорий, на которой строится роман «Анна Каренина», – это человеческое переживание. Трагичная судьба главной героини, судьбы других героев, так или иначе связанные с ней, передаются через описание человеческих эмоций, что не может не трогать читателя и заставляет перечитывать эту книгу. Различные группы слов, способ их употребления, стилистические приёмы писателя – всё это направлено на воссоздание переживания, чувства. В центре нашего внимания глагольные формы как способ описания переживания в этом тексте. Мы рассматриваем употребление глаголов и их дериватов, а также формы одного и того же глагола. В названии нашей работы мы выделяем один и тот же корень как принцип отбора глаголов, но хотим обратить внимание, что рассматриваем не только однокоренные глаголы, но и их супплетивные и синонимичные пары в рамках выделенных нами групп. В качестве главной особенности употребления наблюдаемых нами форм мы выделяем контактность, близость их расположения в пределах предложения или контактно расположенных предложений (как правило, двух). Близость расположения – это то условие, которое заставляет работать глагол на ту или иную художественную функцию. Это случаи типа «он *говорил* с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел

говорить», «начала *говорить*, сама не зная, что *скажет*», «это любовь, не *нравящаяся* тем, кому нужно *нравиться*», «теперь он *испытывал* чувство, подобное тому, какое *испытывал бы* человек <...>», «она *заплакала*, всхлипывая и колеблясь всей грудью, как *плачут* дети» и многие другие.

Рассматриваемое нами варьирование мы делим на группы:

а) морфологическое – употребление тех или иных видо-временных форм, различных форм наклонения и модальности:

личные формы глагола – неличные (инфинитив, причастие): Он же *чувствовал* то, что должен *чувствовать* убийца, когда видит тело, лишённое им жизни (I, 153)¹, А Серёжа был уже почти человек, и *любимый* человек; <...> он понимал, он *любил*, он судил её (II, 105), Но он знал, что это любовь, не *нравящаяся* тем, кому нужно *нравиться*, и потому не одобрял поведения брата (I, 178), Но слово «*люблю*» опять возмутило её. Она подумала: «*Любит*? Разве он может *любить*?» (I, 150);

варьирование в рамках временной и модальной парадигмы (употребление с модальными, фазисными глаголами, в том или ином наклонении): Он *смотрел* на неё, как *смотрит* человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнаёт красоту, за которую он сорвал и погубил его (II, 366), Она *должна быть* несчастлива, но я не виноват и потому *не могу быть* несчастлив (I, 289), Теперь он *испытывал* чувство, подобное тому, какое *испытал бы* человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина (I, 146);

видовые формы (это могут быть как глаголы одного вида с различной деривацией, так и видовая пара): Но каждый раз, как он начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который *владел* ею, *овладевал* и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить (I, 152), Она *заплакала*, всхлипывая и колеблясь всей грудью, как *плачут* дети (I, 300);

повторение формы: Алексей Александрович, столь сильный человек в государственной деятельности, тут *чувствовал* себя бессильным. Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он *чувствовал*, был над ним поднят (I, 151), Что *признаться* себе в отступлении – всё равно, что *признаться* в гибели (I, 190), Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, *лишённое* им жизни. Это тело, *лишённое* им жизни, была их любовь, первый период их любви (I, 153);

б) позиционное (близко расположенное, разделённое союзами, другими группами выразительных средств, возможно, тоже парных и т. д.), например: «Но каждый раз, как он *начинал говорить* с ней, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который *владел* ею, *овладевал* и им, и он *говорил* с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел *говорить*» – слова группы с глаголом

¹ Примеры из текста произведения приводятся по изданию: Толстой Л.Н. «Анна Каренина», М.: Худож. лит., 1987. В скобках обозначены том и страница.

говорить расположены друг от друга дальше, нежели элементы группы *владел – овладевал*. Частотной является оппозиция 'повтор формы с дальнейшей сменой элемента', например, «*Не было* ни жестокого слова, ни упрёка, но *не было* и снисходительности. Главное же – *был* золотой мост для возвращения» (I, 206) или «Алексей Александрович ничего *не хотел думать* о поведении и чувствах своей жены, и действительно он об этом ничего *не думал*. Он *не хотел видеть* и *не видел*, что в свете уже многие косо смотрят на его жену, *не хотел понимать* и *не понимал*, почему жена его особенно настаивала на том, чтобы переехать в Царское... Он *не позволял себе думать* и *не думал*» (I, 206). Хотя мы пишем о парном варьировании, однако в тексте есть многочисленные разновидности варьирования (например, цепочки), представленные различным количеством составляющих элементов, как это в последнем примере *начинал говорить – говорил – говорить*. Это и повторение формы с перестановкой и наращиванием ряда с помощью синонима: Он чувствовал всю мучительность своего и её положения, всю трудность при той выставленности для глаз всего света, в которой они находились, скрывать свою любовь, *лгать* и *обманывать*; и *лгать, обманывать, хитрить* и постоянно думать о других тогда, когда страсть, связывавшая их, была так сильна, что они оба забывали обо всём другом, кроме своей любви (I, 187);

в) синонимическое: ...Что они все *на дыбы становятся, сердятся*, как будто всё хотят дать почувствовать что-то (I, 62), Анна *улыбалась* и *улыбка передавалась ему*, она *задумывалась* и он *становился серьёзен* (I, 86), Я никогда ни пред кем не *краснела*, а вы заставляете меня *чувствовать* себя *виновною* в чём-то (I, 142). Здесь корневая морфема, носитель семы, находит свое выражение не всегда в повторении, но в «уходе» в семантическое поле.

Под парным варьированием мы, безусловно, подразумеваем также отсутствие элемента с одной из сторон оппозиции, например: «Она знала это так же верно, как если б он сказал ей, что он тут для того, чтобы *быть* там, где ---- она» (I, 106), Правила эти несомненно определяли, – что нужно *заплатить* шулеру, а портному не нужно ----, – что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно ----, – что обманывать нельзя никого, но мужа можно ----, – что нельзя прощать оскорблений, и можно оскорблять и т. д. (I, 312).

Помимо различных морфологических форм, глаголы выступают также в вариативных синтаксических связях, в рамках близкого соположения. Очень часто это позиция в составе глагольного сказуемого с сопровождением модального или фазисного глагола: «*чувствовал, что должен чувствовать*», «*надо было ехать, и он уехал к себе*», «*не нравящаяся тем, кому нужно нравиться*». Форма может быть представлена в составе различных предикатов, относиться к разным субъектам: Девочка знала, что между отцом и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отец должен знать это, и что он притворяется, спрашивая об этом так легко. И она *покраснела* за отца. Он тотчас же понял это и также *покраснел* (I, 11). Часто

встречается употребление с отрицательной частицей vs без отрицания: **Не было** ни жестокого слова, ни упрёка, но **не было** и снисходительности. Главное же – **был** золотой мост для возвращения (I, 290).

Варьирующиеся глагольные формы участвуют в образовании различных стилистических фигур. Особенно частотно их присутствие в развёрнутых фигурах сравнения: И как голодное животное **хватает** всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нём пищу, так и Вронский совершенно бессознательно **хватался** то за политику, то за новые книги, то за картины (II, 31). О технике построения сравнений мы писали в другой своей работе, где приводятся примеры, изобилующие повторяющимися и вариативными глагольными формами [Оганесян 2023].

Употребление глагольных повторов применяется писателем для описания как внутреннего мира персонажей, так и их внешних характеристик. В показанных нами оппозициях воспроизводится мир желаемый и мир такой, каким он получается. При этом воссоздаётся и осознание правдивого и допущение ложного. Эти оба мира присутствуют в одном из внутренних монологов Анны, когда она задаётся вопросом, почему Бетси может изменять мужу, лгать перед лицом всего общества и при этом оставаться в свете уважаемой дамой, а у неё, Анны, всё по-другому, ей предписано страдание. Оба мира – и правды, и лжи – качественно различные, обладают каждый своей глубиной. Поиски истины, стремление поступать по совести приводят, к сожалению, Анну к гибели. Толстой употребляет приём с варьированием и при описании духовных поисков Анны, и при описании обрастания ложью Алексея Александровича. Для Анны было важно, чтоб не было «неясности и лжи»: **«Убил бы** он меня, **убил бы** его, я всё бы перенесла, я всё бы простила, но нет. И он **знает** всё это, **знает**, что я не могу раскаиваться в том, что я дышу, что я люблю; знает, что, кроме лжи и обмана, из этого ничего не будет; но ему нужно продолжать мучать меня» (I, 299). В примере «Алексей Александрович ничего **не хотел думать** о поведении и чувствах своей жены, и действительно он об этом ничего **не думал**. Он **не хотел видеть** и **не видел**, что в свете уже многие косо смотрят на его жену, **не хотел понимать** и **не понимал**, почему жена его особенно настаивала на том, чтобы переехать в Царское... Он **не позволял** себе **думать** и **не думал**; но вместе с тем он в глубине своей души, никогда не высказывая этого самому себе и не имея на то никаких не только доказательств, но и подозрений, знал несомненно, что он **был** обманутый муж, и **был** от этого глубоко несчастлив» (I, 206) с точки зрения следования обращает на себя внимание препозиция глагольных сказуемых с модальным глаголом «не хотел», как описания истинного положения вещей в противовес желаемому, но ложному.

Повтор и вариации глагольных форм не заканчиваются только глаголами, они очень часто сопровождаются в тексте различными деривациями: «Скрывать свою любовь, **лгать** и **обманывать**; и **лгать**, **обманывать**, **хит-**

речь и постоянно думать о других тогда, когда страсть, связывавшая их, была так сильна, что они оба забывали обо всём другом, кроме своей любви. Он живо вспомнил все те часто повторяющиеся случаи необходимости *лжи* и *обмана*, которые были так противны его натуре; вспомнил особенно живо не раз замеченное в ней чувство стыда за ту необходимость *обмана* и *лжи*. И ему в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что необходимо прекратить эту *ложь*, и чем скорее, тем лучше» (I, 187), «Он же чувствовал то, что должен чувствовать *убийца*, когда видит тело, лишённое им жизни. Это тело, лишённое им жизни, была их любовь, первый период их любви. ... Но, несмотря на весь ужас *убийцы* перед телом *убитого*, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что *убийца* приобрёл *убийством*» (I, 153).

Если обобщить и попытаться сформулировать соотношение семантики и формы в воссоздании образного смысла в тексте романа, то можно сказать, что по горизонтальной прямой мы видим повтор семы, а в вертикали текста – повтор формы. И то, и другое обращает на себя внимание и создаёт художественный эффект:

не хотел думать – не думал,
не хотел видеть – не видел,
не хотел понимать – не понимал.

Как и в лексике, грамматические средства языка, пишет И.И. Ковтунова, могут проявлять способность к неоднозначности и тем самым выступать в изобразительной функции, «неповторимость поэтического взгляда на мир рождает в поэтической форме новый, индивидуальный образный смысл» [Ковтунова 1986: 197]. Любопытно, что, если в тех или иных поэтических текстах («поэтических» в самом широком смысле этого слова) повторение употребляется с целью подчеркнуть один и тот же смысл, то здесь у Толстого повтор работает на переключение смысла: *не хотел думать* (правдивый мир) – *не думал* (ложный мир, самообман).

Подобное вариативное употребление глагольных форм передаёт различную степень интенсивности чувства и проявления эмоции, её повторяемость, глубину – самую богатую палитру смыслов.

Литература / References

1. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
2. Оганесян Г.С. Выражение сравнения в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Проблемы современной русистики N12(16), Ереван, 2023. С. 56–67.
3. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1987. 448 с.

**РУССКИЙ ГЛАГОЛ В СОВРЕМЕННЫХ МУЧЕНИЧЕСКИХ ЖИТИЯХ
(на материале житий новомучеников и исповедников
XX века Московской Епархии)**

Е.В. Суровцева

*Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
ПСТГУ им. Феофана Затворника*

RUSSIAN VERBS IN MODERN MARTYR'S LIVES
(Based On The Material Of The Lives Of The New Martyrs
And Confessors Of The Russian XX Century Of The Moscow Diocese)

E.V. Surovtseva

Abstract: The article highlights some features of verb usage in the the lives of the New Martyrs and Confessors of the 20th century of the Moscow Diocese, researched during the creation of a corpus of these texts. In total, these texts contain 4,329 verb lexemes (62,064 word usages). The most frequent verbs and their aspectual characteristics are presented, and a number of lexical-semantic groups of verbs are identified. Some verbs are also analysed among the lexemes denoting the basic concepts of Russian culture. The verb *byt'* (to be) and its repertoire of forms are examined in more detail. The issue of the frequency of use of reflexive verbs in the studied material is also addressed.

Keywords: Russian language; verb; the Lives of the New Martyrs and Confessors; modern church literature; corpus linguistics.

Аннотация: В статье освещены некоторые особенности употребления глаголов в житиях новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии, исследованные в ходе работы над созданием корпуса этих текстов. Всего в этих текстах содержатся 4329 глагольных лексем (62064 словоупотребления). Представлены самые частотные глаголы и их аспектуальные характеристики, выделен ряд лексико-семантических групп глаголов. Некоторые глаголы анализируются также в числе лексем, обозначающих основные понятия русской культуры. Более подробно рассматривается глагол *быть* и репертуар его форм. Заграгивается вопрос о частотности употребления возвратных глаголов в изученном материале.

Ключевые слова: русский язык; глагол; житие новомучеников и исповедников; современная церковная литература; корпусная лингвистика.

В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова идет работа над созданием корпуса современных житий, а именно – такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников (подробнее см. в [Суровцева 2018]). Мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» [Жития новомучеников и исповедников Российских 2002-2005]. Всего в издание входит 341 текст, охватывающий 385 имён и созданный 12 составителями (в основном священнослу-

жителями), что составляет 407 436 лексем (примерно 390 000 словоупотреблений). Работа ведётся с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», созданной программистами для лаборатории. Объектом исследования в настоящей статье является глагол, некоторые особенности его употребления в житиях новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии. Необходимо оговорить, что нас интересует прежде всего статистический и лексикологический аспекты.

Всего в этих текстах содержатся 4329 глагольных лексем (примерно 1,06 процента от общего количества лексем) – это 62064 словоупотребления – примерно 15,8 процента от общего количества словоупотреблений). В число десяти самых частотных глаголов входят: *быть* (7094), *говорить* (1020), *стать* (921), *арестовать* (906), *служить* (838), *сказать* (730), *признать* (709), *мочь* (697), *веровать* (673), *вести* (614). Все глаголы из частотного списка и большинство глаголов с более низкой частотностью – совершенного вида (отметим, что глаголы низкой частотности – как совершенного, так и несовершенного вида, в качестве примера приведём некоторые лексемы, встречающиеся в корпусе один раз: *вбить*, *вдовствовать*, *главенствовать*, *желтеть*, *заночевать*, *искриться*, *крикнуть*, *лечь*, *нюхать*, *обелить*, *переноситься*, *расквартировать*, *сжиматься*, *тянуть*, *уволочь*, *христианизировать*, *шептать*).

Позволим себе выделить и кратко рассмотреть глаголы, не попавшие в число самых частотных, однако важные для понимания анализируемых текстов и мученического жития в целом. Так, глагол *приговорить* (505 словоупотреблений) находится на двенадцатом месте, *расстрелять* (292 словоупотреблений) – на тридцать первом, при этом их значимость для описания мученической кончины подвижников очевидна. Глагол *родиться* (457 словоупотреблений) стоит на пятнадцатом месте в списке – этот факт интересен тем, что в житиях говорится, в том числе, о семье будущих мучеников, об их происхождении – сравнительно невысокую частотность данного слова можно объяснить тем, что не во всех текстах сообщается, в какой семье родился человек (в некоторых случаях современной науке это пока неизвестно). Слово *рукоположить* (363 словоупотреблений) стоит на девятнадцатом месте – данное слово также очень важно для анализируемого жанра, так как 247 святых канонизировано в чине священномучеников (мучеников-священников) и 9 – в чине священноисповедников (исповедников-священников), однако священный сан имели не все репрессированные.

Более подробно рассмотрим самый частотный глагол *быть*, в таблице представим, в каких формах он был употреблён, разумеется, с указанием частотности.

Ряд глаголов входит в выделенные нами лексико-семантические группы. Например, *веровать* (673), *рукоположить* (363), *молиться* (229), *обвенчаться* (8), *грешить* (2) входят в церковную лексику (о принципах выделе-

ния лексико-семантических групп, об их количестве и составе см., в частности, статью [Суровцева 2018]).

№	Форма глагола	Перечень и частотность словоформ
1.	Изъявительное наклонение, будущее время	Всего 507 раз: буду (59), будешь (12), будет (276), будем (50), будете (32), будут (78)
2.	Изъявительное наклонение, настоящее время	Всего 285 раз: есть (285)
3.	Изъявительное наклонение, прошедшее время	Всего 5851 раз: был (3189), была (625), было (1295), были (742) (т. е. примерно 82,5% от всего количества словоупотреблений данного глагола)
4.	Повелительное наклонение	Всего 19 раз: будь (12), будьте (7)
5.	Инфинитив	Всего 281 раз
6.	Деепричастие	Всего 142 раза: быв (3), бывши (1), будучи (138)
7.	Глагол на церковнославянском языке (изъявительное наклонение, настоящее время)	Всего 9 раз: есмь (1), еси (7), суть (1)

Некоторые глаголы мы анализируем также в числе лексем, обозначающих основные понятия русской культуры (подробнее об этом см. в [Суровцева 2024]). Так, *веровать* (673) входит в число лексем, относящихся к понятию веры; *молиться* (229) – в число лексем, относящихся к понятию молитвы; *грешить* (2) – в число лексем, относящихся к понятию греха.

В анализируемых нами житиях употребляются 1225 возвратных глаголов (примерно 28,3 процента от общего числа лексем данной части речи). Самые частотные из них – *родиться* (457 словоупотреблений), *стараться* (109 словоупотреблений), *собираться* (106 словоупотреблений), *приходиться* (106 словоупотреблений), *оставаться* (99 словоупотреблений), *отказаться* (96 словоупотреблений), *устроиться* (70 словоупотреблений), *согласиться* (72 словоупотребления), *пользоваться* (56 словоупотреблений), *продолжаться* (49 словоупотреблений), *подвизаться* (46 словоупотреблений), *выражаться* (30 словоупотреблений).

Нами проводится также работа по изучению семантических групп глаголов, составлен предварительный (неполный) список этих групп, например:

- глаголы речи (*говаривать, кричать, рассказывать*),
- глаголы мышления (*думать, размышлять*),
- глаголы движения (*бежать, ехать, идти, прыгать*),

глаголы эмоционального действия (*любить, ненавидеть, презирать*),
глаголы конкретного физического действия (*арестовать, обнять, обы-
скать, пилить, реабилитировать, рубить*) – по нашим предварительным
наблюдениям этот класс является самым многочисленным,
глаголы принадлежности (*владеть, иметь*),
глаголы местонахождения (*находиться*).

Полагаем, проведённый нами краткий анализ глаголов в современных русских мученических житиях поможет лучше осознать языковые особенности этого важнейшего жанра, послужит стимулом для дальнейших исследований – как глаголов, так и иных частей речи.

Литература / References

1. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Тверь: Булат, 2002–2005.
2. Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Выпуск 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226–234.
3. Суровцева Е.В. Русская аксиология как объект лексикографического исследования (на материале корпуса «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии») // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Под редакцией В.Э. Манаповой. Махачкала: АЛЕФ, 2024. С. 34–36.

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПОЗНАНИЯ
(на материале текстов школьных учебников русского языка)**

М.В. Суркова

Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF MORPHOLOGICAL FORMS OF COGNITION VERBS
(based on the texts of russian language school textbooks)

M.V. Surkova

Abstract: The article analyzes a semantically limited set of verbs in terms of the pragmatic potential of their verbal categories in texts. The verbs of the semantic subset “Cognition, recognition, learning, possession of knowledge” are taken as the object of research. The empirical basis of the study was the texts of exercises from modern Russian language textbooks for the 5th grade. The choice of this subset of verbs was based on the age of the readers (addressees) for whom the exercise texts are intended. The results of analyzing the implementation of biomorphic, actional, and anthropic codes of Russian culture within the concept of “Knowledge” are presented. It is proved that the pragmatic potential of the time category contributes to the expression of these codes, and the role of cognitive verbs is shown, which, with the support of the semantics of grammatical forms, participate in understanding the value of language, literature, and culture, science, and nature in human life.

Keywords: verb; time category; pragmatic potential of the verb; cognitive verbs; natural language metaphysics; cultural codes.

Аннотация: В статье анализируется семантически ограниченный круг глаголов с точки зрения прагматического потенциала их глагольных категорий в текстах. В качестве объекта исследования взяты глаголы семантического подмножества «Познание, узнавание, изучение, обладание знаниями». Эмпирической базой исследования послужили тексты упражнений современных учебников русского языка для 5 класса. Выбор этого подмножества глаголов был осуществлен с учетом возраста читателей (адресатов), на которых ориентированы тексты упражнений. Представлены результаты анализа реализации биоморфного, акционального и антропного кодов русской культуры в рамках концепта «Знание». Доказывается, что выражению этих кодов способствует прагматический потенциал категории времени, показывается роль глаголов познания, которые, при поддержке семантики грамматических форм, участвуют в осмыслении ценности языка, литературы, культуры, науки и природы в жизни человека.

Ключевые слова: глагол; категория времени; прагматический потенциал глагола; глаголы познания; языковая картина мира; коды культуры.

Целью исследования является анализ прагматического потенциала морфологической категории времени глаголов познания в аспекте их роли в актуализации аксиологических приоритетов в современной школе.

Материалом исследования послужили упражнения, взятые из учебников русского языка для 5 класса, содержащие текст или его фрагмент. Перечень

учебников включает 5 учебно-методических комплектов, которые созданы следующими коллективами авторов: Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Троценцова и др. [Русский язык 2023, 2023а]; А.Ю. Купалова, А.П. Еремеева, Г.К. Лидман-Орлова и др. [Русский язык 2012]; М.М. Львова, С.И. Капинос, В.И. Львов [Русский язык 2020, 2020а]; Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А. Г. Лисицын [Русский язык 2012а, Русский язык 2014]; А.Д. Шмелёв, Э.А. Флоренская, Ф.Е. Габович и др. [Русский язык 2022, 2022а].

Выбор в качестве материала текстов и их фрагментов, а не отдельных предложений, более того – слов, обусловлен тем, что прагматический потенциал глагольных категорий может быть выявлен только в тексте. М.Ю. Лотман пишет: «Текст – носитель целостного значения и целостной функции <...> В этом смысле он может рассматриваться как первоэлемент (базисная единица) культуры [Лотман 2000: 507]. О.В. Мякшева отмечает, что носителем законченного смысла выступает текст, в то время как предложение обладает лишь относительной завершенностью, а понятие «наращение смысла» на данном этапе развития лингвистики применимо именно к текстовому уровню языка (см. об этом: [Мякшева 2012: 41–45]; [Мякшева 2015: 288]).

На первом этапе исследования нами были отобраны тексты к упражнениям, содержащие глагольные формы семантического подмножества «Познание, узнавание, изучение, обладание знаниями» (перечень глаголов этого подмножества содержится в Русском семантическом словаре [Русский семантический словарь. Том 4: Глагол, 2007: 240–243]). Отобранные глаголы проанализированы в тексте только в лексико-семантическом варианте, значение которого связано с познанием. На втором этапе примеры были сгруппированы по общности семантики глагольных категорий. На завершающем этапе исследования была рассмотрена прагматика морфологических категорий глаголов познания как средства выражения отношения к объекту познания.

Всего проанализировано 103 глагольных словоформы, из них у глагола «знать» обнаружено 64 репрезентанта (словоформы) в текстах; «видеть» – 9; «понимать», «наблюдать»; «слышать», «следить» – по 6; «смотреть» – 4; «изучать» – 2.

Глагол – содержательно сложная и емкая категория. Структура глагольного значения состоит из грамматического и семантического компонентов. В структуре грамматического значения главное место занимает категориальное (обобщенно-грамматическое) значение действия, процессуального, динамического признака [Ибрагимов 2014: 502–503]. Морфологические категории глагола являются предметом исследования таких ученых, как И.Г. Милославский [Милославский 1981], А.А. Камынина [Камынина 2002], Е.В. Клобуков [Современный русский язык 2002] и др.

В своем анализе мы исходим из представления о том, что морфологические категории глагола помогают выразить смысл текста, картину мира, в отношении анализируемого семантического подмножества «Познание, узна-

вание, изучение, обладание знаниями» способствуют актуализации в тексте объектов познания. Выбор для конкретного анализа семантических вариантов форм настоящего времени обусловлен их объяснительной силой в аспекте «наращения смысла».

Наше исследование, безусловно, иллюстрирует лишь фрагмент языковой картины мира, создаваемый в текстах школьных учебников русского языка. А.Д. Шмелев писал, что формируемый на определенном материале фрагмент языковой картины мира не может быть единственным и целостным, это всегда только вариант, однако из вариантов в итоге складывается единая картина [Шмелев 2002: 15].

Категория времени глагола дает в своих значениях грамматическую семантику характера процессуальности, которая для познаваемых объектов характеризуется как настоящее вневременное (постоянное и гномическое), настоящее повторяющегося действия, качественное, описательное, актуальное. [Гущенко 2012]). Н.С. Пospelов писал, что в «современном русском языке <...> одни и те же глагольные формы в зависимости от контекста или ситуации речи могут иметь временные значения, не сводимые к единому семантическому комплексу и объединяемые только единством формы, выражающей эти значения» [Пospelов 2010: 83]. Грамматическая семантика характера процессуальности у форм анализируемых глаголов (всего 103 словоформы настоящего времени) представлена в следующих семантических вариантах: настоящее вневременное (постоянное – 24; гномическое – 10), настоящее повторяющегося действия – 8, настоящее качественное – 19, настоящее описательное – 10, настоящее актуальное – 32.

Настоящее время глагола имеет категориальное значение одновременности действия с точкой отсчета. При этом одновременность понимается как отсутствие значений предшествования (прошедшее вр.) и следования (будущее вр.) [Русская грамматика: 626–627].

На сложность определения семантики глагольных форм настоящего времени указывали многие исследователи. О гибкости формы неотмеченного настоящего времени писал, например, М.В. Панов: «... Она, неотмеченная, готова обозначать любой временной отрезок <...> служить любому времени: до, в момент и после речи» [Панов 1999: 183].

В связи с количественным преобладанием (71 из 103 употреблений) в первую очередь обратим внимание на особенности употребления неактуального времени, которое в текстах представлено как настоящее вневременное (постоянное и гномическое), качественное, описательное, настоящее повторяющегося действия.

Настоящее время обобщенного действия (общевременное, вневременное) по отношению к глаголам познания в нашем материале характеризуется наибольшей частотностью (34 словоформы), оно помогает формулировать общеизвестные истины, законы, закономерности. Настоящее постоянное

обслуживает сферу человеческого знания, с его помощью передается информация, истинность которой неопровержима или может быть проверена опытным путем. Наиболее четко настоящее постоянное выражено в предложениях, содержащих научные факты или законы функционирования мира. В пословицах и поговорках, а также в суждениях, построенных на основе личного опыта, содержащих обобщенный вывод о действительности, используется настоящее гномическое, отличающееся от постоянного субъективностью знания и невозможностью верифицировать информацию [Гущенко 2012: 119–120]. Приведём примеры из текстов анализируемых учебников, иллюстрирующие данные варианты: *О чём дрозд **поёт*** (настоящее постоянное), ***знает*** (настоящее постоянное) *только он; Сейчас, наверное, каждый ребёнок **знает*** (настоящее гномическое), *что микробы **могут попасть*** (настоящее постоянное) *в рану и поэтому её надо обработать йодом или зелёнойкой; Никто **не знает*** (настоящее постоянное), *о чем **думает*** (настоящее постоянное) *человек, когда глядит в глаза смерти, на какие мысли он тратит последние скупые мгновения, которые отпустила ему жизнь; Книга наш советчик и друг; Чем больше мы **знаем*** (настоящее гномическое), *тем сильнее желание жить.*

Настоящее качественное (квалифицирующее, качественно-описательное) в нашем материале представлено в 19 контекстах. Значение данного типа широкого настоящего заключается в описании состояний и действий (близких к состоянию), являющихся качественным признаком субъекта, характеризующим его с какой-либо стороны: «Субъект проявляет данное свойство постоянно, на основании этого говорящий считает его характерным качеством субъекта» [Труфанова 2000: 369]. Состояние – статическая характеристика, оно сопутствует объекту до, во время и после момента речи. Одна из сфер его употребления – профессиональная деятельность и навыки. Мы считаем, что глагол *знать* по значению близок к навыку, поэтому формы настоящего качественного у него особенно частотны – 19 из 59 употреблений в нашем материале: *Я вырос в селе и хорошо **знаю*** (настоящее качественное), *что **значит*** (настоящее постоянное) *для деревенской жизни труд или речка.*

Настоящее повторяющегося действия обозначает типичное или обычное действие [Гущенко 2012: 120]. Глаголы *видеть* и *знать* употребляются в форме настоящего повторяющегося действия (расширенного регулярного времени) у глаголов несовершенного вида со значением постоянного отношения (или неограниченно-кратного действия), когда речь идет о рутинных или повторяющихся время от времени событиях: *Если писатель не **видит*** (настоящее постоянное со значением постоянного отношения глагола несов.в.) *за словами того, о чём он пишет, то и читатель ничего не **видит*** за ними (настоящее постоянное со значением постоянного отношения глагола несов.в.).

Настоящее описательное (живописное, изобразительное) используется в текстах художественного стиля для придания описываемым событиям дина-

мичности и образности. В некоторых контекстах, когда описываются обычные детали повседневности, это значение наслаивается на значение настоящего повторяющегося действия: *Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется ещё только бледной щёлкой, я **знаю*** (настоящее описательное/настоящее повторяющегося действия, несов.в. со значением неограниченно-кратного действия), *что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот Васька. **Наблюдаю*** (настоящее описательное/настоящее повторяющегося действия, несов.в. со значением неограниченно-кратного действия), *что дальше будет.*

Настоящее актуальное используется в предложениях, где знание соотносится с реальным временем. Чаще всего значение настоящего актуального времени используется в сложноподчиненных предложениях с придаточным изъяснительным (19 из 34 употреблений): *Не **знаю*** (настоящее актуальное, несов.в. с общефактическим значением), *удалось ли мне убедить тебя в том, что грамматику изучать необходимо и полезно.* Актуальное значение времени встречается и в вопросительных предложениях (4 случая): – А у нас какая фамилия? – спросил Ваня/ – *Как какая? Ты что не **знаешь*** (настоящее актуальное, несов.в. с общефактическим значением)?

В некоторых контекстах граница между семантическими инвариантами настоящего времени (постоянным, гномическим, настоящим повторяющегося действия, настоящим описательным, настоящим актуальным) предстает нечеткой: *Всё, что мы **знаем*** (настоящее качественное/ настоящее актуальное) *о прошлом народов Земли, мы **узнаём*** (настоящее гномическое / настоящее поворяющегося действия), *из исторических памятников; Все мы **знаем*** (настоящее качественное/ настоящее актуальное), *что музыка обогащает духовный мир человека.*

Обращая внимание на контекстное окружение глаголов познания, перейдем к анализу объектов познания, которые замещаются в тексте дополнениями или придаточными изъяснительными.

Анализ объектов познания у анализируемых форм глаголов с актуальным временем показал, что они не образуют групп с аксиологическим значением. Низкая частотность употребления настоящего актуального времени с дополнениями (3 употребления) и высокая частотность его употребления с придаточным изъяснительным (19 употреблений из 32) свидетельствует о тесной связи актуального времени с реальной ситуацией общения. Кроме того, настоящее актуальное глаголов познания не предполагает обязательного наличия дополнения (3 употребления в роли ответа на вопрос без дополнения): *Лёнке хочется угадать. Он ёрзает на соломе, но в конце концов добродушно сознаётся: / Не **знаю**.*

Обратимся к характеристике объектов познания. Сместем предположить, что глаголы в настоящем качественном и настоящем вневременном (постоян-

ном и гномическом) способствуют сосредоточению внимания школьников на наиболее важном в мире.

Анализ объектов познания, с которыми сочетаются в синтагматическом ряду анализируемые глаголы, показал, что понятия, выступающие в качестве объекта познания и осмысливаемые как вневременные, постоянные, формирующие свойства человека, соотносимы с понятиями ключевых кодов русской культуры (о ключевых кодах подробнее см.: [Красных 2016]). Всего исследователи выделяют до 40 кодов культуры [Красных 2016], в нашем материале учебников для 5 класса представлены следующие:

- А) Биоморфный код (природно-стихийный) – природные объекты (цифры): *Но вот оно (солнце) **показывается** нам, **открытое** в своей сущности, смягчённое в своей резкости... чтобы мы порадовались, чтобы мы его полюбили; Оно **открывается** нам в радуге, чтобы наше око могло вынести его; Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костёр горы сучьев и **смотрим**, как подымается огромное белое солнце – солнце бесконечного летнего дня;* (зооморфный) животные и птицы (цифры): *Как-то рано поутру / С другом сели мы в метру. / И поехали в метре / Фильм **смотреть** о кенгуре; Скоро гости к тебе соберутся / Сколько гнёзд повавят, – **посмотри** / Что за звуки, за песни польются / День-деньской от зари до зари!; – **Слышишь?** Зяблик бьёт!*
- Б) Акциональный код – язык, речь и их составляющие: *Вы, конечно, хорошо **знаете** сказку известного английского писателя Редьярда Киплинга «Маугли»; научные факты и науки: Можно сказать, что лингвистика не только **изучает** научные факты, но и помогает в нашей речевой практике, в том, как мы используем язык.*
- В) Антропный код – страна, народ: *Чем глубже человек **познаёт** родной язык, тем больше подготовлен к овладению языками других народов; Всё, что мы **знаем** о прошлом народов Земли, мы **узнаём** из исторических памятников.*

Ценность знаний об этих объектах подчеркивается в контексте наречиями меры и степени (*до косточки, хорошо, умело, с наибольшей пользой*): **Умело и с наибольшей пользой** применять любое орудие может лишь тот, кто его **глубоко, тщательно** изучил, кто **знает**, как оно «устроено», из каких частей состоит, как работает, как изменяется с течением времени, какого обращения требует с собою.

Эти коды, являющиеся объектами познания, проявляются как навыки, свойства человека, что подчеркивается их контекстным окружением с глаголами в форме настоящего качественного, однако (на данной ступени обучения) с акцентом на дидактике формирования из школьника (посредством, например, доверительного контакта при помощи обращения к собеседнику – *ты, вы*) человека с определенными ценностными качествами. Учебник корректирует угол зрения пятиклассника, помогает сосредоточить внимание на истинных ценностях, привлечь внимание к познанию кодов русской культуры. С помощью глаголов познания в настоящем вневременном и качествен-

ном учебник предлагает читателю остановить свой взгляд на фактах, имеющих аксиологический смысл.

Обобщим свои наблюдения. Анализ реализации семантических инвариантов форм глаголов в текстах упражнений учебников русского языка показал, что для глаголов познания характерно настоящее вневременное (37 употреблений), настоящее актуальное (32 употребления), настоящее качественное (19 употреблений), описательное (10 употреблений). Настоящее повторяющегося действия представлено в 8 контекстах, что обусловлено семантикой анализируемых глаголов, так как познание не предполагает периодичности или фрагментарности, это протяженный непрерывный процесс.

Глаголы анализируемого подмножества в первую очередь через семантику настоящего постоянного и настоящего качественного времени, с которым при описании человека сближаются глаголы несовершенного вида с потенциально-качественным значением в форме прошедшего имперфективного времени, подчеркивают ценностный характер таких понятий, как **природа, язык, народ**.

Литература / References

1. Гущенко С.К. Функциональные типы широкого настоящего. [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-tipy-shirokogo-nastoyaschego> (дата последнего обращения: 27.09.2024).
2. Ибрагимова В.Л. Глагол в семантическом пространстве лексики. [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glagol-v-semanticheskom-prostranstve-leksiki> (дата последнего обращения: 23.09.2024).
3. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 239с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
5. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка: учебное пособие по спецкурсу для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1981. 254 с.
6. Мякишева О.В. «Наращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора). [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naraschenie-ili-sozdanie-smysla-v-tekste-na-materiale-funktsionirovaniya-mestoimeniy-v-tekstah-odnogo-avtora> (дата обращения: 26.09.2024).
7. Мякишева О.В. Пространственная семантика: Реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения. LAP LAMBERT Akademik Publishing, 2012. 550 с.
8. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука. Школа «Языки русской культуры». 1999. 275 с.
9. Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды / Сост. и автор вступ. ст. Е.А. Иванчикова: отв. ред. Н.И. Толстой. М.: КД «ЛИБРОКОМ». 2010. С. 83–99.

10. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И., Львов В.В. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. М.: Дрофа, 2020а. Ч.1. 157 с.
11. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И., Львов В.В. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. М.: Дрофа, 2020б. Ч.2. 189 с.
12. Русская грамматика: в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы, Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. М.: РАН Ин-т рус.яз., 2007. 952 с.
14. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова [и др.]. М.: Просвещение, 2023а. Ч. 1. 240 с.
15. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 частях, Ч. 2 / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова [и др.]. М.: Просвещение, 2023б. Ч. 2. 271 с.
16. Русский язык. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / Л. М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А.Г. Лисицын. М.: Просвещение, 2012. 127 с.
17. Русский язык. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / Л. М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А.Г. Лисицын. М.: Просвещение, 2014. 159 с.
18. Русский язык. Практика. 5 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / А.Ю. Купалова, А.П. Еремеева, Г.К. Лидман-Орлова и др.; под ред. А. Ю. Купаловой. М.: Дрофа, 2012. 270 с.
19. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. / А.Д. Шмелёв, Э.А. Флоренская, Ф.Е. Габович [и др.]; под ред. А.Д. Шмелёва. М.: Просвещение, 2022а. Ч. 1. 305с.
20. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. / А.Д. Шмелёв, Э.А. Флоренская, Ф.Е. Габович [и др.]; под ред. А.Д. Шмелёва. М.: Просвещение, 2022б. Ч. 2. 368 с.
21. Современный русский язык: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Филология" / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков; Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2002. 557 с.
22. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. М.: Прометей, 2000. С. 346–376.
23. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТИВНЫХ ФОРМ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

М.С. Милованова

Москва, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

CATEGORICAL SEMANTICS OF PREDICATIVE FORMS OF DEVERBATIVES

M.S. Milovanova

Abstract: The article analyzes lexical and grammatical phenomena that record the changing picture of the human world, in which the thought of state occupies an important place. The microdiachronic level of the study demonstrates new facts of the language. We are talking about a group of verbal nouns, whose prepositional-case form (*in anticipation, in admiration, in search, in relations, etc.*) turned out to be transposed into the category of state. Deverbatives have certain features in comparison with typical nouns, so the identification of the specific conditions and stages of grammatical and lexical transformations is the purpose of the study.

Keywords: verbal nouns / deverbatives; thought of state; category of state; categorical meaning; syntactic model.

Аннотация: В статье анализируются лексико-грамматические явления, которые фиксируют меняющуюся картину мира человека, где важное место занимает мысль о состоянии. Микродиахронный уровень исследования демонстрирует новые факты языка. Речь идет о группе отглагольных существительных, чья предложно-падежная форма (*в ожидании, в восхищении, в поисках, в отношениях* и т. д.) оказалась транспонирована в категорию состояния. Девербативы обладают определенными особенностями в сопоставлении с типичными существительными, таким образом, выявление специфических условий и этапов грамматических и лексических преобразований является целью исследования.

Ключевые слова: отглагольные существительные / девербативы; мысль о состоянии; категория состояния; категориальное значение; синтаксическая модель.

Введение. С.Д. Кацнельсон видит отличия семантики состояния от действия не только в активности / неактивности (действие – «изменчивый активный признак, свойственный одушевленным предметам»), но и в том, что состояние «предполагает длительный неактивный признак, **свойственный как одушевленным, так и неодушевленным предметам**» [Кацнельсон 2001: 573] (выделено мной. – М.М.). Вместе с тем мысль о состоянии всё больше связывается именно с одушевленными предметами, более того – с предметами не просто одушевленными, но имеющими значение ‘человек / лицо’ (= Я). Типичная безличная конструкция с предикативным центром – словом на -о дополняется конструкцией личной, на роль семантического и коммуникативного центра которой выдвигается словоформа имени существительного, оторвавшаяся от парадигмы и начавшая самостоятельно выполнять предикативную функцию. Имеются в виду такие словоформы, входящие в состав синтаксической формулы ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’, как

(Я) в экстазе, в непонимании, в растерянности, в страхе, в жизни, на нервах, на волне и т. д. [Милованова 2022].

Если говорить о морфологической презентации как «особом способе представления в языке концептуального содержания» [Болдырев, Беседина 2007: 3], то выделенная Л.В. Щербой морфологическая категория – категория состояния – развивается за счет обновленного репертуара форм, при этом общим семантическим признаком, составляющим основу категориального значения этой части речи, является *состояние*: «Слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается **на разных путях...**» [Щерба 1928: 18] (выделено мной. – М.М.). В настоящий момент стимулом для развития категории состояния как модальной категории становится факт актуализации позиции субъекта и новый этап в развитии модальности¹.

Современная коммуникация активизирует роль человека как центра информационного события. В таком случае коммуникативная ценность личной конструкции 'S + связка *быть* + предикативно-падежная форма' заключается в акцентировании субъекта (S) – носителя состояния [Милованова 2022: 15]. Думается, что не за всеми попавшими в поле зрения исследователей словоформами можно безоговорочно признать значение состояния / состояния-оценки (*на изи, на стиле, в тренде, в плюсе* и др. [Милованова 2022; Дуганова, Северская 2024]), тем не менее нельзя игнорировать, например, тезис Фр. Травничка о способности слов категории состояния «иметь разные лексические значения» [Травничек 1956: 47]². Имя существительное, категориальным значением связанное с предметным миром, дает возможность изобразить любое состояние «текущего момента». Синтаксическая структура легко заполняется лексическим материалом, дающим представление о степени актуальности транслируемой мысли – о состоянии в детализированном виде.

О процессе перехода в категорию состояния. Процедура лексической и грамматической трансформации. Специфика девербативов. Возможность и условия перехода имени существительного в категорию состояния описывает В.В. Виноградов, при этом предикативную функцию, определяющую временную перспективу, В.В. Виноградов называет обяза-

¹ В истории языка это долгий процесс, в целом связанный с формированием модальных значений и категории модальности: «Новая модальность мышления с доминирующим оценочным компонентом» [Барецкая 2011].

² Фр. Травничек имеет в виду слова на -о – традиционный центр категории состояния. Вместе с тем эту мысль можно распространить на всю категорию, то есть на предикативно-падежные формы имен существительных (экс-формы), которые, на наш взгляд, являясь грамматической периферией категории состояния, становятся ее новым активно развивающимся коммуникативным центром [Милованова 2022, 2024; Дуганова, Северская 2024].

тельным условием перехода: «Если какое-нибудь существительное сохраняется в языке только в одной функции, в функции сказуемого, то это грамматическое ограничение обычно связывается со смысловой деформацией слова, с потерей им форм падежа и рода и с зарождением в нем оттенков времени. Впитывая в себя значение времени, имя существительное ослабляет или утрачивает свое значение предмета, субстанции [...]. Так, имя существительное может постепенно ассимилироваться с категорией состояния» [Виноградов 2001: 345–346]. В.В. Виноградов имеет в виду новую функцию существительных в именительном падеже (*время, грех, недосуг, неволя и др.; он, она не жилец / не промах*). Вместе с тем в этой функции активизировались именно формы косвенных падежей существительного, что не противоречит мысли Виноградова, но можно отметить усложнение семантики такой словоформы, аккумулирующей значение: 1) слова как лексемы, 2) значение падежной формы, наконец – 3) предлога, уточняющего падежное значение. В результате все три значения сложным образом переплетаются, образуя некоторое семантическое единство (сплав) – комбинацию смыслов, функция «активирует» этот сложный семантический комплекс [Милованова 2024].

Среди словоформ имени существительного, способных занимать предикативную позицию, можно выделить две группы: *типичные* существительные, т. е. обладающие предметным значением (центр категории), и *нетипичные* – «вторичные имена»³ типа *хождение, белизна*. В этой второй группе выделяются девербативы: (*Я*) *в восхищении, в поиске, в нетерпении, в волнении, в ожидании, в переживаниях, в отношениях, в предвкушении, на подъеме* и некоторые другие, поскольку круг существительных, в том числе и отглагольных, потенциально способных к транспозиции, постоянно расширяется – в первую очередь за счет разговорной лексики. Ср.: *в охренении / охреневании* (разг., эмоц.): *Я в охренении* *смутного времени* (Дм. Волгарин. URL: stihi.ru/2023/09/25/).

Процедура преобразования грамматического (категориального) значения отглагольных существительных отличается от группы типичных существительных – или даже нетипичных, но процесс утраты связей с глаголом которых уже состоялся. Например, слово *растерянность* имеет только опосредованную связь с глаголом – через ступень причастия-прилагательного: *растеряться* – в метафорическом значении ‘утратить спокойствие, хладнокровие, не зная от волнения, как поступить’ → *растерянный* (человек / взгляд) – ‘такой, который растерялся, т. е. утратил самообладание от волнения’ → *растерянность* – свойство по глаголу *растеряться* в приведенном значении.

В случае с предикативной формой *в растерянности* (Христиане же *были в растерянности*... [Н. С. Лесков. Гора (1888)] – самый ранний пример в НКРЯ) исходной позицией является позиция обстоятельства состояния, в

³ По выражению С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001: 476].

которой существительное (форма П.п.) сближается со значением наречия, и в этой роли уже способно выражать дополнительную пропозицию – на фоне основной, заключенной в глаголе-сказуемом: ...**Я в растерянности** следовала за ней. [Л. А. Чарская. Вторая Нина (1909)]; **Я огляделся в растерянности**, пытаясь понять, где он ухитряется прятать напитки. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]. Каждое из предложений содержит две пропозиции – эксплицированную и скрытую, ср.: **Я следовала за ней и Я была в растерянности**; **Я огляделся и Я был в растерянности**. Следующий шаг в возможных преобразованиях – актуализировать скрытую пропозицию путем замены глагола движения глаголом с отвлеченным значением – глаголом-связкой *быть*.

Опосредованная связь существительного *растерянность* с глаголом упрощает процесс перехода, поскольку непосредственно связанные с глаголом существительные обычно имеют валентность на распространитель – следовательно, для упрочения семантики состояния эти глагольные связи должны быть обязательно устранены. Именно такой путь был проделан словоформами *в восхищении* и *в ожидании* для реализации семантики состояния: *Советница: Ах, что я слышу! Я в восхищении!* (Д. Фонвизин. Бригадир. 1769); *Ну / мы в восхищении / мадам!* [Сергей Соловьев, Дмитрий Соловьев. Нежный возраст, к/ф (2000)]; **Я в ожидании**, когда твой тихий шаг / Наполнит пустоту прихожей (С. Баранов. URL: stih.ru/2022/04/04/). Ср. примеры с возможным распространителем как наследием «валентного» глагола – *восхищаться талантом / сценой и ожидать встречу / праздника: Помню, как я сидела в ложе на спектакле и была в восхищении от сцены письма Татьяны; Марио сразу «подтянулся» в ожидании встречи с русскими певцами, музыкантами, а потом и с требовательной московской публикой.* [Ирина Архипова. Музыка жизни (1996)].

Предрасположенность к переходу и сам процесс преобразования семантики в каждом случае индивидуальны, что связано с индивидуальным лексическим значением исходного существительного, но в отдельных случаях это объясняется критерием непосредственной или опосредованной связи с глаголом: большая часть отглагольных существительных образована от глаголов, имеющих распространитель.

Если говорить о собственно переходных глаголах, то, комментируя абсолютивное употребление переходного глагола, К.Я. Сигал отмечает: «Этот сдвиг носит не только синтаксический характер, но и семантический, связан прежде всего не с сокращением валентностных потенций, а с другой смысловой актуализацией» [Сигал 2020: 378]. Показательно в этом смысле современное и актуальное безобъектное употребление глагола *расстаться* – *Я расстался* (ед.ч.) при исходном *Я расстался с девушкой: У меня кент в Москве недавно расстался* [Чат для художников. telegram Чат для художников (03.05.2022)]; *Фишерман расстался???* [SOS! Корабль любви бьется о

быт! (2007–2018)]. Глагольность (мысль о действии) слова в таком безобъектном употреблении уменьшается – процесс осмысливается как состояние. Абсолютивное употребление глагола, имевшего распространитель (*Я переживаю горе / радость*), и появление нового значения отмечает К.И. Чуковский в книге «Живой как жизнь» (метаосмысление нового факта коммуникации конца 50-х годов XX в.): «В то же самое время молодежью стал по-новому ощущаться глагол *переживать*. Мы говорили: “я переживаю горе” или “я переживаю радость”, а теперь говорят: “я так переживаю” (без дополнения), и это слово означает теперь: “я волнуюсь”, а еще чаще: “я страдаю”, “я мучаюсь”» [Чуковский 1962: 8].

Безусловно, что центром глагола как класса являются глаголы переходные⁴, однако в данном случае нас интересует любой распространитель (так называемая «правая валентность»), наличие которого фиксирует исходную связь девербатива с производящим глаголом и разрушение которой – обязательный этап в сближении с категорией состояния.

Например, экс-словоформа *в отношениях* в предикативном употреблении актуализирует новое значение, зафиксированное в словаре, – ‘интимное общение мужчины и женщины, основанное на любовном влечении, сожительстве’ [Морковкин 2016: 728] и выражает новую мысль ‘состояние’: ‘находиться в состоянии романтических, т. е. сексуальных, отношений’: *Вот с 20-ти могут говорить. Особенно, если ты в отношениях*. [Чат для художников. telegram Чат для художников (06.05.2021)].

Производящим глаголом для существительного *отношение* является глагол *отнестись / относиться*, который можно назвать прототипическим, поскольку эта мысль составляет суть его лексического значения: релятивность как ведущая сема – ‘связь, касательство’ (2-е значение) [Ушаков: 953], то есть предполагается обязательное наличие двух предметов – ‘отношение относительно кого-чего-л., каких-л. действий, проявления каких-л. чувств, а также тот или иной характер поведения, обращения кого-л. с кем-чем-л.’ [Морковкин 2016: 727]. И если в логике отношения «как одна из форм, один из необходимых моментов всеобщей взаимосвязи» предполагает в первую очередь взаимоотношения вещей, предметов [Кондаков 1971: 363], то ситуация общения – это связь двух субъектов, один из которых выступает в роли объекта, что и отражено в толковании словаря под редакцией В.В. Морковкина. В новом предикативном и безобъектном употреблении семантика отношения преобразуется в семантику состояния: *Особенно упражнение актуально, если ты в отношениях или активном поиске* [Beauty.by.zushka.

⁴ Например, с утратой переходности связано развитие модальности индоевропейского перфекта, общее значение которого – состояние [Степанов 1978: 347]). Ср. у С.Д. Кацнельсона: «перфект, т. е. форма именного состояния у глаголов действия» [Кацнельсон 2001: 596]. Кроме того, С.Д. Кацнельсон отмечает «близость ряда непереходных глаголов к именам» [Там же: 589].

Бьютиблог, лайфстайл (2022)] [Милованова 2024]. Исходная коммуникативная схема $S - S'$ заменяется схемой $S - \emptyset$.

В случае перехода девербатива в категорию состояния упразднение всех возможных валентностей является обязательным условием формирования нового грамматического и нового лексического значения, находящегося в разной степени удаленности от лексического значения исходного существительного. Причем речь идет не об этапах преобразования категориального значения, а о возможном вариативном устранении одного из условий связи как с именем, так и с глаголом, признаки которых сохраняет словоформа.

В качестве примера рассмотрим словоформу отглагольного существительного *в поиске* – при вариативном устранении одного из компонентов в предложении: *Поэтому мы с Маней находились в постоянном **поиске** каких-нибудь обходных путей, чтобы облегчить наше горькое существование.* [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)].

1) Утрата «левой валентности» на атрибутивный распространитель, актуализирующий значение предметности, т. е. значение существительного (*в активном / постоянном поиске*): *Мы находились в ~~постоянном~~ **поиске** каких-нибудь обходных путей.*

2) Утрата «правой валентности» – валентности на объектный распространитель, свидетельствующий о деривационных связях с глаголом (*в **поиске** зверя / счастья / смысла жизни / места / ветра / нового / выражений / работы / сведений / ответов / родителей* – номинация конкретных и абстрактных сущностей): *Мы находились в постоянном **поиске** ~~каких-нибудь обходных путей~~.*

3) Замена «лексичной» связки *находиться* на максимально отвлеченную *быть*: *Мы ~~находились~~ **были** в постоянном **поиске** каких-нибудь обходных путей.*

Вариативное устранение одной из позиций, затем – комбинация всех перечисленных условий приводит к функционированию девербативной словоформы в модели ‘ S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’: *Мы в поиске.* Ср.: *Что же касается смелости, то уж если **ты в поиске**, то голову никуда не спрячешь, надо действовать.* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]; *В повторениях **ты должен быть в поиске**.* [С. Ф. Бондарчук. Желание чуда (1981)]; *Он **был в поиске**, он был в дороге и видел мир глазами человека, мир преобразующего.* [С.А. Дангулов. Щусев (1981)]; *А Раневская **была** всегда в поиске, призывала на помощь эмоциональную память, опыт, случай.* [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)].

Причины грамматической трансформации. «Чаше всего изменения в системах форм слов зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов» [Виноградов 1975: 39]. Массовая миграция словоформ существительного (в том числе и словоформ отглагольных существительных) и сближение со

словами категории состояния обусловлены общей грамматической ситуацией: ростом предикативности имени существительного. В частности, тенденция выражается в увеличении количества и в разнообразии видов неглагольных предложений, среди которых самым частотным вариантом становится бисустановительное предложение, причем для выражения мысли о состоянии в такой структуре используются разные формы существительного, основной из которых является форма предложного падежа [Герасименко 2012].

Выводы. Таким образом, 1) отсутствие возможности управлять («безобъектность»), 2) иметь согласуемые компоненты 3) в сочетании с предикативной функцией – всё это в совокупности маркирует новый грамматический статус экс-словоформы имени существительного в синтаксической конструкции ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’. В результате рождается комбинированная семантика, усиленная предикативной функцией, сочетающая синкретичное глагольно-именное значение исходного слова и значение формы предложного падежа.

Категориальный статус отглагольных экс-словоформ (как, впрочем, и всех форм типичных и нетипичных существительных) в предикативном и безобъектном употреблении – периферия категории состояния, пересекающаяся с периферией имени существительного, то есть зона синкретизма на шкале переходности В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000]. Индивидуально каждая из аналогичных предикативных словоформ занимает свою позицию на шкале переходности.

Приведем пример аналогичного случая утраты связи с объектом и как результат – эволюции семантики. В диахронии – это судьба наречия-предлога *против* (*Я выступаю против X / X-a*), в предикативной позиции (*Я против X / X-a*) мигрировавшего в класс категории состояния (статус впервые определен в [Морковкин 2003]). Такое движение в категориальном значении объясняется разрушением связи с объектом и утратой релятивного компонента в семантической структуре слова (*Я против*). Любопытно, что этимологический корень-слово **pro*, вероятно, имел синкретичное значение ‘указание на объект + побуждение к действию’ [Милованова 2004].

Заключение. Активизировалась сама синтаксическая модель с участием форм имени существительного, трансформировавшего свои категориальные свойства и сделавшего шаг в сторону категории состояния (транспонированная форма имени = экс-существительное). Предикативность имени становится обязательным условием перехода для всех имен существительных; необходимый этап в преобразовании значения исходного девербатива – утрата связи с объектом, т. е. утрата валентности на объект-распространитель как наследия глагольных связей в отглагольном имени.

Литература / References

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 638 с.
2. *Барецкая А.Е.* Модальность в системе текстовых категорий в памятниках древнерусской письменности: к постановке проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 8. С. 39–44.
3. *Болдырев Н.Н., Беседина Н.А.* Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 1. С. 3–10.
4. *Виноградов В.В.* О формах слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 33–50.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 718 с.
6. *Герасименко Н.А.* Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: МГОУ, 2012. 290 с.
7. *Дудорова М.В., Северская О.И.* На стиле, на чиле, на панике, на волне: семантика и прагматика модной конструкции // Коммуникативные исследования. 2024. № 4. С. 698–715.
8. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
9. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. М.: Наука, 1971. 720 с.
10. *Милованова М.С.* Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2022. 390 с.
11. *Милованова М.С.* Лексико-грамматический потенциал имени существительного в развитии категории состояния // Вестник Нижегородского государственного университета. 2024. №6. С. 264–272.
12. *Милованова М.С.* Функциональные омонимы звуковых комплексов *против / на-против*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 18 с.
13. *Морковкин В.В.* (ред.). Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов. М., 2003.
14. *Морковкин В.В.* (ред.). Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016.
15. *Сигал К.Я.* Теория словосочетания и речевая деятельность / Российская академия наук, Институт языкознания. М.–Ярославль: Канцлер, 2020. 418 с.
16. *Степанов Ю.С.* Перфектный центр в русском синтаксисе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1978. Т. 37. № 4. С. 344–353.
17. *Травничек Фр.* Заметки о «категории состояния» // Вопросы языкознания. 1956. №3. С. 46–53.
18. *Ушаков Д.Н.* (ред.) Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. Т. 3.
19. *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М.: Молодая гвардия, 1962. 176 с.
20. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Русская словесность / Под ред. Л.В. Щербы. Ленинград: Academia, 1928. С. 5–27.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕННЫХ И НАРЕЧНЫХ ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Кормилицына

Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского,

А.В. Дегальцева

Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского

SEMANTIC AND PRAGMATIC SPECIFICS OF VERBAL NOMINAL
AND ADVERBIAL DERIVATIVES IN MODERN RUSSIAN

M.A. Kormilitsyna, A.V. Degaltseva

Abstract: The article analyzes the participation of deverbatives in the mechanism of syntactic derivation based on the material of mass media and artistic speech. It is shown that deverbatives are endowed with significant syntactic and semantic potential, which is clearly seen in the areas of speech communication, far from speech patterns (colloquial, journalistic and artistic). It was revealed that the semantic and syntactic processes of nominalization and adverbialization are used by the addressee to compress information and help him solve a number of communicative and pragmatic tasks: to complicate or “obscure” the meaning of the utterance, to manipulate information, as well as to realize his creative potential.

Keywords: syntactic derivation; syntactic compression; nouns; adverbs; deverbatives; utterance pragmatics.

Аннотация: В статье на материале СМИ и художественной речи анализируется участие deverбативов в механизме синтаксической деривации. Показано, что deverбативы наделены значительным синтаксическим и семантическим потенциалом, это отчётливо прослеживается в сферах речевой коммуникации, далёких от речевых шаблонов (разговорной, публицистической и художественной). Выявлено, что семантико-синтаксические процессы номинализации и адвербиализации используются адресантом не только для компрессии информации, но и для решения ряда коммуникативно-прагматических задач: они позволяют усложнить или «затемнить» смысл высказывания, манипулировать информацией, а также реализовать свой творческий потенциал.

Ключевые слова: синтаксическая деривация; синтаксическая компрессия; отглагольные существительные; отглагольные наречия; deverбативы; прагматика высказывания.

Каждое предложение обладает семантической структурой – обобщённым типовым содержанием, которое свойственно определённому формально-семантическому типу предикативных единиц [Белошапкова 1997]. Инструментом описания семантической структуры предложения является пропозиция – языковая форма воплощения положения дел в действительности [Данеš 1964, Арутюнова 1976, Белошапкова 1997], отражающая «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создаёт ситуацию, выбирая глубинный предикат, именно он включает или исключает участников ситуации как предопределённых свойствами предиката, его

семантическими валентностями <...>, так и не обусловленных ими» [Маненко 2011: 142].

В предложении пропозиция может быть представлена двумя способами: развёрнута в субъектно-предикатную структуру или свёрнута за счёт использования средств семантико-синтаксической компрессии [Кормилицына 2011]. Таким образом, структурно простое (монопредикативное) предложение может быть семантически сложным (полипропозитивным) [Кормилицына 2011], то есть содержащим несколько пропозиций. Процесс, приводящий к введению в простое предложение дополнительных смыслов и образованию семантически усложнённого, конденсированного предложения, в исследованиях по семантическому синтаксису называют синтаксической деривацией [Москальская 1974; Мурзин 1982]. Показателями семантико-синтаксического процесса осложнения смысла предложения являются несоответствие между грамматическими характеристиками слов и их сочетаемостными возможностями в предложении, незамещение отдельных позиций в его семантической структуре [Арутюнова 1976, Nosek 1964, Turner 2006] и др.

Данная работа посвящена участию девербативов, а именно отглагольных имён и наречий, в процессе синтаксической деривации. Исследование проводится на материале современных СМИ и художественной речи.

Процесс синтаксической деривации, как уже было сказано, способствует конденсации информации, при которой некоторые элементы отображаемого события не получают вербального выражения в высказывании. Умение пользоваться девербативами как средствами экономной передачи информации особенно важно для современного человека, живущего в условиях информационной перенасыщенности. Способность коммуникантов представить многоаспектную ситуацию, затратив минимум речевых усилий и языковых средств, определяет успех коммуникации, что особенно важно для публичного общения.

Отглагольные существительные могут использоваться не только для экономной передачи информации, но и для того, чтобы намеренно избегать прямых номинаций и затемнять смысл высказывания. Ученые отмечают, что в современных СМИ активизировались конструкции с отглагольными существительными. Это объясняется постновоязом с его денотативной расплывчатостью и клишированностью, канцеляризацией речи, «потенциальной непрозрачностью» [Серио 1999: 371].

П. Серио называл номинализованные конструкции отражением в тексте идеологически окрашенных дискурсивных практик. Он полагал, что изучение номинализации позволит понять, как «текст может обладать, в качестве своих внутренних компонентов, элементами иными, привнесенными извне, какие отношения могут существовать между текстом и этим "иным"» [Серио 1999: 341].

По мнению П. Серио, нейтрализация глагольных признаков в девербативе приводит к двусмысленности и неопределённости при восприятии и интерпретации текста [Серио 1999]. Приведём примеры: *Больше всего собе-*

седника издания **поразило уничтожение американской гаубицы М777** <...> (Царьград 19.09.2022). Не вполне ясно, что же удивило иностранного офицера: сам факт уничтожения гаубицы или тот способ, которым она была уничтожена? Ср.: *Договорились продолжать совместную работу по всем направлениям, в первую очередь будем следить за повышением уровня качества жизни жителей Хабаровского края (Московский комсомолец (далее – МК) 11.06.2024). Необходимо наблюдать, как повышается уровень жизни в Хабаровском крае или предпринимать меры для того, чтобы качество жизни повышалось? Думается, чиновники имели в виду второе.*

В современной прессе номинализованные конструкции часто используются в безагентивных предложениях. Это создаёт у читателя иллюзию того, что происходящие в мире события не подвластны контролю человека [Кормилицына 2009]: *При планировании объёмов оказания медицинской помощи невозможно было спрогнозировать количество заразившихся COVID-19* (МК 18.04.2022). Кроме того, номинализованные конструкции в безагентивных предложениях позволяют журналисту не указывать действующее лицо намеренно или из-за неуверенности в достоверности имеющихся у него сведений: *Сегодня началось рассмотрение иска о незаконности строительства полигона на Шиесе* (МК 10.01.2019).

Для журналиста очень важно ориентироваться на массового адресата и передавать информацию доступным языком, однако генетивные цепочки отглагольных существительных затрудняют и «затемняют» восприятие текста читателем, создают ненужную наукообразность изложения информации: <...> *депутаты рассмотрели ход реализации проекта по повышению эффективности системы противодействия коррупции* <...> (Аргументы и факты (далее – АиФ) 13.11.2023). В статье «Прокуратура разъясняет: что делать в случае несогласия с протоколом об административном правонарушении» (МК 28.10.2021) вместо доступного разъяснения употребляется сложный для восприятия канцелярит: *Гражданин, в отношении которого был составлен протокол, не может представить свои объяснения и замечания по его содержанию, а также, при несогласии с принятым по результату рассмотрения протокола решением – привести в жалобе замечания и возражения на протокол об административном правонарушении* <...>.

Канцелярит, характеризующийся обилием номинализованных конструкций и различных видов осложнения формальной структуры предложения, делает текст громоздким и сложным для восприятия. Именно поэтому он нередко становился объектом литературной пародии: *Показ Пушкиным помимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение* (З. Паперный. К вопросу о золотой рыбе).

Другой разновидностью синтаксической деривации является адвербиализация, которая проявляется в том, что наречие с атрибутивно-обстоятель-

ственным значением, будучи грамматически связанным с предикатом базовой пропозиции, семантически относится к одному из её актантов (эксплицитно или имплицитно присутствующему в предложении) или ко всей репрезентируемой базовой пропозицией ситуации [Дегальцева 2021]. Объектом нашего внимания являются отглагольные наречия, наделённые значительным семантическим и синтаксическим потенциалом. Адвербиальные девербативы обычно являются наречиями способа действия (*вплывь, всмятку, невпопад, наперевес, ощупью, стоймя* и др.). Очевидно, что благодаря своим производящим базам они обладают пропозитивным содержанием и заключают в себе в свёрнутом виде номинацию ситуаций (действия, состояния, расположения в пространстве и под.).

В свободных от шаблонов художественной речи и публицистике, доминантными характеристиками которых является воздействие на адресата, наречия-девербативы нередко обнаруживают непривычную лексическую сочетаемость: *Мозги всмятку* (МК 10.02.2003); *Пирог с душой нараснашку* (Коммерсант FM 08.11.2018); *Чай вприкуску с матерщиной* (МК 22.08.2003); *Жила и пела нараснашку* (название стихотворения И. Лиснянской); *Бреди давай по направлению к дому, наперевес держи свою истому* <...> (С. Гандлевский. Из Екклесиаста: «Кирпич Толстого для отвода глаз...»).

Наречия-девербативы расширяют свои синтаксические и семантические потенции. В частности, они могут управлять зависимыми словами. Способность наречий к управлению рассматривается в ряде работ авторитетных учёных [Виноградов 2001, Урысон 2017, Черкасова 1967] и «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980. Т. 2]. Наблюдения показывают, что способностью к управлению обладают отглагольные наречия, выражающие характеристики действий, процессов (*втихомолку, наперевес, наперегонки, наперехват* и под.): *Наперекор судьбе* (Комсомольская правда (далее – КП) 27.02.2006); *Наперегонки с судьбой* (название эссе М. Матвеева); *Тощий корейский солдат с ружьём наперевес в мучениях пытается выпустить нас с аэродрома* <...> (АиФ 22.09.2004); *Построят ли в Твери многоэтажки впритык к тубдиспансеру* (КП 13.07.2017).

В художественной речи и прессе употребляются метафоры, благодаря которым происходит приращение смыслов наречий-девербативов. Это объясняется тем, что «человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познаёт при помощи метафор тот мир, в котором он живёт» [Чудинов 2003: 5]. Так, в материале «МК» «Дом кувырком» рассказывается о том, как жители Можайского района остались без воды (МК 07.08.2013), а в названии сказки-притчи «*Рыцари всмятку*» А. Фортель метафорически показано, что современные мужчины только с виду сильные, а внутри мягкотелые и ранимые.

Наблюдения показывают, что творческому преобразованию и переосмыслению наречия-девербативы подвергаются чаще всего в заголовках или названиях текстов. Установка на экспрессивность и воздействие в сильных

позициях публицистического или художественного текста обуславливает выбор адресантом нестандартного средства выражения мысли. В связи с этим наречия, предназначенные для выражения конкретных способов совершения действий, в заголовках публицистических статей и названиях художественных произведений начинают употребляться метафорически, расширяя свои сочетаемостные возможности и приобретая дополнительные значения. Чаще всего метафорическому переосмыслению подвергаются наречия, которые употребляются присубстантивно: *День кувыркoм или о новых-старых соседях* (название рассказа И. Ханиной); *Взрыв нараспашку* (МК 10.10.2003); *Москва навывнос: как изменились улицы города в пандемию* (КП 01.11.2021); *Статистика всмятку. Воронежская область на четверть снизила производство яиц после остановки «Бобровского»* (Коммерсант 06.02.2020).

В сильных позициях текста наречия-девербативы употребляются и в качестве самостоятельной синтаксической единицы, свободной синтаксемы, заключающей в себе эксплицитно не выраженную ситуацию [Золотова 1988]: *Нараспашку* (МК-Ростов-на-Дону 30.10.2013); *«Вслух на ощупь»* (Огонёк 28.11.1999); *Молчком* (название стихотворения Б. Булатова). Выбор наречия в качестве заголовка или названия текста привлекает внимание читателя недосказанностью, которая побуждает к прочтению всего материала. С помощью таких заголовков реализуется одна из основных функций художественной речи и СМИ – функция воздействия на читателя.

Интересно, что отглагольные наречия способны подвергаться семантико-грамматическому процессу деадвербиализации, заключающемуся в приобретении наречием признаков предложно-падежных сочетаний [Калякина 2007; Петрова 2009]. Под деадвербиализацией обычно понимается «окказиональное образование существительных путём семантической переоценки морфемного материала наречий, когда деривационные морфемы (приставки и суффиксы) или их эквиваленты (в наречных выражениях) отождествляются говорящими с предлогами и флексиями» [Петрова 2009: 260]. Среди адвербиальных девербативов в этот процесс вовлекаются слова, образованные от глаголов с помощью конфигов *в-...-ø*, *в-...-ку*, *на-...-ø*, *без-...-у*, *без-...-и*, *до-...-у* и др. Деадвербиализация способствует оживлению внутренней формы наречия. В художественной прозе и поэзии этот процесс обусловлен стремлением адресанта создать выразительный, нетривиальный, запоминающийся образ, оживляя внутреннюю форму слова: *Писал Прыжов одержжимо, печатали Прыжова с удержжом* (Ю. В. Давыдов. Соломенная сторожка); *Как хотелось, чтоб тоже с весною Обновиться годам в переکور* (В. Некрасов. Поседела земля...). В процессе деадвербиализации нередко наблюдаются случаи «вклинивания» в адвербиальную структуру интенсификатора: *окропят святой водичкой <...> обильно, на полную отмашь* (А. Петров Сын. Садовник); *<...> налетел красавец Олень, принял женщину на свою могучую спину, в полную скачь унёс от беды* (М. Семенова. Волкодав. Знамение пути).

Подобный процесс – деноминализация – наблюдается в разговорной речи: происходит замена номинализованных конструкций с абстрактным значением конкретными именами, т. е. так называемыми «именами ситуаций» [Капанадзе, Красильникова 1973]. Ср.: *Вы Симу-то не сотрите* (используется имя собственное вместо номинализованной конструкции «запись речи Серафимы»).

Итак, использование отглагольных имён позволяет адресанту экономить речевые усилия и передавать значительный объём информации в сжатом, конденсированном виде. Использование номинализации в публицистической и художественной речи свидетельствует о преобладании у адресанта логического мышления и использовании готовых речевых образцов. Неумеренное или неуместное использование номинализации «затемняет» и размывает смысл высказывания и затрудняет его восприятие адресатом. В этом случае номинализованные конструкции становятся одной из примет канцелярита, «деревянного», «суконного» языка, что делает их объектом критики или пародии. Отглагольные наречия, как показывают наши наблюдения, обладают значительным синтаксическим и семантическим потенциалом, что отчётливо прослеживается в «нестрогих», далёких от речевых шаблонов, сферах коммуникации. Здесь адвербиальные лексемы чаще, чем в других сферах коммуникации, употребляются присубстантивно, управляют зависимыми словоформами, выступают в качестве свободных синтаксем, подвергаются процессу деадвербиализации, а также употребляются метафорически, раскрывая творческий потенциал субъекта речи.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1997. С. 606–869.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Дегальцева А.В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Саратов: СГУ, 2021. 54 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Калякина О.Н. Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 20 с.
7. Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Жест в разговорной речи // Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. С. 468–481.
8. Кормилицина М.А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз.

- сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 38–46.
9. *Кормилицына М.А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.
 10. *Манаенко Г.Н.* Предикация, предикативность и пропозиция: соотношение понятий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 138–143.
 11. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка): Учеб. пособ. для пед. ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1974. 156 с.
 12. *Мурзин Л.Н.* Основы дериватологии. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1982. 170 с.
 13. *Петрова Н.Е.* Межчастеречная ретранспозиция: лингвистическая база и речевые разновидности явления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2009. № 2. С. 259–264.
 14. *Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис* / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
 15. *Серио П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. П. Серио. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337–383.
 16. *Урысон Е.В.* Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.
 17. *Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
 18. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 248 с.
 19. *Daneš F.A.* Three-Level Approach to Syntax // Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1964. T. 1. Pp. 225–240.
 20. *Nosek J.* Notes on Syntactic Condensation in Modern English // Travaux Linguistiques de Prague. 1964. Vol.1. Pp. 281–288.
 21. *Turner M.* Compression and representation // Language and Literature. Vol. 2006. № 15(1). Pp. 17–27.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОСЕССИВНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ ПРОСТРАНСТВА

П.С. Завтрикова

Беларусь, Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

SEMANTIC ORGANISATION OF VERB SENTENCES WITH POSSESSIVE DETERMINATION OF SPACE

P.S. Zavtrikova

Abstract: The semantics of verbal sentences in the structure of which the word *space* in combination with the possessive pronoun is marked is studied. Based on the meaning of verbal predicates, the types of situations with space as an object of belonging are determined. The most frequent syntactic positions of the word *space* with the possessive pronoun attribution are identified, the types of possessors and the nature of possessive relations are determined, and the functions of possessive pronouns are revealed.

Keywords: space; possessive pronoun; verb; sentence; semantics; situation type; possessor type.

Аннотация: Исследуется семантика глагольных предложений, в структуре которых отмечается слово *пространство* в сочетании с притяжательным местоимением. С опорой на значение глаголов-предикатов определяются типы ситуаций с пространством как объектом принадлежности. Выявляются наиболее частотные синтаксические позиции слова *пространство* с местоименной посессивной атрибуцией, определяются типы посессоров и характер посессивных отношений, устанавливаются функции притяжательных местоимений.

Ключевые слова: пространство; притяжательное местоимение; глагол; предложение; семантика; тип ситуации; тип посессора

Категория пространства имеет первостепенное значение в познавательной деятельности человека. Любой субъект имеет свою локализацию и ориентируется в окружающем мире, во многом благодаря пространственно-временным представлениям. Закономерен интерес лингвистов к репрезентации пространства и его характеристик в языке. Ю.М. Лотман пишет о том, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [Лотман 1996: 205]. Г.В. Колшанский утверждает: «Пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта и, естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов» [Колшанский 1990: 90].

Объектом изучения в настоящей работе являются сочетания слова *пространство* с притяжательными местоимениями. Рассматривается общепринятый перечень притяжательных местоимений: *мой, твой, наш, ваш, свой, его, ее, их*. Описание характеристик употребления сочетаний *мое простран-*

ство, *твое пространство* и т. д. поможет проследить некоторые общие механизмы «присвоения» пространства носителями языка и понять, какое именно пространство может быть осмыслено как *мое* или *наше*, *свое* или *их* и насколько такие представления типичны для носителей русского языка.

Цель исследования – с опорой на значение глаголов-предикатов определить типы ситуаций в предложениях с сочетаниями *мое пространство*, *твое пространство* и т. д. Рассматриваются также типы посессоров, представленные в анализируемых сочетаниях.

Взаимосвязь категорий посессивности и пространства активно обсуждается специалистами. Т.В. Шемелева отмечает, что «категория посессивности может быть представлена как пространственная антропоцентрическая структура» [Шемелева 2013: 357]. Автор обращает внимание на проекцию «этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы посессоров» [там же]. Профессор Е.В. Краснощёков определяет истоки формирования категории посессивности на базе пространственных отношений: ««близко» – сфера ‘Я’; в пределах видимости – сфера ‘ТЫ’ и «далеко» – сфера ‘ОН’» [Краснощёков 2019: 6].

В литературе встречаются разные подходы к определению границ категории посессивности. Её можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. Исследователь Д.И. Новик пишет, что «ввиду антропологичности, отношения принадлежности по отношению к посессору-человеку лежат в основе категории [посессивности]» [Новик 2021: 139]. Только человеку что-либо может в прямом смысле слова принадлежать. «Однако, – продолжает Д.И. Новик, – в качестве посессора могут выступать также предмет и абстрактные понятия, что значительно расширяет границы категории» [Там же].

При различном типе посессора – одушевленный, предметный, абстрактный – наблюдаются разные оттенки значения. Н.Н. Болдырев в работе «Когнитивный аспект семантики притяжательных местоимений» приводит несколько примеров для демонстрации многообразия отношений между посессором-человеком и объектом его принадлежности:

- *моя книга* (принадлежащая мне, взятая из библиотеки, написанная, подаренная, купленная для кого-то мной);
- *мой дом* (в котором я живу, который принадлежит мне, который я построил);
- *мой ключ* (которым я открываю дверь, который принадлежит мне, который я сделал);
- *твой врач* (кто тебя лечит, работает в учреждении, которым ты руководишь, тот, к кому ты рекомендовал обратиться, кого ты порекомендовал принять на работу) [Болдырев 2003: 135].

При неодушевленном посессоре объектами, выполняющими роль объектов обладания, могут выступать:

- части посессора (*Мы стояли у вагона. Его стены источали тепло*);

- характеристики и признаки посессора (*Я купил машину, хотя ее цена была явно завышена*);
- действия, совершаемые человеком (*Был отдан приказ. Его исполнение имеет первоочередной приоритет*) и др.

При неодушевленном посессоре также могут встречаться отношения взаимной принадлежности: *его (дома) жители – их (жителей) дом*.

Приведенные выше примеры отношений между посессором и объектом обладания не демонстрируют всего разнообразия возможных отношений, но позволяют убедиться в широте границ категории посессивности.

Источником фактического материала для настоящей работы послужили тексты Национального корпуса русского языка. Из основного корпуса были выбраны 784 контекста, в которых фиксируется сочетание слова *пространство* с притяжательным местоимением. Данные контексты представляют разные типы посессора и различные отношения между посессором и объектом обладания:

1) человек-посессор:

Мне помогло с сыном не лезть сразу в его пространство, позволить ему поприглядываться ко мне (он – сын, у которого есть абстрактные личные границы) (Форум: Нужен совет (2013)) [НКРЯ];

Ведь изначально наше пространство задумывалось как бар, в котором в первую очередь вкусные коктейли (мы – владельцы бара) (Место ли детям в барах? Отвечают рестораторы // Афиша Daily (2018)) [НКРЯ];

2) предмет-посессор:

И всегда в этом древнем зеркале свет то отражался, то ломался, крошился в стеклянки, искорки или вдруг вытягивался живым лучом по всему его пространству (оно – зеркало, поверхность которого осмысляется как пространство) (В. Астафьев. Веселый солдат // «Новый Мир» (1998)) [НКРЯ];

Храм, его внутреннее пространство, толковались символически (он – храм, частью которого мыслится его внутреннее пространство) (С. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)) [НКРЯ];

3) абстрактный посессор:

Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания и обозреть все его пространство (оно – звание, условно обладающее пространственными характеристиками) (М. Сперанский. Введение к уложению государственных законов (1809)) [НКРЯ];

Но чем дальше жизнь его катится, тем больше он восхищается ею, ее обширным пространством, которое меняется, играет, манит и зовет его быть самим собой (она – жизнь, которой приписываются пространственные характеристики) (Э. Матонина. Портрет Александра в Левендянском интерьере (1999)) [НКРЯ].

Проанализированные контексты показывают, что пространство, о котором ведут речь носители языка, может быть как внешним, так и внутренним, как реальным, так и умозрительным.

Для выявления закономерностей осмысления посессивно детерминированного пространства обратимся также к синтаксическим характеристикам. В 113 контекстах из 784 (14%) слово *пространство* занимает позицию грамматического субъекта:

Я зашел в собор, его пустое пространство всосало меня, и я оказался перед рядами кресел – один (В. Березин. Свидетель // «Знамя» (1998)) [НКРЯ];

Изламывается город, его замкнутое пространство переворачивает все с ног на голову; и все вдруг обволакивается речью, «ишелестя суффиксами, прорастая корнями» (Д. Безносов. Поэзия как зрелище // «Волга» (2013)) [НКРЯ].

В 340 контекстах (43%) слово *пространство* занимает позицию грамматического объекта:

Советские пароходы плывут из заполярного Мурманска в Атлантический океан, бороздят его неизмеримые пространства (А. Беляев. Чудесное око (1935)) [НКРЯ];

Всю жизнь обитая в Москве, я, в общем, не задумывался о своем личном пространстве (И. Волгин. По долинам и по взгорьям // «Октябрь» (2009)) [НКРЯ].

В 248 контекстах (32%) – позицию локатива (под локативом мы понимаем такую синтаксическую реализацию слова *пространство*, при которой оно обозначает место бытия или действия):

Но главное очарование моря заключалось в какой-то тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах (В. Катаев. Белест парус одинокий (1936)) [НКРЯ];

Вспомним хотя бы научно-популярные книги о своей стране, где постоянно повторялось, скажем, что наши леса так обширны, что на их пространстве можно уместить 20 Италий и 200 Бельгий (В. Максаковский. Географическая картина мира (2003)) [НКРЯ].

Определить синтаксическую позицию анализируемого слова в предложении помогает ближайший контекст, в частности глаголы и глагольные формы или слова именных частей речи. В 546 контекстах (70%) слово *пространство* находится в непосредственной связи с глаголом-сказуемым или с причастной / деепричастной формой:

Я уверен, что подлинное взросление лишь увеличивает число возможных радостей, открывает все новые их пространства (В. Леви. Искусство быть собой (1973)) [НКРЯ];

На кухне горел свет, наполняя ее розово-грязное пространство тусклым маревом (Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993)) [НКРЯ].

В 227 контекстах (29%) слово *пространство* оказывается синтаксически зависимым от именной формы в глагольном предложении либо употребляется в предложении с нулевой связкой:

Достаточно было прорвать розоватый пластик, прикрывавший головку переключателя, и мы разом нырнули бы в немой вакуум нашего околосолнечного пространства (В. Рыбин. Здравствуй, галактика! // «Техника – молодежи» (1977)) [НКРЯ];

Почему же все-таки **наше** физическое **пространство** **трехмерно**? (В. Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)) [НКРЯ].

Для выявления закономерностей глагольной сочетаемости слова *пространство* в прономинативной посессивной детерминации и для определения типов ситуаций, представленных в предложениях с сочетаниями *мое пространство, твое пространство* и т. д., обратимся к ресурсам экспериментального синтаксического словаря «Русские глагольные предложения» под редакцией Л.Г. Бабенко (далее РГП) [Бабенко 2002]. Словарь представляет «концепцию семантических моделей русских глагольных предложений в лексикографическом исполнении» [Бабенко 2002: 10]. Классы глаголов распределены по семантическим моделям – лексическим, образным и совмещенным, однако в рамках настоящей статьи семантические модели в корпусных контекстах рассматриваются вне деления на образные и необразные.

В словаре около 5000 глаголов распределены по ситуациям, обозначающим:

- 1) действие и деятельность;
- 2) бытие, состояние, качество;
- 3) отношение.

Внутри каждой группы представлена более подробная классификация. Рассмотрим частотные ситуации, внутри которых носители языка осмысляют посессивно детерминированное пространство.

1. Действие и деятельность. Слово *пространство* в прономинативной посессивной детерминации зачастую употребляется в предложениях, отображающих ситуацию поступательного движения субъекта (класс 1.1.1 в РГП) – глаголы *выходить, идти, двигаться, перебежать, перемещаться, шагать* и др.: *Каждое ядро теоретически может перемещаться в нашем трехмерном пространстве в трех взаимно перпендикулярных направлениях* (Я. Смородинский.

Симметрия: и физика и лирика // «Химия и жизнь» (1970)) [НКРЯ];

Величаво неся седую, косматую голову, старик вступил в зал и, не касаясь пола поношенными кожаными сандалиями, пошел через его пространство к камину (Н. Дежнев. Год бродячей собаки (2002)) [НКРЯ].

Здесь анализируемое слово занимает синтаксическую позицию локатива.

Слово *пространство* в прономинативной посессивной детерминации регулярно встречается в предложениях, отображающих ситуацию помещения объекта (класс 1.3.1 в РГП) – глаголы *размещать, располагать* – или ситуацию субъектного помещения (класс 1.3.2 в РГП) – глаголы *вмещаться, вторгаться* и др.:

Монахов располагал этих детей в заплочном своем пространстве, но они были недоушевленными для него (А. Битов. Образ (1960–1980)) [НКРЯ];

Я говорю о том, что остается в скобках человеческого: о страдании, когда в наше пространство вторгается другой (Г. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)) [НКРЯ].

В этих предложениях анализируемое слово также занимает позицию локатива.

Регулярны объектные реализации слова *пространство* в предложениях, описывающих интеллектуальную деятельность субъекта: ситуации восприятия (класс 1.6.1 в РГП) – глаголы *видеть*, *окидывать*, *ощущать*, *чувствовать*; познания (класс 1.6.3 в РГП) – глаголы *забывать*, *знать*, *открывать*, *учить*; сравнения (класс 1.6.5 в РГП) – глаголы *соответствовать*, *сравнивать*:

Географ – человек, который видит свое пространство и задается вопросами: какая она должна быть модель будущего, к чему стремиться? (А. Тишков, О. Балла. Привлечь к себе любовь пространства // «Знание – сила» (2009)) [НКРЯ];

Произведения зрительного характера делают человека зрительным существом, он забывает о себе и о своем пространстве (В. Вакидин. Дневник (1937)) [НКРЯ];

Тундру можно сравнить с жизнью, с безбрежным ее пространством (О. Куваев. Территория (1970–1975)) [НКРЯ].

2. Бытие, состояние, качество. Частотным для слова *пространство* в прономинативной посессивной детерминации становится употребление в предложениях, обозначающих ситуации разных стадий бытия: начальной фазы бытия (класс 2.1.1 в РГП) – глаголы *возникать*, *появляться*; собственно существования (класс 2.1.2 в РГП) – глаголы *быть*, *иметься*, *находиться*, *существовать*; прекращения бытия (класс 2.1.3 в РГП) – глаголы *погибать*, *разрушать* и др.:

Только редкие кочевники появлялись зимой у его свинцовых штормовых пространств (К. Паустовский. Кара-Бугаз (1932)) [НКРЯ];

Помимо нашего пространства существуют еще тонкоматериальные миры, в которых шаман может странствовать (Е. Коваленко. Шаманы спасают планету // «Пятое измерение» (2003)) [НКРЯ];

[Сергей Волков (муж)] *Но это, конечно, разрушит наше образовательное пространство, о единстве которого не устают твердить большевики* (Сегодня все СМИ обсуждают «отмену ЕГЭ по русскому языку в 11 классе» (2015)) [НКРЯ].

Как показывают приведенные выше контексты, в предложениях, обозначающих бытийные ситуации, слово *пространство* в прономинативной посессивной детерминации может занимать позицию субъекта (описывается существование пространства), позицию объекта (описывается создание или разрушение пространства) и позицию локатива (описывается бытие чего-либо в пространстве).

Самая многочисленная группа предложений отображает ситуацию изменения количественного признака (класс 2.2.2.3 в РГП) – глаголы *раздвигать(ся)*, *расширять(ся)*, *сужать(ся)*, *увеличивать(ся)* и др. Здесь слово *пространство* также занимает позиции субъекта, объекта и локатива:

Мое пространство раздвигалось медленно-медленно. С подоконника на кровать-клетку, а потом – через долгое время – на тканую тряпочку-половичок (Г. Щербакова. Моление о Еве (2000)) [НКРЯ];

Огромный, слишком просторный сельский дом на рисунке говорит о потребности **расширить** свое личное жизненное **пространство** (Нарисуйте и прилежно, и с любовью // «Домовой» (2002)) [НКРЯ];

Вещи, недоступные для больной, на глазах уходили в прошлое, а Софья Андреевна **уменьшалась на своем** ограниченном **пространстве** и тоже больше не могла целиком занимать кочковатый диван (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)) [НКРЯ].

3. Отношение. Регулярное употребление анализируемого слова в предложениях, отображающих ситуацию поиска объекта (класс 3.2.1 в РГП) – глаголы *искать, находить, обнаруживать, отыскивать*:

– Захар Иваныч! – сказал я, – торжествуя вместе с вами день вашего ангела, я мысленно переношусь на нашу милую родину и **на обширном ее пространстве отыскиваю** скромный, но дорогой сердцу городок (М. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880–1881)) [НКРЯ];

Ильина была счастлива – ей казалось, что она **нашла** свою нишу, **свое пространство** в этом огромном мегаполисе (Н. Старосельская. Повседневная жизнь «пруссского» Китая (2006)) [НКРЯ].

Слово *пространство* в данных предложениях занимает либо позицию объекта (пространство является объектом поиска), либо позицию локатива (пространство является территорией поиска).

В картотеке фактического материала частотны контексты, содержащие предложения, в которых описывается ситуация обладания (класс 3.2.3 в РГП) – основной глагол – *иметь*. Слово *пространство* здесь занимает позицию не только объекта, но и локатива и даже субъекта:

Надо иметь свое пространство и свое имя (В. Токарева. Мой мастер (1964–1994)) [НКРЯ];

Но на всем ли своем пространстве история имѣет такую предварительную обработку? (М. Стасюлевич. Аббат Сугерій. Историческое изслѣдование Т. Грановскаго // «Москвитянинъ» (1850)) [НКРЯ];

Не исключено, что в рамках новой теории окажется, что **наше пространство имеет** не четыре, а пять измерений (Т. Зимина. Вести из институтов, лабораторий // «Наука и жизнь» (2009)) [НКРЯ].

Объектные реализации представлены также в предложениях, отображающих ситуацию передачи объекта (класс 3.2.7 в РГП) – глаголы *отдавать, предоставлять*:

Она делится с Америкой разведанными, **предоставила** нам **свое** воздушное **пространство** и не исключает участия в возможных поисково-спасательных работах (К. Райс: «Нас сблизила угроза терроризма» // «Известия» (2001)) [НКРЯ];

Сила любви такова, что сознание делится своими координатами с другим сознанием, **отдает свое пространство** другому, поделит свое время с другим (М. Кантор. Одного достаточно (2011)) [НКРЯ].

Среди ситуаций, обозначающих отношение, регулярной становится ситуация разрешения и запрещения (класс 3.4.8 в РГП) – глаголы *впускать*, *пускать* и др.:

Я заведомо выпадал из ценза, по которому в ее пространство допускались ухажеры (А. Иличевский. Ай-Петри (2005)) [НКРЯ];

При отказе платить таджикская сторона оставила за собой право не пускать перевозчиков в свое воздушное пространство (С. Колобков. Минтранс вступился за авиаперевозчиков // РБК daily (2008)) [НКРЯ].

Здесь анализируемое слово занимает позицию локатива.

Пространство является ключевой частью системы координат, с помощью которой человек осмысляет мир. Неудивительно, что в текстах носителей русского языка представления о пространстве оказываются настолько разнообразными. При слове *пространство* в роли посессора могут выступать как люди, так и предметы, и абстрактные сущности. Наиболее частотные типы ситуаций в проанализированных предложениях – ситуация движения субъекта, ситуации восприятия и познания, бытийные ситуации, ситуация изменения количественного признака и ситуация поиска объекта. При этом зависимости между типом посессора и типом ситуации не наблюдается.

Литература / References

1. Болдырев Н.Н. Когнитивный аспект семантики атрибутивных словосочетаний с притяжательными местоимениями // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 132–136.
2. Новик Д.И. К вопросу о категории посессивности и смежных понятиях // Язык – семиотика – культура. Минск: МГЛУ, 2021. С. 134–139.
3. Колишанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 107 с.
4. Краснощёков Е.В. Возникновение и развитие категории посессивности. Чебоксары: Среда, 2019. 84 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
6. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <https://ruscorpora.ru>. Дата обращения 17.01.2025.
7. Шемелева Т.В. Дейктичность категории притяжательности в современном русском языке // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. 2013, Т. 1. Вип. 1–2. С. 356–359.
8. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.

III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ, ДИАЛЕКТНОЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА

С.А. Мызников

*Москва, Институт Славяноведения РАН,
Санкт-Петербург, РГПУ имени А.И. Герцена*

TYPOLOGY OF VERBAL BALTIC-FINNIC BORROWINGS IN RUSSIAN DIALECTS OF THE NORTH-WEST

S.A. Myznikov

Abstract: The paper presents an analysis of the verbal vocabulary of the Baltic-Finnish origin. Verbs that serve as an indicator of the intensity of linguistic interaction are singled out. It is noted that a significant number of Russian dialectal verbs of the Baltic-Finnish origin are units of similar onomatopoeic nature, i.e. onomatopoeic verbs are presented in large quantities with an undoubted non-native source, such a character can manifest itself both on Russian soil and on the soil of the source language. A significant number of onomatopoeic units in the "Etymological Dictionary of the Finnish Language" are noted, having a corresponding classification mark. Verbs recorded in Russian dialects can be differentiated as substrate, adstrate units and penetrations. Semantic differentiation of sound verbs is also given. Verbs with the formants -aidat, -andat are presented in the zones of dominance of the Karelian and Vepsian influence. In the Northern Russian dialects, causative verbs with the morphological marker -ita- are distinguished, and in a number of cases this type of verb is presented in a pair: causative – non-causative.

Keywords: Baltic-Finnish; onomatopoeic; verb; causative; substrate; Northern Russian; dialect.

Аннотация: В работе представлен анализ глагольной лексики прибалтийско-финского происхождения. Выделяются глаголы, которые служат индикатором интенсивности языкового взаимодействия. Отмечается, что значительное число русских диалектных глаголов прибалтийско-финского происхождения являются единицами сходной ономотопэтической природы, т. е. звукоподражательные глаголы представлены в большом количестве при несомненном неисконном источнике, такой характер может проявляться как на русской почве, так и на почве языка источника. Отмечается значительное число звукоподражательных единиц в «Этимологическом словаре финского языка», имеющих соответствующую классификационную помету. Глаголы, зафиксированные в русских говорах, могут дифференцироваться как субстратные, адстратные единицы и проникновения. Дается также семантическая дифференциация глаголов звучания. Глаголы с формантами -айдать, -андать представлены в зонах доминирования карельского и вепсского влияния. В севернорусских говорах выделяются каузативные глаголы с морфологическим маркером **-ита-**, причем, в ряде случаев такого рода глагол представлен в паре: каузативный – некаузативный.

Ключевые слова: прибалтийско-финский; звукоподражательный; глагол; каузативный; субстрат; севернорусский; диалект.

Автор не раз обращался к проблемам анализа глагольной лексики в прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах. Проводился ее анализ по различным аспектам, в настоящее время предпринимается попытка осветить эту лексику как с точки зрения общей типологии соответствий: язык-донор – язык-реципиент, так и с позиций адаптации и освоения таких глаголов в смежных с прибалтийско-финским континуумом русских говорах.

Когда речь идет о частеречной дифференциации лексики неисконного происхождения, то отмечается, что «возможности в отношении заимствования глаголов обычно являются гораздо более ограниченными, чем возможности заимствования имён, связанных с определёнными реальными предметами» [Попов 1955: 8].

Глаголы-индикаторы. Следует отметить, что в ряде случаев фиксация некоторых глаголов прибалтийско-финского происхождения служит своего рода языковым маркером высокой интенсивности этноязыковых контактов. В качестве примера можно привести два глагола, которые имеют устойчивые фиксации смежных русских говорах и высокую частотность в языках-источниках. Один из них – кар. *mal'ttoa*, ‘уметь, мочь, понимать’, при вепс. *mahtta* ‘уметь, знать’, фин. *malttaa* ‘уметь, мочь’ [SKES: 331-332], – имеет соответствующие рефлексy в зонах субстратно-адстратного карельско-вепсского влияния в качестве глагола русск. диал. **мáлтать** ‘уметь что-л. делать, понимать, соображать’, с обширными данными в следующих районах: Лодейноп., Волх., Подпорож., Кондон., Пудож., Медвежьегор., Устюж. [АСЗЛ: 336]. По лексикографическим источникам фиксации этого глагола указывают на исторические карельско-вепсские ареалы: южное Беломорье и восточное Обонежье.

Второй такой глагол-маркер – **кѣхтать** ‘хотеть, желать’, причем его распространение в русских говорах, в связи с прибалтийско-финскими источниками, носит общий характер: гдовские говоры, говоры Новгородской области, говоры Белозерья, Прикубенья, бежецкие говоры. Хотя для каждого из этих ареалов возможен свой автохтонный прибалтийско-финский источник: кар. твер. *kehata* ‘иметь желание что-л. делать; не лениться’ [СКЯП: 93], ливв. *kehata* ‘желать, хотеть что-л. делать, не лениться’ [СКЯМ: 131], фин. *kehdata* ‘хотеть’, кар. *kehtoa*-, вепс. *kehhta*, люд. *kiehtada* ‘хотеть’ [SKES: 175], кар. *kehtauvo* ‘хотеть’ [KKS 2: 113]. В русских говорах глагол **кѣхтать** обычно фиксируется в выражении «не кехтать что-л. делать»: – *Не кехтает работать*. Вытегор. [ПЛГО].

Глаголы в контексте языкового взаимодействия. Значительное число русских диалектных глаголов прибалтийско-финского происхождения являются единицами сходной природы. Такого рода глагольная лексика широко представлена в севернорусских говорах и прибалтийско-финских

языках, причем при несомненном неисконном источнике, оноματοпоэтический характер может проявляться как на русской почве, так и на почве языка источника, ср. **мýрандaть, мýрайдаць** ‘мычать (о корове)’ и вепс. *mõraita* ‘негромко мычать’ [СВЯ: 348], фин. *myrisä, myrätä* ‘гремять, громоыхать, шуметь’ [SKES: 356], ливв. *mürištä* ‘тихонько мычать’ [СКЯМ: 217]. **йгандaть, йгондаць** ‘ржать (о лошади)’, при вепс. *ihotada, ihoitada* ‘ржать (о лошади)’ [СВЯ: 146].

Имеется работа на общерусском материале, в которой описывается примерно 1300 оноματοпоэтических глаголов, хотя большая их часть является диалектными единицами [Timoszuk 1994]. В ряде случаев М. Timoszuk включает в состав дериватов с формантом *-га(ть)* ряд глаголов на *-андaть*, предполагая заимствование в русские говоры основы **мыр-, мер-, мяр-** с присоединением *-га(ть)*, *-ка(ть)* к иноязычным заимствованным основам: **мёрга(ть), мёринда(ть)** [Timoszuk 1994: 85].

В прибалтийско-финских языках звукоподражательные глаголы представлены в весьма большом количестве, причем отмечается вариативность гласных корня, которая ведет к фонетически обусловленным вариантам глагольных корней со сходными значениями [Hakulinen 1979: 328]. Согласно последним исследованиям около 1/5 старых корневых слов стандартного эстонского языка являются единицами оноματοпоэтического и дескриптивного происхождения. Хотя формирование подобных моделей словообразования имеет глубокие корни в эстонском языке, сравнение с родственными языками показывает, что общая корневая лексика возникла только на основе прибалтийско-финского языка-основы, причем отмечается, что в эстонском языке 90% этой лексики не имеет эквивалентов в других финно-угорских языках: пермских, обско-угорских, поволжских [Rätsep 1992: 371], хотя в отношении таких лексем отмечается сходство на уровне эстонского и финского языков [Söderman 1996: 158-159]. Э. Миконе в своей книге «Дескриптивные слова. Определения, форма и значение» [Mikone 2002] решает следующие задачи: выясняет, чем финские и эстонские описательные слова отличаются от остальной лексики соответствующих языков; находит общелингвистические методы для выполнения этой цели; показывает некоторые типичные характеристики дескриптивных слов, таких как звуковая символика, семантическое разнообразие, фонологические особенности и т. д. Э. Миконе делает вывод, что число единиц, относящихся к этой лексике, неуклонно растет. Предлагается, что в дополнение к ранее существовавшему простому выражению звукоподражательных слов были добавлены описательно-экспрессивные слова, а также их комбинации. В большинстве случаев описательные и звукоподражательные слова характеризуются своей собственной звуковой символикой. [Mikone 2002: 15]. Кроме того, среди финских глаголов, связанных со звукообозначением, есть такие, ядерная семантика которых не содержит почти никаких указаний на характер звука, отражая лишь его концеп-

туализацию или оценку. Однако глаголы звучания в лексическом корпусе финского языка образуют большую группу, значительную часть которой составляют оноματοпозитические глаголы, которые представляют собой акустическое явление, фонетически обусловленное [Беликова 2004].

Глаголы прибалтийско-финского происхождения. Опубликованная в 1904 году книга А.П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка» [Погодин 1904] стала важным этапом в деле изучения прибалтийско-финских лексических заимствований в севернорусских говорах. В ней анализируется значительный материал – 281 слово. Автор впервые отдельно разработал заимствованную глагольную лексику, посвятив их анализу отдельные главы: «Глаголы на *-айдать*», «Глаголы на *-андать*», в которой он выделяет две группы заимствованных глаголов: 54 единицы на *-айдать* и 42 – на *-андать*. Я. Калима анализирует около 80 глаголов 3, из которых 45 зафиксированы в словаре Г. Куликовского, 8 – в словаре А. Подвысоцкого, 10 слов фигурируют в обоих словарях, несколько глаголов приведены из других источников. Как показывают эти источники, основной корпус субстратных глаголов зафиксирован в зоне непосредственных этноязыковых контактов.

Когда речь идет о том, как трактовать глаголы, зафиксированные в русских говорах, то возможна следующая дифференциация: субстратные, адстратные единицы и проникновения. Последние обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя диалектные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту-источнику [Мызников 2004: 29]. Глаголы в таких случаях возможно трактовать как проникновения при сходстве формы, тождестве семантики с сопоставляемым этимоном, а также **единичности** фиксации диалектной единицы, например, **мурондать** ‘ломать, разбивать что-л.’ Подпорож. [КСРГК), ср. вепс. *murondan* ‘ломаю’, *mureta* ‘разбивать, ломать’ [СВЯ: 338].

На прибалтийско-финской почве имеются различные трактовки глаголов, в которых основным является какой-либо звуковой компонент [Беликова 2004: 13-14]. Следует отметить, что анализ такого рода единиц в финских исследованиях не получил однозначного решения. Так, например, в финском тезаурусном словнике, отраженном в «Этимологическом словаре финского языка» [SKES], представлено свыше 1400 слов, которые имеют классификационную помету – *дескриптивное*, тогда как в их этимологических версиях лежит оноματοпозитическое прочтение, причем, среди них представлено довольно значительное число глаголов. Приведем ряд примеров.

Hikertää ‘хохотать, прыскать’ – возможно все-таки дескриптивно-оноματοпозитическое слово [SKES: 75].

Jätistä ‘трястись, дрожать’ – дескриптивное слово [SKES: 132].

Jukertaa ‘начерно, грубо долбить, тесать, сверлить’ – дескриптивное слово [SKES: 121].

В ряде случаев такая трактовка может относиться к этимологическому гнезду:

Kärheä ‘хриплый, грубый (голос)’, ‘сварливый, ворчливый’, **käristä** ‘говорить скрипучим голосом’ – ономатопеэтическое дескриптивное слово [SKES: 261].

Среди сотен диалектных глаголов, имеющих соответствия в прибалтийско-финских языках, можно выделить следующие семантические типы как на одной, так и на другой почве.

1) Глаголы, обозначающие звучания объектов неживой природы; 2) Глаголы, отображающие звуки, издаваемые домашними животными; 3) Глаголы, отображающие звуки, издаваемые дикими животными, птицами, насекомыми, земноводными, пресмыкающимися; 4) Глаголы, обозначающие речь человека; 5) Глаголы, обозначающие звуки, издаваемые артефактами.

Приведем некоторые примеры.

Глаголы, связанные с метеорологическими явлениями.

Моросить (о дожде): **Сймандать** Подпорож. Ср. вепс. *simotada* ‘моросить’ [СВЯ: 527]. **Чибандать**: *Дождик чибандае, мелко-мелко иде, задаждивая немножко*. Подпорож. Ср. вепс. *čibaita, čibaidoitta* ‘моросить (о дожде)’ [СВЯ: 57], при ливв. *čibistä* ‘то же’ [СКЯМ: 34]. **Чибурить** Пудож. **Чибарить** Пудож. **Чебурить** Плесец. [СРГК 6: 764]. Ср. ливв. *čibareh* ‘капля’; *vihtui čibarehen* ‘прошел небольшой дождь’; *čibero* ‘маленький, мелкий’ [СКЯМ: 34], кар. твер. *čibaroittua* ‘моросить (о дожде)’ [СКЯП: 27].

Журчать (о воде): **Валáйдать** [СРГК 1: 158]. Ср. люд. *valada* ‘лить жидкость’, вепс. *valada* ‘лить, наливать жидкость’, фин. *valaa* ‘лить (о жидкости, сильно о дожде)’, эст. *valada* ‘наливать (о текущем)’ [SKES 1614: 1615]. **Чíрандаты** Пудож., Подпорож., Медвежьегор., Прионеж. [ПЛГО]. Ср. ливв. *čirahuakseh* ‘зашипеть, расшипеться’ [СКЯМ: 36], вепс. *čiraita, čirata, čireita* ‘шипеть (о жре), ‘говорить без умолку, тараторить’ [СВЯ: 59]. **Чýлайдаты** Сегеж. [ПЛГО]. Ср. ливв. *čolata* ‘лить, переливать’ [СКЯМ: 37], люд. *šolaita* ‘журчать’, ливв. *šolišta, šolissa* ‘журчать (о воде)’, вепс. *šolaita*, водск. *šolisa* ‘журчать’, саам. норв. *šoallât* ‘плескать, расплескивать’ [SKES: 1065].

Глаголы, обозначаемые звуки, издаваемые дикими животными, птицами, насекомыми, земноводными, пресмыкающимися.

Шипеть (о змее): **Шйгайдать** Медвежьегор., Кондоп. **Шйгандать**: *Гад шигандает в кустах*. Подпорож. Вытегор. [ПЛГО]. Ср. ливв. *sihistä, šihissä* ‘шипеть’, кар. южн. *t’š’histä* ‘шипеть’, люд. *t’š’ihistä* ‘шипеть’, эст. диал. *sihida* ‘шипеть’ [SKES: 1012], вепс. *šihaita* ‘шипеть’ [СВЯ: 543], кар. тихв. *šihissä* ‘шипеть’ [KKS 5: 362].

Глаголы, обозначающие речь человека.

Кричать: **Арайдать** Тихв. [СРНГ 1: 266]. **Арандать** Подпорож., Вытегор., Белозер., Кирил., Вожегод., Каргоп. [СРГК 1: 20]. Ср. вепс. *äraitä*, вепс. шим. *areita* ‘ворчать, рычать’ [СВЯ: 658]. **Кйдастать** Вытегор. [ПЛГО]. Ср. вепс. *kidastada* ‘кричать’ [СВЯ: 208].

Болтать, пустословить: **Бүляндать** Вытегор. [ПЛГО]. Ср. вепс. *bul'eita* ‘говорить вздор’ [СВЯ: 50]. **Пáрпатать** Петрозав. [СРНГ 25: 242]. Ср. вепс. *parpatada* ‘болтать что попало’ [СВЯ: 402]. **Рёчётать** Вытегор. Ср. вепс. *röčötada* ‘болтать вздор’ [СВЯ: 491]. **Ря́нжать**: *Мы тут рянжали с ней*. Подпорож. [СРГК 5: 613]. Ср. вепс. *r'än'st'ä* (3-е л. ед. ч. – *r'än'žub*) ‘болтать вздор’ [СВЯ: 490]. **Ря́петать** Лодейноп. [СРГК 5: 613]. Ср. вепс. *räpätada* ‘трещать, болтать без умолку’ [СВЯ: 490].

Говорить хриплым голосом: **Кя́рядать** Заонеж., Петрозав. **Кя́рандать** Лодейноп. [СРНГ 16: 210]. **Кя́рейдать** Медвежьегор. [СРГК 3: 84]. Ср. вепс. *käräidan* ‘злосю’, фин. *käräjää, käristä* ‘говорить хриплым голосом’ [Kalima 1915: 146], вепс. *käreita, käräita, käräta* ‘злиться, сердиться’ [СВЯ: 263]. **Ха́рандать** Вытегор., Каргоп. [КСРГК]. Ср. фин. *häristä* ‘ворчать, рычать’, *härähtää* ‘ворчать, рычать’, эст. *häriseda* ‘рычать (о собаке)’ [SKES: 98].

Наблюдения, сделанные при анализе плана выражения номинационной основы глаголов прибалтийско-финского происхождения, отражают общие, универсальные процессы адаптации, характерные для любой группы лексики, попавшей в принимающий язык. Однако глагольные модели на *-айдать, -андать*, усвоенные и освоённые в ходе вепско-карельского и русского взаимодействия, довольно устойчиво начинают влиять на образование глагольной лексики, где воспроизводится субстратная структура. Имеются случаи образования звукоподражательных глаголов на сугубо диалектной звукоизобразительности.

Кочёндать ‘скрипеть’: *Дверь-то кочендае, теперь скрипят, а досюль кочендали*. Подпорож. [СРГК 3: 4].

Кы́райдать ‘кудахтать, квохтать (о курах)’: – *Когда куры начинают кырайдать и ком-шиться, то быть стуже (примета)*. Онеж., Шенк. (Подвысоцкий, 80). **Кы́райдать** ‘скрипеть’ Арх., 1887 (СРНГ, 16, 202).

Субстратные глагольные модели также реализуются как фонетические варианты общерусских основ.

Ги́гандать ‘тихо смеяться’ Петрозав. Олон. [СРНГ 13: 169]. Ср. русск. **хихикать**.

Ла́байдать ‘лакать (о кошках, собаках)’ Холмог. Ср. **лакáть**.

Ка́бандать ‘моросить, накрапывать (о дожде)’: *Дождь кабандает и сибандает, скажем*. Вытегор. [СГРС 5: 6]. Ср. **капáть**.

Ко́койдать ‘смеяться, хохотать’ Плесецк. [СГРС 5: 223]. Ср. **хохотáть**.

Мя́вандать ‘мяукать’ Вытегор. [СРГК 3 280]. Ср. **мяука́ть, мявга́ть**.

Мя́ндать ‘жадно есть’ Медвежьегор. [КСРГК]. Ср. **мять, умина́ть** со сходным значением.

Кóландать ‘сбивать масло’, **накóландать** ‘сбить масло’ Вытегор. [СРГК 3: 335]. Ср. **колотить** ‘сбивать (масло)’ Зап.-Брян., 1957. Смол. [СРНГ 14: 180].

В ряде материалов представлена прибалтийско-финская субстратная модель, однако, привести конкретные источники не представляется возможным.

Кёрандатель ‘говорить попусту, болтать’ Пудож. [СРГК 2: 340]. Вероятно, слово оноματοпоэтической природы, образованное по устойчивой модели, вряд ли следует сопоставлять с конкретными прибалтийско-финскими данными, хотя довольно близко фонетически вепс. *kerata* ‘созывать, сгонять в одно место’ [СВЯ: 194].

Лáмандать ‘болтать, говорить’ Вытегор. [СРГК 3: 92]. Звукоподражательный глагол, образованный о субстратной вепсской модели.

Марáйдовать ‘дремать’ Медвежьегор. [СРГК 3: 199]. Ср. **сморить**.

В отношении локализации глаголов на *-айдать*, *-андать* Ю.С. Азарх отметила общеупотребительность глаголов на *-айдать* на всей территории русского Севера, а их вариантов на *-андать* – преимущественно в южном Прионежье, Белозерье, а также к востоку от Онежского озера до озера Лача [Азарх 1973: 205]. По нашим данным глаголы на *-айдать* фиксируются преимущественно в зонах доминирования карельского субстрата, глаголы на *-андать* – в районах где превалирует как в синхронии, так и в диахронии вепсское воздействие.

Каузативные глаголы. Кроме того, на диалектном материале удалось зафиксировать другого рода образование субстратных структур, некоторые аспекты которых были рассмотрены нами ранее. В данном случае речь уже пойдет о воздействии грамматической системы прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры – **каузативные глаголы**.

Проблема каузативность ранее анализировалась нами в грамматическом и лексикографическом аспектах [Мызников 2017; Мызников 2022]. Каузативность является лексико-грамматической категорией, отражающей причинно-следственные отношения между субъектом и объектом. Каузативная семантика глагола – это значение побуждения, направленное субъектом действия на объект с тем, чтобы изменить действие субъекта на состояние или качественный глагольный признак объекта.

В русском языке при общей характеристике каузативных глаголов отмечается значение воздействия в их семантике, что в свою очередь, является сильной стороной идентификации [Дадиева 2011: 77].

Традиционно различают лексический и грамматический каузатив. Лексический каузатив – это глаголы, в семантическую структуру которых инкорпорирован компонент направленности действия на кого-, что-л. В семантику лексических каузативов уже включено значение соответствующих стальных глаголов, ср.: поить – пить, сажать – сесть и т. д. Грамматический каузатив – это морфологический и синтаксический каузативы. Морфо-

логический каузатив – это морфологически производные каузативные глаголы, данный тип отсутствует в русском литературном языке. Каузативные глаголы в русском литературном языке морфологически не маркированы, хотя «с разной степенью детальности описаны каузативные глаголы нескольких групп: со значением каузации состояния типа обрадовать, удивить, огорчить, глаголы содействия – противодействия, частично (в основном с лексикологической точки зрения) глаголы речевого побуждения, конструкции с глаголами просьбы, некоторые отдельные глагольные причинные предикаты (так называемые глаголы – причинные связки). Можно выделить также в отдельную группу глаголы со значением каузации изменения положения типа ставить – поставить, класть – положить, вешать – повесить, сажать – посадить. Большую группу образуют глаголы, которые можно назвать глаголами со значением изменения признака типа озеленить, побелить, подсинить, позолотить, посеребрить и др.» [Никонова: 7].

Имеются диссертационные исследования, посвященные анализу каузативных глаголов в современном русском языке [Гордон; Шорохова].

В прибалтийско-финских языках эти глаголы представляют довольно большую лексическую группу. М. Пёрн на материале финского языка показала, что каузативные эмотивные глаголы, можно разделить на две группы: обязательно каузативные глаголы (*compulsorily causative verbs*), например, фин. *kaduttaa* 'раскаиваться' и факультативно каузативные (*optionally causative verbs*), например, фин. *janottaa* 'испытывать жажду' [Pörn 2004]. Л. Хакулинен отмечал как можно образовать дальнейшие производные, соответствующие каузативные глаголы, при помощи или суффикса **-ta-**, **-tä-**, или сложного суффикса **-utta-**, **-yttä-**, или, наконец, обоих этих суффиксов: *helistää* 'звонить', *helisyttää* 'звонить', *jyristää* 'греметь, грохотать', *jyrisyttää* 'грохнуть, гроыхнуть', *kilistää* 'звонить, бренчать', *kilisyttää* 'звякнуть, побренчать', *rämistää* 'дребезжать', *rämisyttää* 'задребезжать, дребезжать' [Хакулинен 2: 19].

В карельском языке, как рефлекс лексикализации, отмечается в словаре 120 каузативных глаголов, хотя все они имеют регулярные морфологические показатели:

čilata 'звенеть, звякать' > каузат. *čilahuttua* 'звякнуть; разбить стекло' [ССКГК: 41]; *eččie*, *eččiä* 'искать, разыскивать' > каузат. *ečittyä*, *ečit't'yä* 'вынуждать, заставляя искать' [ССКГК: 57]; *erota* 'выделяться среди других; отличаться' > каузат. *erottua*, *erottaa*, *erottoa* 'отделять; разводить; разлучать' [ССКГК: 67].

Получили лексикографическую фиксацию также вепские каузативные глаголы: *ahavoitta* 'дуть, веять (о слабом ветре)' > каузат. *ahavoičetada* 'обветривать; вялить' [СВЯ: 21]; *čibuda* 'качаться (на качелях, в колыбели и т.п.)' > каузат. *čibutada* 'качать, укачивать' [СВЯ: 57]. Причем в «Словаре вепского языка» показывается регулярный характер глагольной каузации

при помощи грамматической пометы *caus.*: **alenzoitta**. см. *aleta*; при **aleta** ‘понижать, снижать; понизить в должности’ [СВЯ: 29]; *hurahtada* ‘броситься, кинуться’, при **hurahtoitta**. *caus.* < *hurahtada*: *hurahtoitta veneh vedehe* ‘столкнуть лодку на воду’ [СВЯ: 134].

В севернорусских говорах глагольная каузативность представлена сходным морфологическим маркером **-ита-**, причем, в ряде случаев такого рода глагол представлен в паре: каузативный < некаузативный, при том, что каузативный в большинстве случаев является производным.

К настоящему времени в севернорусских говорах выявлено более ста глаголов, которые проявляют в своей структуре каузативный формант. Первые каузативные глаголы были зафиксированы в «Словаре олонекского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского: **гóститать** ‘гостить’; **кáпитать** ‘лить по каплям, а не струей, капать’; **кíпитать** ‘кипятить’ [Куликовский].

Наиболее значительное число каузативных глаголов зафиксировано на страницах «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», а также, кроме того – картотеке этого словаря [СРГК; КСРГК].

Некоторые глаголы, которые имеют каузативное значение, при наличии каузативного маркера, образуя пару: каузативный глагол – некаузативный глагол, представляют собой единицы, образованные уже на русской почве, хотя могут иметь семантические соответствия в прибалтийско-финских языках. При лексикографическом описании такого рода глаголов следует учитывать в толковательной формуле семантику каузативности. Например, в словаре Г. Куликовского для лексемы **гоститать** дано толкование – гостить. На наш взгляд, в данном случае присутствует семантика каузативности, причем она также сопровождается маркером **-ита-**, **гостить** – **гоститать**, что и отражено в СРГК: **Гóститать** ‘угощать гостей’: *Лешу гоститать дивья, было б молоко, боле ничего не надо*. Подпорож.; *Буде ничего не привезли, то чем надо гоститать*. Подпорож. [СРГК 1: 381]. Имеются случаи, когда отражение каузативности в толковании довольно затруднительно, поскольку направленность действия уже заложена в семантике глагола, который представлен в толковательной формуле: **Тáйтать** ‘топить, растапливать’: *Маргарину не тайтаю, а пестиком давлю*. Прионеж. [СРГК 6: 436].

Закключение. Анализ материала показывает доминирование онomatопетических глаголов и глаголов движения, последние показывают дифференцирующие характеристики ходьбы, бега и т.п.

Значительная часть глаголов структурно представлена единицами на **-айдать**, **-андать**. Однако имеются глаголы без этих формантов: **ря́хкать** ‘хрюкать’, Медвежьегор. [КСРГК], ср. вепс. *r’õhkt’ä* ‘хрюкать’ [СВЯ: 492]. Хотя в ряде случаев, такого рода глаголы в дальнейшем преобразуются по структурно доминирующему типу: **ря́хкать** ‘греметь, о близких раскатах грома’ Медвежьегор., Прионеж., Подпорож., Вытегор., Пудож. [ПЛГО], ср.

вепс. *räčkta* ‘громыхать (о громе)’ [СВЯ: 488], при имеющихся фиксациях глагола **рjáчандать** с семантикой ‘хрустеть, трещать сучьями в лесу’ Подпорож. [СРГК 5: 616].

В ряде случаев глаголам на *-айдать* (с доминирующей локализацией в Заонежье) и на *-андать* (распространенным в южном, юго-западном Прионежье) в новгородских говорах соответствуют глаголы без упомянутых формантов, сохраняющие лишь корневые морфемы, например: **юрáйдать** – **юрáндать** ‘гремять (о громе)’ – **юрнуть, юрить** ‘то же’.

В отношении каузативных глаголов можно указать на следующие особенности. Выделяются единицы, которые представлены парой: каузативный глагол – некаузативный глагол; причем, в ряде случаев каузативный глагол получает дальнейшее словообразовательное и семантическое развитие, в ходе которого возможна утрата каузативности, при сохранении ее формальных показателей отсутствует ее проявление на уровне семантики.

Литература / References

1. Азарх Ю.С. О глаголах типа *улайдать* – *уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.
2. Арзуманова Н.Г. К вопросу об усвоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 84–90.
3. Беликова А.Е. Семантика глаголов звучания в финском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Петрозаводск, 2004. 238 с.
4. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. 175 с.
5. Варбот Ж.Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 66–77.
6. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.
7. Гордон Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1981. 23 с.
8. Дадуева Е.А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ, 2011. № 2. С. 76–81.
9. Доля Т.Г., Суханова В.С. К вопросу о глагольной синонимике в русских народных говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 35–41.
10. Дубровина З.М., Герд А.С. Об одном типе глаголов, заимствованных из вепсского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финноугроведения: Тез. докл. и сообщ. на XV конф. по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974. С. 75–78.
11. Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. 1979. № 4. С. 343–347.
12. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898
13. Кюришнова И.А. Номинации процесса говорения прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии (структурный аспект) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 161–180.

14. Лопорт Е.П. К вопросу о соотношении «своего / чужого» на примере анализа севернорус. *шландаать, шоландаать, заотшаландаать* // *Linguistica juvenis*. 2014. 16. С. 106–114.
15. Мосина Н.М., Еремочкина Л.А. Семантика глаголов говорения в финском языке, характеризующих внешнюю сторону устной и письменной речи и содержание мысли // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Языкознание и литературоведение*. 2021, № 12-1 (63). С. 24–28.
16. Мызников С.А. Глаголы прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах // *Этимологические исследования*. Выпуск шестой. Екатеринбург, 1996. С. 80–87.
17. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 29.
18. Мызников С.А. О некоторых особенностях глагольной лексики прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах // *IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» Труды и материалы*. Издательство Московского университета, 2010. С. 503–504.
19. Мызников С.А. Неисконная глагольная метеорологическая лексика и возможности ее лингвогеографического описания // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед.* СПб.: Нестор-История, 2008. С. 537–549.
20. Мызников С.А. Каузативные глаголы в севернорусских говорах: проблемы лексикографического описания // *Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии» (Минск, 23–24 ноября 2017 г.). Вып. 15. Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа*. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 448–451.
21. Мызников С.А. Глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Северо-Запада // *Севернорусские говоры*. Выпуск 21. СПб., 2022. С. 33–57.
22. Никонова О.С. Трансформации каузативных конструкций в русском языке // *Вестник ЦМО МГУ, № 3. Русистика*. 2009. С. 7–11.
23. Паникаровская Т.Г. Диалектные глаголы речи аркать, арандять, боронить в севернорусских говорах // *Системные отношения в лексике севернорусских говоров*. Вологда, 1972. С. 40–49.
24. Погодин А.Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // *Варшавские университетские известия*. 1904. С. 1–72.
25. Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // *Acta linguistica*. Budapest, 1955. Т. 5. Ф. 1, 2. С. 1–19.
25. Сенкевич-Гудкова В.В. Прибалтийско-финские заимствования синонимы в русских говорах Карелии (на материале говоров Заонежья и Пудожья) // *Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та*. Л., 1965. Т. 257. С. 153–161.
26. Фадеев Г.А. О структурно-семантической интерпретации синонимии (на материале глагольной лексики говоров Заонежья) // *Севернорусские говоры*. Л., 1979. Вып. 3. С. 42–51.
27. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953–1955. Ч. 1, 2.
28. Шорохова И.А. Семантика каузативных глаголов в русском и польском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2007. 23 с.
28. Hakulinen L. Suomen kielen kehitys ja rakenne. Neljas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.

29. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
30. *Pörn M.* Suomen tunnekausatiiviverbit ja niiden lausemaisest täydennykset. Helsinki: SKS, 2004. 166 s.
31. *Pörn M.* Causative spatial expressions in Finnish and Swedish // *SKY Journal of Linguistics*, 2007, 20. Pp. 345–366.
32. *Timoszuk Mikolaj.* Ономатопоэтические глаголы в русском языке // *Rosprawy uniwersitetu Wars-zawskiego*. Warszawa, 1994. 151 с.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- КСРГК* – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в МСК им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
- ПЛГО* – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные С.А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- РДЭС* – Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019
- СВЯ* – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972
- СГРС* – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–7. Ред. А.К. Матвеев, М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-а, 2001–2018.
- СКЯМ* – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СРГК* – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2002.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Т. 1–52. Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- ССГКК* – Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.
- KKS* – Virtaranta P., Koponen R. (toim.) Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI)
- SKES* – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (1955–1981).

Сокращения языков и диалектов

- вепс. – вепсский язык
 водск. – водский язык
 кар. – карельский язык
 кар. твер. – тверской диалект карельского языка
 ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
 люд. – людиковский диалект карельского языка
 русск. – русский язык
 фин. – финский язык
 эст. – эстонский язык

Географические сокращения

Белозер. – Белозерский район Вологодской обл.
Беломор. – Беломорский район Карелии
Вожегод. – Вожегодский район Вологодской обл.
Волх. – Волховский район Ленинградской обл.
Волог. – Вологодская область
Вытегор. – Вытегорский уезд Олонецкой губ.; район Вологодской обл.
Зап.-Брян. – Западная Брянщина
Каргоп. – Каргопольский уезд Олонецкой губ.; район Архангельской обл.
Кем. – Кемский район Карелии
Кирил. – Кириловский район Вологодской обл.
Кондоп. Кондопожский район Карелии.
Лодейноп. – Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.; район Ленинградской обл.
Медвежьегор. – Медвежьегорский район Карелии.
Онеж. – Онежский уезд Архангельской губ.
Петрозав. – Петрозаводский уезд Олонецкой губ.
Плесец. – Плещеевский район Архангельской обл.
Прионеж. – Прионежский район Карелии
Подпорож. – Подпорожский район Ленинградской обл.
Пудож. – Пудожский район Карелии
Смол. – Смоленская обл.
Устюж. Устюженский район Вологодской обл.
Холмог. Холмогорский уезд Архангельской губ.
Шенк. – Шенкурский уезд Архангельской губ.

КАТЕГОРИЯ ВОЗВРАТНОСТИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.Е. Ананьева

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

THE CATEGORY OF REFLEXIVITY IN RUSSIAN AND POLISH

N.E. Ananyeva

Abstract: The article analyses similarities and differences in the expression of the category of reflexivity in Russian and Polish languages. While the lexico-grammatical groups of reflexive verbs in both compared languages coincide in general features, these groups may differ in the specific representation of their components (for example *возвращаться* – *wracać*, *kochać się* – *любить друг друга* and many others). These differences are a source of errors (negative transfer) among Russian-speaking students learning Polish. The peculiarities of the Polish language in comparison with Russian are also: the preservation of the reflexive particle in verbal nouns (*Substantiva Verbalia*); the creation of specific syntactic constructions with the help of the reflexive particle (*Tu się nie pali*, *Tu się mieszkało*); the possible elimination of this particle, conditioned by its mobility, in the case of using several reflexive verbs in one sentence (*Z rana on czesze się i goli się* > *Z rana on czesze się i goli*).

Keywords: reflexivity; reflexive verb; Russian; Polish; transitive verb; intransitive verb.

Аннотация: В статье рассматриваются сходства и различия в выражении категории возвратности в русском и польском языках. При совпадении в общих чертах лексико-грамматических разрядов возвратных глаголов в русском и польском языках, эти разряды различаются рядом составляющих их компонентов (*возвращаться* – *wracać*, *kochać się* – *любить друг друга* и мн. др.). Эти различия – источник ошибок (отрицательный трансфер) у русскоязычных студентов, обучающихся польскому языку. Особенности польского языка являются также: сохранение возвратной частицы *się* в отглагольных существительных (*Substantiva Verbalia*); создание с помощью частицы *się* синтаксических конструкций типа *Tu się nie pali*, *Tu się mieszkało*; обусловленная подвижностью *się* возможность ее элиминации в случае употребления в одном предложении нескольких возвратных глаголов (*Z rana on czesze się i goli się* > *Z rana on czesze się i goli*).

Ключевые слова: возвратность; возвратный глагол; русский язык; польский язык; переходный глагол; непереходный глагол.

Проведенный в статье сопоставительный анализ глагольной категории возвратности в польском и русском языках имеет практическую направленность: учет различий в репрезентации этой категории в указанных языках при преподавании польского языка русскоязычным учащимся.

I. Категория возвратности, в общем плане выражающая направленность действия на производителя действия (что и отражено в термине «возвратность»), представлена в обоих сопоставляемых языках (русском и польском) возвратными глаголами, т. е. глаголами, имеющими в своем составе континуант формы винительного падежа возвратного местоимения, которая в русском

языке преобразовалась в постфикс *-ся /-сь*, а в польском – в сохранившую формальную самостоятельность и определенную подвижность возвратную частицу *się*. Формальным показателем возвратного глагола является его непереходность. Возвратные глаголы, образованные от переходных, на протяжении длительного периода в русистике рассматривались в качестве относящихся к средне-возвратному (или возвратному) залогу (традиция, идущая от А.А. Шахматова и более ранних исследователей и отразившаяся в Гр52, в которой различаются действительный, страдательный и возвратно-средний / средне-возвратный залог [Гр52: 34]). В Гр52 выделяется 8 значений (разрядов) для производных от переходных возвратных глаголов [Гр52: 418–422]:

- 1) собственно-возвратное (*обуваться, умываться*);
- 2) взаимно-возвратное (*обниматься, целоваться*);
- 3) общевозвратное, которое выделяется в двух подгруппах возвратных глаголов (А. «глаголы, обозначающие внешние, физические изменения производителя действия, изменения в его состоянии, положении, движении»: *кататься, возвращаться*; Б. «глаголы, обозначающие внутренние, душевные состояния и переживания»: *печалиться, радоваться*) [Гр52: 420];
- 4) косвенно-возвратное (*запасаться (дровами), собираться (в дорогу), строиться*);
- 5) активно-безобъектное (*корова бодается, собака кусается, крапива жжется*);
- 6) пассивно-качественное (*провода гнется, нитки рвутся*);
- 7) возвратно-пассивное (*Петру вспомнилась их встреча, Ему представило, что...*);
- 8) возвратно-страдательное (*вовлекаться во что-нибудь, записаться*).

Отмечается близость возвратных глаголов с пассивно-качественным и возвратно-пассивным значениями к глаголам страдательного залога, в который, однако, они не переходят. Возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, а также не имеющие невозвратных глагольных соответствий типа *надеяться, улыбаться* находятся вне средне-возвратного залога и постфикс *-ся/-сь* выполняет в них словообразовательную функцию.

В настоящее время концепция тернарного залога (действительный, страдательный и возвратный) уступила место бинарной, что отражено, в частности, в Гр80. Здесь глаголы прежнего возвратного залога распределяются между действительным и страдательным залогами. При этом залоговые значения выделяются как значения лексико-грамматических разрядов (или словообразовательных классов). Перечисляя эти разряды для возвратных глаголов действительного залога по Гр80, приводим наряду с русскими возвратными глаголами примеры глаголов из польского языка. Естественно, что седьмая и восьмая группы возвратных глаголов по Гр52 не входят в перечень лексико-грамматических разрядов возвратных глаголов действительно залога в Гр80, поскольку эти группы относятся к страдательному залогу.

Возвратные глаголы действительного залога, образованные от переходных глаголов:

1) собственно-возвратное значение (рус. *мыться, одеваться* – пол. *myć się, ubierać się*);

2) взаимно-возвратные глаголы (рус. *целоваться* – пол. *kochać się, lubić się, bóść się*);

3) косвенно-возвратное значение (рус. *прибираться, укладываться, строиться* – пол. *budować się*);

4) активно-безобъектные глаголы (рус. *корова бодается, крапива жжется* – пол. *kot się drapie*);

5) характеризующе-качественное значение, соответствующее пассивно-качественному значению в Гр52 (рус. *нитки рвутся, фарфор бьется* – пол. *nici się rwą, drut wygina się*);

6) общевозвратные глаголы (рус. *беспокоиться, веселиться, удивляться* – пол. *niepokoić się, dziwić się*);

7) отсутствующее в Гр52 побочно-возвратное значение (рус. *держаться за перила, взяться за ручку двери* – пол. *trzymać się uchwytu*).

Разные значения возвратности подчеркиваются и интерпретируются местоимениями *сам, себя, друг друга* – *sam, siebie*, наречием *nawzajem*. Для возвратных глаголов, мотивированных непереходными глаголами, такая четкая классификация разрядов в Гр80 отсутствует. Особую группу в обоих языках составляют возвратные глаголы, не имеющие производящего невозвратного (рус. *надеяться, улыбаться* – пол. *uśmiechać się, starzeć się, chlubić się, szczycić się*), которые с синхронной точки зрения можно считать мутациями, соотносящимися с именами (рус. *надежда, улыбка* – пол. *uśmiech, stary, chłuba, szczyt*), а также безличные глаголы и компоненты безличных конструкций (рус. *смеркается, не спится мне, мне не хочется, кажется* – пол. *chce mi się, wydaje mi się, zdaje mi się*). Подобная безличная конструкция с глаголом *widzieć* (*widzi mi się* ‘мне видится’) преобразовалась в несклоняемое существительное *widzimisię* ‘прихоть’, а после безличных глаголов *wydawać się* и *zdawać się* ‘казаться’ употребляются инфинитивные конструкции, что является результатом воздействия латыни и невозможно в современном русском языке (*wydaje się być najlepszym* ‘кажется, он самый хороший’, *zdaje się być daleko* ‘кажется, он далеко’, *wydaje się mieć problemy* ‘кажется, у него проблемы’).

Многообразие значений возвратного компонента *-ся / -сь* исследовала Н.Я. Янко-Триницкая, выделяя грамматические, словообразовательные, лексические функции этого постфикса [Янко-Триницкая 1962]. Значения возвратного глагола, как и залог, к которому тот относится, выявляются в контексте. Нередко исследователи по-разному квалифицируют и значение одного и того же глагола, и его залоговость. Так, относящийся к действительному залогу в Гр80 характеризующе-качественный разряд возвратных

глаголов, или пассивно-качественный в Гр52 (*машина хорошо заводится, проволока гнется*) В.Г. Гаврилова относит к медиальным конструкциям страдательного залога [Гаврилова 2015: 42–56].

В данной статье не рассматриваются такие вопросы, связанные с глагольной категорией возвратности, как анализ разных значений одного и того же по форме возвратного глагола, выражаемость возвратности в каждом из составляющих видовую пару глаголов или только в одном из них (ср. польск. *stać się kimś* – *stawać się kimś* и рус. *стать кем-то* – *становиться кем-то*), участие в образовании рефлексива префикса (например, рус. *расходиться* – пол. *rozchodzić się*), разные лексические значения возвратного и соотносящегося с ним по форме невозвратного (типа *dostać* ‘получать, доставать’ и *dostać się* ‘пробраться, оказаться, попасть’).

При совпадении в общих чертах лексико-грамматических разрядов возвратных глаголов в польском и русском языках указанные разряды различаются рядом составляющих их компонентов. Эти несоответствия между русским и польским языками – источник ошибок интерференционного характера в польском у носителей русского языка, обучающихся польскому языку.

Примеры несоответствий в репрезентации возвратности в русском и польском языках:

1) Русский возвратный глагол – польский невозвратный: общевозвратный *возвращаться / возвратиться* – *wracać / wrócić* (ошибки студентов-полонистов 1-го г. обучения: **wracał się, *wrócić się, Kiedy *wracałam się do domu, tama lulala małą siostrę*); *учиться* (приобретать знания) – *studiować* (ошибки: *Kopernik *studiował się w Krakowie*); *присоединиться / присоединяться* – *dołączyć / dołączać* (*dołączyć się* отмечается в словарях как эквивалент невозвратного, но почти не употребляется); *взаимно-возвратный бороться* – *walczyć* (ошибки: **walczyli się, *walczył się*); *активно-безобъектные корова бодается, крапива жжется, собака (не)кусается* – *krowa bodzi, pokrzywa kąsa, pies (nie) gryzie* (ошибка: *krowa *bodzi się*; при этом возвратный *bóść się* возможен во взаимно-возвратном значении: *barany się bodzą*).

2) Польский возвратный глагол – русский невозвратный: *dowiedzieć się* – *узнать* (ошибки: **dowiedział o tym, *dowiedziała o tym*); *stać się kimś* – *стать кем-то* (ошибки: **stał jednym z nich, *stała jedną z nich*); *starzeć się* – *старесть* (ошибки: *on *starzeje, oni *zestarzeli*).

3) Польский возвратный глагол – русский невозвратный с возвратным или взаимным местоимением: взаимно-возвратные *kochać się, lubić się* – *любить друг друга, чувствовать себя*.

4) Русский возвратный глагол – в польском словосочетание «глагол + существительное»: *надеяться* – *mieć nadzieję*.

II. Особенностью польского языка является сохранение возвратной частицы в глагольных субстантивных формах (Substantiva Verbalia), входящих наряду с причастиями и деепричастиями в парадигму возвратного глагола.

Примеры: *kłoszenie się* – член глагольной парадигмы возвратного глагола *kłosić się* ‘колоситься’ (мутационной формации от существительного *kłos*, ср. *Żyto się kłosi* ‘Рожь колосится’); *mycie się* – компонент глагольной парадигмы собственно-возвратного глагола *myć się* (*mycie się trwało godzinę*).

III. В польском языке частица *się* может выполнять синтаксическую функцию, образуя с глаголом в третьем лице единственного числа настоящего времени или среднего рода в прошедшем времени особые структуры, которым соответствуют русские неопределенно-личные конструкции (в польской лингвистике эти структуры называются *bezpodmiotowe* ‘бессубъектные, безличные’). Примеры: *Tu się nie pali* ‘Здесь не курят’, *Po trawnikach się nie chodzi* ‘По газонам не ходят’, *Kiedyś tu się bawiło* ‘Когда-то здесь развлекались’, *Tu się mieszkało* ‘Здесь жили’. В конструкциях с претеритальными формами среднего рода польские лингвисты усматривают соучастие говорящего в описываемой ситуации прошлого в отличие от форм на *-no, -to* (*pisano* ‘писали’, *chodzono* ‘ходили’, *przyjęto* ‘приняли’), которые были известны уже в XVI в. (ср. в лютеранской «Брестской библии» 1563 г.: *A naliczono ich z pokolenia Efraim czterdzieści tysięcy i pięćset* ‘А насчитали их от колена Эфраима сорок тысяч пятьсот’; *A tak je goniono drogą ku Jordanu* ‘И так гнали их (по дороге) к Иордану’), а, возможно, и в более раннее время.

При наличии объекта действия в этих польских конструкциях с *się* его название употребляется в форме винительного падежа, что при совпадении форм винительного и именительного существительных неодушевленных (в единственном числе) и неличных (во множественном числе) мужского рода, а также существительных среднего рода и женского рода на согласный становится очевидным только для существительных женского рода на *-a* (в единственном числе) и лично-указательного местоимения. Ср.: *Okna się myje* ‘Окна моют’; *Gmach się buduje* ‘Здание строят’; *Te piosenki się śpiewa* ‘Эти песни поют’; *Te domy się buduje* ‘Эти дома строят’, книжная серия *To się czyta* ‘Это читают’, но *Książkę się czyta* ‘Книгу читают’; *Dobrze się ją czyta* ‘Она хорошо читается’; *Tym proszkiem dobrze się je (okna) myje* ‘Этот порошок хорошо моет окна’; *Tę piosenkę się śpiewa* ‘Эту песню поют’. В разговорной речи встречается и именительный падеж: *Ta książka świetnie się czyta* ‘Эта книга хорошо читается’; *Ona dobrze się czyta* ‘Она хорошо читается’.

IV. Подвижность частицы *się* в предложении позволяет ее элиминацию в случае употребления нескольких возвратных глаголов (обычно двух) по отношению к одному и тому же субъекту или объекту, а также при повторении одного и того же возвратного глагола. Примеры: *Bić się czy nie bić* – заголовок видеоролика, пародирующий гамлетовское «быть или не быть»; *Brat czesze się i goli / Brat się czesze i goli* (*czesać się* ‘причесываться’, *golić się* ‘бриться’); из польской Википедии о Марии Склодовской-Кюри: *Młodzi zakochali się w sobie i dość szybko zaręczyli* (*zakochać się* (w sobie) ‘полюбить друг друга’, *zaręczyć się* ‘обручиться’), *Maria jeszcze przez rok się wahała*,

dokształcała (*wahać się* ‘колебаться’, *dokształcać się* ‘повышать профессиональную квалификацию’). Белорусско-польский лингвист А. Киклевич подобные случаи опущения возвратной частицы (*Chce mi się śmiać* < *Chce mi się śmiać się* ‘Мне хочется смеяться’, *Postaram się odwdziżyć* < *Postaram się odwdziżyć się* ‘Постараюсь отблагодарить’) относит к результатам реализации принципа языковой экономии [Kikiewicz 2012].

Выводы. Рассмотренные в статье различия между русским и польским языками в выражении глагольной категории возвратности касаются:

1) конкретных репрезентантов того или иного лексико-грамматического разряда возвратных глаголов (эти разряды в основном совпадают), что является источником ошибок (отрицательный трансфер) у изучающих польский язык учащихся;

2) в польском языке после подвижности *się* и обусловленной этим возможностью элиминации частицы при повторении возвратных глаголов в одном предложении;

3) наличия в польском языке субстантивных глагольных форм, сохраняющих ряд глагольных категорий, в том числе возвратности;

4) использования в польском языке возвратной частицы *się* для создания специфических синтаксических конструкций типа *Tu się nie pali*, *Tam się mieszkało*.

Литература / References

1. Гаврилова В.Г. Залоговая характеристика возвратных глаголов с характеризующеем качественным значением // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2015. № 5. С. 42–58.
2. Гр52 – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. 722 с.
3. Гр80 – Русская грамматика: [в 2 т.] / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
4. Янко-Триницкая Н.Я. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. 247 с.
5. Kikiewicz A. Sługa dwóch panów. Wyrazek „się” w aspekcie funkcjonalnym // Prace Językoznawcze. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski. Z. 14 (2012). S. 135–146.

РАЗВИТИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ИМПЕРАТИВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.А. Мишина

Москва, ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН

DEVELOPMENT OF PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE NEGATIVE IMPERATIVE IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE

E.A. Mishina

Annotation: The article is devoted to the study of the development of pragmatic functions of the negated imperative in the history of Russian language. The history of the use of the negated imperative is in line with the general tendency of the development of the aspectual opposition Pfv vs Ipfv in the direction from more objective functions to more subjective (pragmatic) ones. In the modern Russian language, a pragmatic functional opposition of preventive (Pfv) vs prohibitive (Ipfv) is a clear general pattern. However, in Old Russian this opposition was not yet fully formed and the choice of the form was much more influenced by the aspectual semantics, which was overlaid with additional pragmatic functions. The shift of the semantics of the negated perfective imperative towards the preventive was gradual.

Keywords: pragmatics; negation; imperative; preventive; prohibitive; verbal aspect; history of Russian language

Аннотация: Статья посвящена исследованию развития прагматических функций у форм отрицательного императива на протяжении исторического периода. История употребления форм отрицательного императива лежит в русле общей тенденции развития аспектуальной оппозиции СВ vs НСВ по направлению от более объективных функций к более субъективным (прагматическим). В современном русском языке сложилась довольно последовательная функционально-прагматическая оппозиция превентив (СВ) vs прохибитив (НСВ). Однако в древнерусском языке на выбор вида отрицательного императива в гораздо большей степени влияла аспектуальная семантика, на которую накладывались дополнительные прагматические функции. Смещение семантики отрицательного императива СВ в сторону превентива в истории языка было постепенным.

Ключевые слова: прагматика; отрицание; императив; превентив; прохибитив; глагольный вид; история русского языка

Историческое развитие глагольной оппозиции совершенный вид (СВ) : несовершенный вид (НСВ) в целом развивалось в направлении от более объективных функций (например, акциональные свойства или кратность) к более субъективным (прагматическим) [Wiemer 2015]. Такое развитие может быть продемонстрировано на примере диахронических изменений в употреблении форм императива под отрицанием (отрицательный императив)¹.

¹ Исследование проводилось на материале исторических корпусов НКРЯ (древнерусский, подкорпус берестяных грамот, старорусский, основной). Все примеры цитируются по корпусу.

В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов НСВ. При этом употребление форм императива от глаголов разного вида подчиняется сложившейся функционально-прагматической дистрибуции: императив НСВ имеет прохибитивное значение (выражается запрет: *Не открывай окно!*), императив СВ – превентивное значение (выражается предостережение: *Не поскользнься!*)². Как правило, значение прохибитива и превентива связывают с контролируемостью (прохибитив) и неконтролируемостью³ (превентив) действия, несовершенство которого пытаются каузировать говорящий [Булыгина 1982: 75; Храковский, Володин 1986; Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61–62; Zorikhina Nilsson 2013; Добрушина 2016] и др. Говорящий выбирает форму императива НСВ тогда, когда стремится пресечь или не начинать какое-то действие (совершение/несовершение контролируется адресатом), и форму императива СВ, когда призывает адресат вести себя так, чтобы его действия (которые он в состоянии контролировать) не привели к наступлению некоторого нежелательного события. В зависимости от того, кто является бенефициантом наступления нежелательного события – говорящий или адресат – могут выражаться дополнительные прагматические значения. Если ненаступление нежелательного события в интересах говорящего, высказывание может выражать приказ, угрозу или просьбу/мольбу, в зависимости от ситуации и статуса участников коммуникационного акта. Если в интересах адресата – совет, наказ или предупреждение.

В древнерусском языке так же, как и в современном, отрицательный императив чаще образуется от глаголов НСВ, чем от СВ (примерное соотношение 3 к 2). Однако в древнерусском, в отличие от современного русского, еще не сформировалась последовательная функционально-прагматическая оппозиция превентив (СВ) vs прохибитив (НСВ) [Мишина 2020а; 2020б: 121–124]. Императив СВ еще не был вытеснен из сферы прохибитива, а семантическая разница между контекстами с формами императива от глаголов разного вида была в большей степени обусловлена различиями в аспектуальной семантике: референция к моменту речи (1) или обобщенной ситуации (2),

² В [Вимер 2015: 599] отмечается, что определенные грамматические формы СВ под отрицанием являются предпочтительными, а иногда единственно допустимыми способами выражения превентивного значения во всех славянских языках.

³ Следует отметить, что речь идет об относительной неконтролируемости: формы императива СВ под отрицанием совмещают семантику неконтролируемости выражаемого действия (лексическая семантика) с внешним контролем говорящего над ситуацией в целом (семантика императива). Говорящий не считает, что у адресата нет никакого контроля над ситуацией. Наоборот, по мнению говорящего, адресат в состоянии повлиять на ситуацию и не допустить нежелательного действия, совершив (или не совершив) ряд контролируемых действий [Бирюлин, Храковский 1992: 38] и др.

(3) – императив НСВ vs референция к конкретной единичной ситуации в будущем (4) – императив СВ⁴:

- (1) всѣволодъ же исповѣда всѣ бывшаѣ. и ре(ч)и кѣмѣ изяславѣ братѣ не тужи (Повесть временных лет) – «Всеголод же рассказал ему о всем случившемся. И сказал ему Изяслав: Брат, не печалься!»;
- (2) снѣ, на вѣдѣ сѣдѣ, д<рѣ>гѣ своемѣ не помышляи зла (Повесть об Акире) – «Сын, сидя на обеде, другу своему не желай зла»;
- (3) тѣло на томѣ не клади <...> мала дѣла блюдо [др. сп.: блюда] (Вопрошание Кириково) – «(Служба литургию) тело (Агнца) на этом (блюде) не клади <...>, потому что блюдо маленькое»;
- ср. с императивом СВ:

- (4) и вѣнесоша тѣло александѣрово въ градѣ. рече же начальникъ <...> того зѣдѣ не положите, но въ градѣ, иже естъ въ ракодидѣ създадѣ (Александрия) – «И внесли тело Александра в город. Сказал же начальник <...>: “Этого (человека) здесь не кладите (букв. не положите), но в городе, который он создал в Ракодиде”».

В тех случаях, когда отрицательный императив СВ образован от глагола с неконтролируемой лексической семантикой (5) или речь идет о ситуации, в которой нежелательное действие может быть осуществлено случайно (6), можно говорить о выражении превентивного значения. Однако важно, что в отличие от современного русского языка в древнерусских текстах встречаются примеры, когда отрицательный императив СВ, образованный от глагола с контролируемой семантикой, выражает прохибитивное значение (4). Кроме того, в древнерусских текстах не всегда возможно строго отделить прохибитивную семантику от превентивной. Границы между превентивами и прохибитивами были более размытыми: в ряде случаев можно говорить о синкретичном сочетании этих значений в одной форме (6), см. об этом подробнее в [Мишина 2020а: 161–164].

- (5) не забудѣ льва о позѣвѣ до ржи (Новгородская берестяная грамота № 122, 15 в.) – «Не забудь Льва в связи с вызовом [на суд]»;
- (6) он же рече имѣ не повѣдите никомуже. шедше оубиите брата моего бориса (Повесть временных лет) – «Он же сказал им: “Не рассказывайте (запрет) / смотрите, не расскажите (букв. не расскажите: предупреждение) никому. Пойдите убейте брата моего Бориса”».

В качестве особого типа в древнерусских памятниках можно выделить употребления отрицательного императива СВ в библейских цитатах, восходящих к славянским переводам Библии. Речь идет о выражениях типа *не убий*, *не укради* и подобных им назиданиях, в которых (в отличие от приве-

⁴ Схожая картина в отношении употребления отрицательного императива СВ и НСВ наблюдается и в старославянских текстах [MacRobert 2013: 283–285].

денных выше примеров (4–6)) отрицательный императив выражает запрет действия, нелокализованного во времени⁵:

(7а) пишеть бо сѧ не прелюбы дѣи. ни оуби (Пчела) – *«Ибо написано: Не прелюбодействуй, не убей»;*

ср. с императивом НСВ:

(7б) ни права ни крива не оубиваете (Поучение Владимира Мономаха) – *«Ни правого, ни лживого не убивайте».*

(8а) не лиши хлѣба ница мудра, ни вознеси до облакъ богата несмыслена – *«Не лиши хлеба нищего, не вознеси до облаков богатого»* (Моление Даниила Заточника);

Ср. с императивом НСВ:

(8б) священници держите честно, якоже и азъ, оброка их не лишайте (Рассказ о смерти Пафнутия Боровского) – *«Священниками управляйте достойно, как и я, не лишайте их оброка».*

В современном русском языке формы отрицательного императива с прохибитивной семантикой от глаголов СВ сохранились в качестве архаизмов с ограниченным числом лексем (*Не осуди! Не откажи! Не оставь / Не покинь меня!* и некоторые др.), в том числе в различных фразеологизированных оборотах (*Не дай Бог! Не приведи Господь! Не скажи!* и др.) или пословицах, зафиксировавших более древнее состояние языка (*Не купи дом – купи соседа*). При этом возможна референция как к единичной (*Не тронь / не трожь! – сейчас*), так и к нелокализованной во времени ситуации (*Не укради! – всегда*). Многие из подобных форм проникли в современный русский язык из церковнославянского (*Не убий! Не укради!* и др.), но не только.

Следует отметить, что в современном русском языке подобные выражения с отрицательным императивом СВ практически всегда эмоционально окрашены и/или подчеркнуто категоричны по сравнению с типичными формами НСВ (*Не убивай!, Не кради! Не осуждай! Не оставляй! Не трогай!* и др.).

Большая категоричность отрицательного императива СВ по сравнению с императивом НСВ возникает за счет соединения аспектуальной семантики с семантикой императива и отрицания: внимание фокусируется на конечном результате – ненаступлении ожидаемого нежелательного события [Мишина 2020а: 169]. Эмфатическая нагруженность отрицательного императива СВ успешно используется в современном языке в прагматических целях для выражения угрозы или категорического запрета (*не тронь*), несогласия (*не скажи*), настоятельной просьбы (*не откажите*), эмоциональной реакции (*не дай Бог*) и др.⁶

Что касается древнерусского периода, то сделать однозначный вывод о том, выступали ли формы отрицательного императива СВ в каких-либо кон-

⁵ О таких употреблении в старославянском см. [MacRobert 2013: 286]. В качестве устойчивых выражений они сохранились и в ряде современных славянских языков (болгарский, сербо-хорватский, чешский, русский), см. [Zorikhina Nilsson 2013: 91].

⁶ Различные прагматические функции выражаются отрицательным императивом СВ и в других славянских языках, см. [Wiemer 2022].

текстах в качестве более категоричных и эмфатически нагруженных по сравнению с формами императива НСВ, не представляется возможным. Можно только осторожно предполагать. Более свободное, чем в современном русском языке, употребление форм отрицательного императива СВ в назидательных запретительных контекстах (с референцией к нелокализованной во времени ситуации), в том числе более свободную вариативность форм СВ и НСВ, можно встретить еще в текстах 19 века, см. примеры из произведений Игнатия Брянчанинова:

(9) *Не оставь* воли Божией для исполнения воли человеков.

Не обвини и *не укори* кого-либо необдуманно и поспешно.

Не потерпи, чтоб он продолжал речь свою.

Авва Агафон, когда видел какое-либо дело, и помысл побуждал его к осуждению, – говорил сам себе: Агафон! ты *не сделай* этого!

Не скажи: я сделал то и то, я преступил ту и ту заповедь.

Не откажись изложить подробно оба способа к приобретению смирения.

(10а) *Не дерзни* учить его! *Не дерзни* осуждать и укорять его!

Ср. с НСВ:

(10б) *Ощутишь ли в сердце какое благое влечение? Остановись; не дерзай* увлечься им;

(11а) *Не осуди* падшего в любодеяние, если ты чист.

Ср. с НСВ:

(11б) Молчи языком и устами, *не осуждай* никого в сердце твоём.

Контексты молитвы, просьбы и мольбы. С точки зрения выражаемых дискурсивно-прагматических функций интересно употребление отрицательного императива от глаголов разных видов в контекстах просьбы, молитвы и мольбы.

В древнерусский период в подобных контекстах глаголы СВ встречаются чаще, чем НСВ. В проанализированной выборке из Древнерусского подкорпуса НКРЯ они составляют больше половины от всех примеров с формами отрицательного императива СВ. В целом функционирование форм императива от глаголов разного вида в контекстах просьбы/мольбы хорошо вписывается в аспектуальную семантику, поскольку просьба, как правило, касается несовершенного единичного действия в ближайшем будущем, что хорошо коррелирует с семантикой СВ. Однако на аспектуальную семантику довольно рано начали накладываться дополнительные прагматические функции.

В [MacRobert 2013: 287–288] отмечается, что в старославянских текстах имеет место функционально-прагматическая дистрибуция. Подавляющее большинство отрицательных императивов, обращенных к Богу, образованы от глаголов СВ, в то время как отрицательные императивы, обращенные к людям, преимущественно (но не всегда) образованы от глаголов НСВ. Древнерусские тексты демонстрируют схожую тенденцию. В молитвах, обращенных к Богу, формы императива под отрицанием в подавляющем большинстве случаев образованы от глаголов СВ, а отрицательные императивы НСВ крайне редки (зафиксированы единичные случаи), см. более подробно в [Мишина 2020а: 166–170].

Очевидно, что в данном случае, как и в случае с формами типа *не убий, не укради*, на древнерусский узус влияли церковнославянские тексты, прежде всего библейские и богослужебные. В менее книжные тексты (например, летописи) молитвы попадали в составе цитат (дословных или менее точных), ср.:

- (12) *но вл(д)ко. г(с)и бѣ мон не ѿрини мене до конца. но яко вола твоя г(с)и тако и мл(с)ть* (Киевская летопись, ср. Пс. 118:8) – «*Но владыко, Господи Боже мои, не отринь меня совершенно, но как воля твоя, Господи, так и милость*»;
- (13) *аще пастъж(х) еси не ѿстави мене не ѿстъпи ѿ мене, а(к) скорѣѣ бли(з)* (Кирилл Туровский «Повесть о беспечном царе», ср. Пс. 37:22) – «*Если Ты пастух, не оставь меня, не отступи от меня, так как скорѣѣ близко*».

Как и в случае с рассмотренными выше назидательно-запретительными контекстами, в контекстах молитвы/мольбы отрицательный императив СВ, фокусируя внимание на конечном результате (ненаступлении ожидаемого нежелательного события), мог придавать высказываниям бóльшую категоричность, по сравнению с императивом НСВ, и таким образом использоваться для усиления молитвы. Однако утверждать это наверняка по отношению к древнерусскому периоду невозможно. Ср. с редкими для древнерусских текстов употреблениями в молитвах отрицательного императива НСВ, смещающего фокус на потенциальную многократность (14)–(15):

- (14) *и створи мл достонна оерѣсти вл(д)ть оу тебе. вышнѣи великаа сила. страшныи. не оставлани насъ* (Житие Андрея Юродивого) – «*И сделай меня достойным получить от Тебя благодать. Вышний, Сильный, Страшный (Господь), не оставляй нас*»;
- (15) *и донелѣже стонтъ миръ не наводи на ны напасти искѣшениа* (Иларион Киевский «Слово о законе и благодати») – «*И пока стоит мир, не наводи на нас напасти искушения*».

В отличие от молитв в просьбах/мольбах, обращенных к людям, отрицательные императивы СВ и НСВ встречаются в древнерусских текстах примерно в равных пропорциях. С точки зрения аспектуальной семантики, в случае выбора формы СВ внимание фокусируется на конечном результате (ненаступлении события в будущем) (16), а НСВ смещает акцент на настоящий момент (действие не должно происходить/произойти прямо сейчас), что порождает эффект «повышающейся актуальности» и «напряженности момента» (“sense of urgency” [Forsyth 1970]), ср. (17):

- (16) *не створи ми пакости а се твои кыевъ* (Суздальская летопись) – «*Не делай (букв. не сделай) мне зла, вот Киев твой*»;
- (17) *уже нгы сѧ велите мирити. то не стонтѣ на нашѣи землѣ. а жизни нашеѣи ни селъ наши(х) не губите* (Киевская летопись) – «*Если вы велите нам мириться, то не стойте на нашей земле, и жизни наших и сѧ не губите*».

Кроме того, по текстам видно, что на стилистику и построение просьб, обращенных к людям, церковные молитвы несомненно оказывали влияние. Уже в древнерусский период при обращении к людям употребление говоря-

щим отрицательного императива СВ могло преследовать дополнительную прагматическую функцию: СВ выбирается в контексте просьбы/мольбы, когда она строится по аналогии с молитвой к Богу, ср.:

- (18) *рекоу́че не ѿмѣи на ны в томъ жалобѣ <...> и не помани злобѣ нашихъ. а кр(с)тъ к намъ цѣлюи* (Киевская летопись, ср. Пс 78:8) – «Говоря: “Не вини нас <...> и не **вспоминай** (букв. **не вспомни**) наших злых дел, а крест к нам **целуй**”»;
- (19) *и нынѣ м(о)лю ти сѧ: не погуби мене (sic!), но съблюди мѧ, ако(ж) и азъ тѧ соблюдохъ* (Повесть об Акире) – «И теперь молю тебя: **не погуби** меня, но сохрани меня в целости, как и я тебя сохранил».

Использование императива СВ как эмфатически более нагруженной формы в прагматических целях хорошо прослеживается в более поздних текстах кон. XVII–XIX вв. Для этого периода уже в целом можно говорить о формировании современной оппозиции прохибитив (НСВ) vs превентив (СВ). Однако в контекстах просьбы отрицательный императив СВ встречается довольно часто тогда, когда говорящий находится ниже статусом и/или в зависимом положении от адресата. При этом список частотных глаголов, встречающихся в таких контекстах довольно ограниченный: большинство лексем совпадает с частотными в молитвах к Богу (*не дай, не погуби, не оставь, не осуди, не покинь, не откажи* и др.), ср. в молитвах: *Господи, не оставь меня; Не отвергни моления моего; Не отвержи лица Твоего; Не вниди в судъ с рабомъ своимъ; смерти не предаждь мене* и т.п.:

- (20а) *И рече король к нему: «Василий, играеши непригоже, впредки такъ не твори* (НСВ, приказ вышестоящего)». *И рече к нему королевич: «Великий королю! О семъ на мя гнѣву не поддержи* (СВ, просьба нижестоящего), *яко тако умѣю играти»* (Повесть о Василии Златовласом. 17 в.)

Ср. с НСВ:

- (20б) *Царь же рече: «Старче, проси у мене что хоцещи, а на мѣня гнева не держи»* (НСВ, вышестоящий нижестоящему) (Хождение на Восток гостя Василия Познякава с товарищи. 16 в.);
- (21) *Не оставь ты, Петр Елисеич, Макарку-то дурака... – просил Тит, вытирая непрошенную слезу кулаком* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца. 1890);
- (22) *Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастием моим, – сядьте вон на кадушечку, поближе, а то вам меня не слышно будет!* (И.С. Тургенев. Живые мощи. 1874);
- (23) *Ваше превосходительство, – хотел я было сказать, – не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою* (Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего. 1835);
- (24) *Ой, да как хотела меня мать
Да за первого отдать.
А тот первый – паренек неверный,
Ой, не отдай меня, мать*
(Русская народная песня).

В письмах кон. XVII – нач. XVIII вв. употребление отрицательного императива СВ начинает использоваться в качестве своего рода эпистолярной формулы / стилистического приема, когда пишущий как бы намеренно принижает себя перед адресатом, к которому он обращается с просьбой. И это должно усилить просьбу:

- (25) Ты пожалуй *гсдрь* мои умилис да меня горкава вын ис тюрмы *и не даи* галодныю смертю померь (Письмо Т.А. Вындомскому. 2-я пол. 17 – нач. 18 вв.);
- (26) Да билъ челом я тебе *гсдрь* дядюшка об Оленъ сестре <...> и ты *гсдрь* дядюшка изволь своих доложитъ денегъ пажалуи *гсдрь* дядюшка **не поки** еі бѣдноі по млсти своей (И. Скобелцын. Письмо В.Т. Вындомскому. 2-я пол. 17 – нач. 18 вв.);
- (27) А какъ будет к Москвѣ тотчас пришло да к тому ж *пожалуи* **не остави** при сеи нужде нас (Е. Конищев. Письмо Е.И. Суворову. кон. 17 – нач. 18 вв.);
- (28) **Не откажите** мне в покорнейшей моей просьбе: нельзя ли мне получить те провинциальные газеты, которые получались покойным НВ? (Г.И. Успенский. Письма. 19 в.).

В современном русском языке отрицательный императив СВ, хотя и гораздо реже, продолжает использоваться в прагматических целях в качестве эмфатически нагруженной формы в настоятельных просьбах. Как правило, он встречается в устойчивых выражениях: **Не откажите** мне в любезности / в моей просьбе; **Не сочтите** за труд; **Не убейте** меня отказом; **Не погубите** моей репутации; **Уж не взыщите** и др.). Бóльшая экспрессивность формы СВ довольно часто используется в рекламе (29):

- (29) У Настеньки обнаружена ретинобластома <...> Пожалуйста, помогите нам собрать деньги на лечение Настеньки, **не откажите** нашей девочке в ее будущем (Социальная реклама. Журнал «Эксперт». 2013);
- (30) Щенок-метис колли <...> ищет надежного друга и хозяина. Откликнитесь, добрые люди, **не дайте** погибнуть щенку [Объявление. Газета «Биржа плюс свой дом» 2002].

Итак, мы попытались показать, как на протяжении исторического периода различия в аспектуальной семантике влияли на формирование прагматических функций у разновидовых форм отрицательного императива, поразному актуализируя те или иные аспекты семантики. По-видимому, уже в древнерусский период в прохибитивных контекстах форма отрицательного императива СВ могла быть эмфатически более нагруженной по сравнению с императивом НСВ. Следует отметить, что данная семантическая особенность объединяет функционирование императива СВ в контексте отрицания с другими глагольными формами (презент СВ, имперфект СВ, действ. прич. наст. вр. СВ), у которых под отрицанием также может возникать семантическое наращение «ожидание наступления некоторого неблагоприятного события Р» и как следствие бóльшая экспрессивность по сравнению с формами НСВ, см. [Мишина 2020б]. Несмотря на то, что в современном русском языке СВ в императиве под отрицанием в целом сузил свой функциональный

(иллокутивный) диапазон и был практически вытеснен из сферы прохибитива, бóльшая экспрессивность и категоричность, присущие семантике отрицательного императива СВ, до сих пор успешно используются в прагматических целях.

Источники

1. Александрия // *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.
2. Вопросание Кириково // *Милюков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 358–534.
3. Житие Андрея Юродивого // *Молдован. А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.
4. Иларион Киевский «Слово о законе и благодати». По списку ГИМ, Син. 591, 2-я пол. XV в.
5. Киевская летопись / Изд. подгот. И.С. Юрьева. М., 2017.
6. Кирилл Туровский «Повесть о беспечном царе». По списку ГИМ, Синод. № 935, XVI в.
7. Моление Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н.Н. Зарубин. Л., 1952.
8. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> Дата последнего обращения 09.03.2025.
9. Новгородские берестяные грамоты // *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
10. Письма 17–18 вв. // Грамотки XVII – начала XVIII века. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. Под ред. С.И. Коткова. М., 1969.
11. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
12. Повесть об Акире // *Григорьев А.Д.* Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.
13. Повесть о Василии Златовласом // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ, под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб., 2006. Т. 15: XVII век.
14. Поучение Владимира Мономаха // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001. С. 240–256.
15. Пчела // «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Т. I. М., 2008.
16. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского. По списку РГБ, ф. 113, собр. Волоколамского монастыря, № 515, сборник XVI в., л. 395–419.
17. Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
18. *Успенский Г.И.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9. Статьи. Письма. М., 1957.
19. Хожение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ, под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 2000. Т. 10: XVI в.

Литература / References

1. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 20–39.
3. Вимер Б. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbalaspect: Grammatical meaning and context / Под ред. R. Benacchio. München, 2015. С. 586–609.
4. Гусев В.Ю. Типология императива. М., 2013. 336 с.
5. Добрушина Н.Р. Повелительное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб., 2016. С. 161–210.
6. Мишина Е.А. Отрицательный императив в древнерусском языке // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 1. С. 154–181.
7. Мишина Е.А. Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 109–135
8. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. 272 с.
9. Forsyth J.A. Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970. Pp. xiv + 386.
10. MacRobert C.M. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča. Belgrade, 2013. P. 277–291.
11. Zorikhina Nilsson N. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // Diachronic and Typological Perspectives on Verbs (=Studies in Language Companion Series 134) / Ed. by F. Josephson and I. Söhrman. 2013. P. 79–106.
12. Wiemer B. Two major apprehensional strategies in Slavic: a survey of their areal and grammatical distribution // Apprehensional constructions (in a cross-linguistic perspective) / Ed. by M. Faller, E. Schultze-Berndt, M. Vuillermet. Berlin, 2022.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СИНОНИМИЧЕСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОЛИПРЕФИКАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.Ю. Крючкова

Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского

PRAGMATIC AND SEMANTIC FUNCTIONS OF SYNONYMOUS VOWEL POLYPREFIXATION IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

O.Ju. Kryuchkova

Abstract: The paper considers the functions of verbs with two synonymous prefixes in Old Russian. It highlights the expressive and stylistic functions of such derivatives, which are part of a wide arsenal of means of repetition and linguistic complication, characteristic of the genres following the Church Slavonic written tradition. The author also characterizes the cases of semantization of synonymous prefixal stringing: actualization of metaphorical meanings of the producing uniprefix verb; support of the perfective function developing in verb prefixes; development of new quantitative-aspectual meanings (intensity, completeness, and exhaustion of action), which manifests itself most vividly in the chronicles that accumulated the features of book writing as well as folk and colloquial influence.

Keywords: Old Russian language; verb; verb prefixation; polyprefixation

Аннотация: В докладе рассмотрены функции глаголов с двумя синонимичными приставками в древнерусском языке. Выделена экспрессивно-стилистическая функция таких дериватов, входящих в широкий арсенал средств повторяемости, языкового усложнения, характерных для жанров, следующих церковнославянской письменной традиции. Охарактеризованы также случаи семантизации синонимического префиксального нанизывания: актуализация метафорических значений производящего однопрефиксного глагола; поддержка развивающейся у глагольных префиксов перфективирующей функции; развитие новых количественно-аспектуальных значений (интенсивности, полноты, исчерпанности действия), проявляющееся наиболее ярко в летописях, аккумулировавших черты книжной письменности и народно-разговорное влияние.

Ключевые слова: древнерусский язык; глагол; глагольная префиксация; полипрефиксация.

О синонимической полипрефиксации в древнерусском языке. Синонимические отношения глагольных префиксов своеобразны. Большинству русских префиксов, в отличие от суффиксов, свойственна многозначность, семантическая вариантность, разрешаемая либо на уровне так называемого внутреннего контекста (при сочетаемости с мотивирующей основой), либо в условиях более широких, межсловных, синтагматических связей. Реализуясь лишь в одном из присущих ему значений, префикс «проявляет свойства, сходные со свойствами многозначного слова» [Соколов 1972: 53]. Особенно глагольной префиксации ярко проявлялись в древнерусском языке, которому была свойственна повышенная недифференцированность, диффузность префиксальных значений, доходящая до сближения антонимических сем.

Ср.: **въннити** – ‘войти’ и ‘удалиться’ [ДРС XI–XIV вв. 1988–], **изыти** – ‘родиться, появиться’ и ‘умереть, закончить жизненный путь’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–].

Особенность приставочной многозначности заключается также в том, что в префиксальной подсистеме нет, как отмечает И. С. Улуханов, тех разных уровней обобщения словообразовательной семантики, которые свойственны суффиксальной подсистеме. Все префиксальные значения расположены «на одной плоскости» [Улуханов 1995: 387]. Не случайно для исследований, посвященных глагольной префиксации, характерно все большее ослабление гипотезы об инварианте: идея инварианта (радиальной связи всех приставочных подзначений) «трансформировалась в более общую ... идею семантической сети, или семантической системы...» [Кронгауз 1997: 17]. Компоненты, образующие семантическую систему префикса, находятся в отношениях пересечения, что обеспечивает «и связность, и диффузность значений отдельной приставки» [Там же: 9]. Истолкование же некоторых вариантных значений в качестве типовых возможно лишь в связи с наличием наиболее «представительных» вариантов, «характеризующихся широтой и регулярностью синтагматических связей». Таковы, например, инхоативное значение приставки *за-* и делимитативное значение приставки *по-*, см. [Щеболева 1980: 51].

Многозначность приставок создает пересекаемость их значений. Приставки, обладающие общим семантическим компонентом, имеют возможность употребляться в одной и той же функции при одних и тех же основах, ср. в др.-р. языке (материал, которым мы оперируем, почерпнут из словарей, включающих древнерусскую лексику [СлРЯ XI–XVII вв. 1975 –], [ДРС XI–XIV вв. 1988–], [Срезневский 1893–1903]): **вослѣдовати** – **послѣдовати** ‘последовать’; **пропяти** – **воспяти** – **распяти** ‘распять’; **постичи** – **пристигнути** ‘произойти, случиться’; **изити** – **пронти** ‘появиться’; **въннити** – **принти** ‘наступить, начаться’; **воссияти** – **просияти** ‘засиять’; **слѣучитися** – **прилѣчитися** ‘случиться’.

Вместе с тем в семантической структуре синонимических приставок присутствуют дифференциальные семы, что препятствует образованию однокорневых префиксальных дублетов [Улуханов 1967: 198]. Равнозначность приставок является всегда равнозначностью частичной, осуществляемой на уровне семантических вариантов, ср. частичную равнозначность однокорневых разноприставочных глаголов, совпадающих только в своих переносных значениях: **Ѹяти** – 1) ‘взять’; 2) ‘убавить’; 3) ‘отделить’; <...> 6) ‘захватить’ (перен.): Вышедъшу Михалкови, и **оуѸа** и болезнь велика. Ип. л.;

Объяти – 1) ‘охватить, обнять’; 2) ‘окружить’; 3) ‘обойти вокруг’; 4) ‘захватить, застигнуть’ (перен.): Въ прѣгрѣшеніи **обвѣтъ** боудеть. Ефр. крм.

Исходя из названных свойств глагольных префиксов – их частичной семантической пересекаемости – и учитывая то, что префиксальная синонимия

выявляется в синонимических отношениях префиксальных глаголов, к синонимической полипрефиксации мы относим случаи хотя бы частичного совпадения семантики двуприставочного глагола и его непосредственно производящего одноприставочного деривата, например: **Из-врати** в 3-м знач. – ‘избрать кого-л. для исполнения каких-л. обязанностей’. **Про-из-врати** в 1-м знач. – ‘то же’. **Из-вести** в 4-м знач. – ‘возвести в сан, на должность’. **Про-из-вести** в 3-м знач. – ‘то же’. **По-вѣдати** в 1-м знач. – ‘сообщить (сообщать), сказать (говорить), рассказать (рассказывать)’. **О-по-вѣдати** – ‘известить, сообщить кому-л.’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–].

Приведенный критерий синонимичности префиксов может быть усилен за счет наличия параллельных одноприставочных глаголов с совпадающими значениями (выше мы уже обращали внимание на такой параллелизм; здесь добавляем семантическую пересекаемость как одноприставочных глаголов, так и двуприставочного, включающего данные приставки). Ср.:

По-стигнути / По-стичи 1) ‘догнать, настичь’; <...> 6) ‘достичь какого-л. уровня, предела’; <...> 10) ‘выпасть на долю кого-л, случиться с кем-л.’; **Со-стигнути / Со-стичи** – 1) ‘догнать, настигнуть кого-л.’; 2) ‘достичь какого-л. предела, уровня’; 3) ‘постигнуть кого-л., случиться с кем-л.’; **Г-по-стигнути** – 1) ‘догнать, настигнуть кого-л.’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–].

Ү-должити – ‘продлить, продолжить’; **Прѣ-должитися** – ‘продолжиться’; **Прѣ-ү-должити** – ‘продлить, распространить’ [Срезневский 1893–1903].

При линейном расположении частично совпадающих по значению приставок в синтагматике слова происходит нейтрализация одних и актуализация других значений, часто – нейтрализация различий и актуализация тождеств полисемичных префиксов – явление, названное Л. И. Ройзензоном деривационно-семантической абсорбцией [Ройзензон 1970]. Например: **Посѣщати** – 1) ‘посещать, навещать’; 2) ‘оказывать милость, внимание’; 3) ‘качать’; 4) ‘производить осмотр’ 5) ‘рассматривать, исследовать’; **При-сѣщати** – 1) ‘посещать, навещать’; 2) ‘ниспосылать милость, призрение, блюсти (о Боге, святых)’; 3) ‘осматривать, обследовать’; 4) ‘смотреть, взирать’; **При-по-сѣщати** – ‘посещать, навещать’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1975 –].

Вторичная префиксация синонимического типа не изменяет значения первичнопроизводного глагола, а лишь эксплицирует коммуникативно значимый семантический вариант.

Показателем семантической и стилистической недифференцированности префиксов, участвовавших в моделях синонимической полипрефиксации, является, помимо сказанного, специфика их позиционного распределения.

Из всего многообразия префиксов, участвовавших в подобных моделях, только приставка **прѣ-** фиксируется в одной и той же позиции – в роли вторичной. Ср.: **прѣ-ү-готовати** (< **ү-готовати**), **прѣ-ис-пытати** (< **ис-пытати**), **прѣ-о-чистити** (< **о-чистити**), **прѣ-по-рүчати** (< **по-рүчати**).

Все остальные префиксы встречаются как в позиции первичных, так и в позиции вторичных. Ср., например, разные позиции префикса **по-** в составе полипрефиксальных глаголов:

(распространяемый префикс) **съ-по-хваляти** (< **по-хваляти**), **при-по-вельвати** (< **по-вельвати**), **о-по-стичи** (< **по-стичи**), **ис-по-рѹчити** (< **по-рѹчити**), **вос-по-слати** (< **по-слати**), **про-по-вѣдати** (< **по-вѣдати**), **вс-по-дѣяти** (< **по-дѣяти**);

(распространяющий префикс) **по-о-мрачитися** (< **о-мрачитися**), **по-про-по-вѣдати** (< **про-по-вѣдати**), **по-ѹ-вѹжати** (< **ѹ-вѹжати**).

Такая же позиционная свобода характерна и для других префиксов, ср.:

про-: (распространяемый) **съ-про-вадити**, **отъ-про-вадити**, **рас-про-странити**; (распространяющий) **про-из-врати**, **про-из-вести**, **про-по-вѣдати**;

из-: (распространяемый) **про-из-врати**, **про-из-вести**; (распространяющий) **из-об-нажити**, **из-на-рядити**.

Состав и функции полипрефиксальных глаголов с синонимическими приставками в древнерусских памятниках. По имеющимся словарным материалам мы выделили около 150 глаголов с двумя синонимичными приставками, употребленных в памятниках древнерусской письменности. (Заметим, что в памятниках данного периода встречается и удвоение одного и того же префикса в структуре глагольной лексики типа **съ-крыти** – **съ-съ-крыти**, **по-вѣдати** – **по-по-вѣдати**. Но это явление редкое.).

В древнерусских текстах заметна экспрессивно-стилистическая функция глаголов с синонимичными приставками. Во многих контекстах полипрефиксальные глаголы и их производящие однопредфиксные глаголы не различаются значениями, выступают как семантические дубликаты. Такое употребление наблюдается в том числе и в одних и тех же памятниках. Ср.:

Очистити / Очищати – Проочистити / Проочищати употребляются в знач. ‘очистить’:

Очисти тѣло постѣмь; Аще кѣто имать **очиштеноу** дѣшоу...;

Дарова намъ Бѣ различны жрѣтвы <...> яже аште приносимъ емоу, **проочиштѣють** насъ. Изб. Святосл. 1076 г.

Прострѣтисѣ – Распрострѣтисѣ – в знач. ‘распространиться’:

Вѣра въ вся языки **прострѣся**; Вѣра бо блѣтная по всей земли **распрострѣся** и до нашего языка Рускаго доиде. Илар. Зак. Благ. (Сбор. XV в.).

Извести – Произвести ‘возвести в сан, на должность’:

Сѣборѣмъ избѣраніе епископъ по усьпении почивѣшааго ... **извести** достоинааго; ... тако емоу [архимандриту] отъ еѣпа ... **произведеноу** быти. Ефр. крм., XII в.

Многие дупрефиксальные глаголы представляли собой греческие кальки, служили показателем следования книжно-письменной традиции, находи-

лись в ряду средств высокой риторики. Функционирование глаголов с префиксальным синонимическим нанизыванием вполне соответствовало общему панегирическому тону древнерусских литературных памятников, насыщенных различного рода повторами, см. [Улуханов 1972]. Не случайно в моделях префиксального синонимического нанизывания активны префиксы старославянского происхождения: **съ-**, **прѣ-**, **из-**, **раз-**, **воз-**: **съ-по-стигнути**, **прѣ-у-готовати**, **из-отъ-яти**, **рас-про-стрѣти**, **вос-по-слѣдовати** и под. образования (наибольшую активность вторичных префиксов **съ-** и **прѣ-** в старославянской письменности отмечает Ю.В. Филь [Филь 2011: 38]).

Синонимическая полипрефиксация выполняла также и семантические функции. Здесь можно выделить три случая (три типа семантизации синонимического префиксального нанизывания):

1. Двупрефиксный глагол актуализирует метафорические значения производящего однопредфиксного глагола. Ср.:

Ү-морити – ‘умертвить, убить’; в том. ч. в перен. знач.: *Аще бо по плоти живете, оумрети вы есть, аще ли дѣхъмъ дѣтїаниа телесьнаа оуморите, живи будете.* Апост. посл. и деяния по сп. XIV в.; **Об-у-морити** – актуализирует перен. знач. ‘лишить сил, привести в состояние сна или обморока’: *И от глас поющихъ блѣоуханно многа сонъ ны обумори, да мы успохом.* Сл. о трех мнисех, XIV–XV вв.; ср. также более позднее употребление: *Старые <...> имѣли тотъ обычай, что своихъ <...> умершихъ тѣла берегли <...> до трехъ дней, или душа въ тѣле утаилась от великия немощи, и обуморено тѣло стало.* Рим. д., 1688 г.

У-мрѣти – ‘умереть’; в том. ч. в перен. знач. (‘погибнуть’):

Въ грѣсѣхъ своемъ оумреть. Панд. Ант. XI в.; **Об-у-мрѣти** – актуализирует перен. знач. ‘лишиться чувств, обмереть’: *Обумерьши* Феврония паде прѣдъ ногама Иерея. Муч. Февронии (Усп. сб. XII–XIII вв.); позднее фиксируется знач. ‘увянуть, погибнуть (о растениях)’: *И бысть же во время оно бездождие велико <...> и обумерли бѣху плодове житнии.* Ж. Феод. Сик. (ВМЧ, XVI в.).

2. Префиксальное нанизывание выступает как средство поддержки развивающейся у глагольных префиксов перфективирующей функции (связь полипрефиксации с видообразованием отмечена, например, в [Белич 1962], [Крючкова 2024]). Вторичная префиксация актуальна в разных случаях нечеткости перфективного значения у одноприставочного деривата – либо (а) в связи с тенденцией к опрощению первичной глагольной приставки, либо (б) в связи с двувидовостью первичнопрефиксального глагола. Ср.:

а) **О-брѣсти** – **прѣ-обрѣсти**, **из-обрѣсти**; **о-дѣти** – **прѣ-одѣти** и **при-одѣти**; **о-долѣти** – **прѣ-одолѣти**; **о-ставити** – **из-оставити**; **о-стати(ся)** – **из-остати(ся)**; **про-стрѣти** – **рас-прострѣти**; **про-странити** – **рас-пространити**; **въ-купляти(ся)** – **съ-въкупляти(ся)** – **при-съвъкупляти(ся)**; **ис-ходити** – **про-исходити**, **на-чинати** – **про-начинати**.

б) **Про-вадити** – двувид. ‘прогнать (прогонять), выпроваживать (вы-проводить) кого-л.’; **От-про-вадити** – сов. ‘удалить, спровадить, прогнать’. **Раз-умѣти** – двувид. ‘понять (понимать); осознать (сознавать)’; ‘думать (обдумать)’; **По-раз-умѣти** – сов. ‘понять; постараться понять что-л.’. **По-вѣдати** – двувид. ‘предсказать (предсказывать); предвозвестить (предвозвещать)’; **Про-по-вѣдати** – несов. ‘предсказывать, предвозвещать’; **По-про-по-вѣдати** – сов. ‘предсказать, предречь’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–].

3. Оформившееся у приставок значение общей результативности становится уже в древнерусском языке базой для формирования специально-результативных значений, характеризующих особенности протекания действия, – способов глагольного действия. Именно на эту важную роль полипрефиксации указывал Н.П. Некрасов, обращаясь с полемически заостренным вопросом к сторонникам чисто грамматического понимания функций приставок: «Если бы предлоги служили для образования временных или видовых форм в русском глаголе, то для чего бы глаголу принимать по два и по три предлога?» [Некрасов 1865: 176].

Среди новых количественно-аспектуальных значений, развивающихся на базе моделей глагольной префиксальной синонимии (в абсолютном большинстве случаев вторичные синонимические приставки присоединяются к перфективному приставочным глаголам), наибольшую поддержку в древнерусском языке получают значения интенсивности, полноты, исчерпанности действия. Эти оттенки значения являются контекстно зависимыми, они эксплицируются в специфической семантико-синтаксической сочетаемости древнерусских полипрефиксальных глаголов. Новые специально-результативные значения формируются у русских двуприставочных глаголов, очевидно, в недрах народно-разговорного языка. Такие значения проявляются наиболее ярко в летописях, аккумулировавших как книжную, церковнославянскую традицию, так и язык народно-разговорный. Ср.:

Обнажити – Изобнажити ‘ограбить, разграбить’: Придоша незаконнии <...> и исѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска <...> а все **изъобнажено** и поругано. Новг. I лет.

Нарядити – Изнарядити ‘снарядить, приготовить’: Съ же Глѣбъ преже прихода ихъ **изнаряди** свои слугы и братни и поганыхъ половець множество въ оружьи.... Лавр. лет.

Провадити – Попровадити ‘отправить, отослать’: ...а обилѣе все **попровади** в Новѣгород в лодьяхъ. Новг. I лет.

Для памятников же церковно-религиозного содержания (житий, миней, псалтырей и под.) характерно (как было отмечено выше) по преимуществу стилистическое функционирование полипрефиксальных глаголов, хотя и здесь возможно развитие дополнительных модификационных оттенков (и это опять-таки значения интенсивности, полноты, исчерпанности действия). Ср.:

Омрачитися – Поомрачитися ‘покрыться мраком, потемнеть’: Иже из мира отимется слнце, то вся **поомрачатся**. Пч. XIV – XV вв. ~ XIII в.

Подѣяти – Всподѣяти ‘сделать, совершить’: Иноязычници же **всподѣяху** немало млѣрдие намѣ. Апост. XIV в.

Уготовати – Проуготовати ‘предуготовить’: Всѣ добръ расправивъ и розрадив, і всѣ **прооуготовавъ**, і оустроивъ, і все оуправивъ. Жит. Стеф. Перм. XIV в.

Простирати – Распростирати ‘распростирать’: Слнце бо сы правды, къ всѣмъ **распростираеть** луча блгодѣянию. Сл. Ио. Злат. (Усп. сб.).

Значения интенсивности, полноты, исчерпанности действия не являются семантической составляющей какой-либо определенной модели синонимической полипрефиксации. Эти значения так же, как и экспрессивно-стилистическое значение (торжественной книжности), могут быть выражены самыми разными префиксальными сочетаниями. Объединяет все подобные сочетания лишь то, что в позиции вторичных чаще всего выступают церковнославянские префиксы и, реже, семантически диффузная русская приставка **по-**.

О том, что семантические приращения, возникавшие в результате нанизывания синонимических префиксов, носили нечеткий, контекстно обусловленный характер говорит употребление одномодельных производных с разными значениями. Ср., напр., глаголы с префиксальной частью **испо-**:

Всеволодъ же **исповѣда** ему [Изяславу] все бывшее. Ипат. лет. (значение исчерпанности действия). Мало бо въдасть, а **мьного испоносить**. Изб. Св. 1076 г. (значение интенсивности действия). Тѣм же видѣвше терпѣние его <...>, **испомысливъше** яко аще не имѣлъ бы великихъ надѣжь и чаянии, то не терпѣлъ бы великихъ мукъ.... Пролог XIII в. (стилистическое употребление).

Гибкость, подвижность значений глаголов с синонимической полипрефиксацией позволяет рассматривать такие производные как элементы дискурса, слова, семантика которых возникает в дискурсе, обусловлена отношениями деривата с фразовыми конституентами предложения [Rickheit 1993].

Заключение. Таким образом, выполняя в древнерусском языке прежде всего стилистическую функцию, синонимическая полипрефиксация стала также экспликатором новых тенденций в области русской префиксации – средством развития морфологических средств видообразования; средством развития новых количественно-аспектуальных значений.

Подчеркнем еще раз, что различия эти не являлись системными, типовыми значениями первичных и вторичных приставок. Префиксы, участвовавшие в моделях синонимического нанизывания, сами по себе не различались оттенками количественной градации и далеко не всегда были дифференцированы стилистически. Указанные различия возникали как дополнительный прагма-семантический эффект словообразовательной операции префиксального усложнения.

Размытость семантических границ двупрефиксных глаголов является также следствием амбивалентной по своей природе модификационно-стилистической семантики, развивавшейся в моделях префиксальной синонимии.

Продуктивности моделей нанизывания синонимических префиксов в древнерусском языке способствует семантическая эволюция этого класса аффиксов: делокализация и развивающаяся на этой основе семантическая недифференцированность глагольных приставок, активный, но вместе с тем длительный и сложный процесс их морфологизации, видового осмысления и, наконец, развитие новых количественно-аспектуальных значений у глагольных приставок с общей результирующей семантикой. Формально выразительные модели синонимической полипрефиксации становятся в древнерусском языке удобным способом поддержки, укрепления новой префиксальной семантики.

Литература / References

1. Белич А. О славянском глагольном виде // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во Иностран. лит., 1962. С. 213–217.
2. ДРС XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Русский язык, 1988–.
3. Кронгауз М. А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке / ред. М. А. Кронгауз, Д. Пайар. М.: Русские словари, 1997. С. 4–28.
4. Крючкова О. Ю. Роль суффиксации и префиксации в истории формирования категории вида в русском языке // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. С. 224–231.
5. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб.: тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. 319 с.
6. Ройзензон Л. И. Славянская глагольная полипрефиксация: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1970. 103 с.
7. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975 –.
8. Соколов О. М. О функциональной приспособляемости русских глагольных префиксов // Вопросы языка и его истории / ред. М.Н. Янценецкая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 47–54.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1893–1903.
10. Улукханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов) // Русский язык: Грамматические исследования / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1967. С. 166–204.
11. Улукханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 135 с.

12. Улуканов И. С. Семантика способов русского словообразования // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова). М.: ИРЯ, 1995. С. 382–392.
13. Филь Ю.В. О глагольной полипрефиксации в старославянском языке // Вестник Томского гос. университета. 2011. № 352. С. 37–41.
14. Шеболева И. И. Принципы словообразовательного синтеза. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1980. 173 с.
15. Rickheit M. Wortbildung: Grundlagen einer kognitiven Wortsemantik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. 301 s.

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫ*
(на материале эпистолярных текстов второй половины XVIII в.)**

А.В. Петрухина

Тюмень, ТГМУ Минздрава России

PRAGMATIC POTENTIAL OF VERB FORMS WITH THE PARTICLE '*BY*' (*WOULD*)
(on the material of epistolary texts of the second half of the XVIII century)

A.V. Petrukhina

Abstract: The article deals with the specificity of the use of the subjunctive mood and infinitive forms with the particle '*by*' (*would*) in the private business letters of the factory owner N.A. Demidov. It is determined that the verbal forms with the particle '*by*' (*would*) function both in independent predications and in clauses of compound structures with the meaning of condition, concession, as part of the determinative clause and, depending on the situation of use, express counterfactual, optative and imperative meanings. The optative meaning is realized by modal particles, evaluative vocabulary, imperative meaning in non-categorical form is presented in impersonal and subject-predicate constructions with the purpose of inducing the subjects of the situation to change the state of affairs for the better. The counterfactual use of the subjunctive mood is found in constructions with conditional and temporal clauses.

Keywords: epistolary text of the XVIII century; subjunctive mood; hypothetical situation; imperative meaning; optative meaning; counterfactual meaning

Аннотация: В статье рассматривается специфика употребления форм сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* в частно-деловых письмах заводладельца Н.А. Демидова. Определено, что глагольные формы с частицей *бы* функционируют как в независимых предикациях, так и в придаточной части сложноподчинённых конструкций со значением условия, уступки, в составе придаточного определительного и в зависимости от ситуации употребления выражают контрфактивное, желательное и императивное значения. Желательное значение реализуется благодаря модальным частицам, оценочной лексике, императивное значение в некатегоричной форме представлено в безличных и двусоставных конструкциях с целью побуждения субъектов ситуации к изменению положения дел в лучшую сторону. Контрфактивное употребление сослагательного наклонения встречается в зависимых конструкциях с придаточными условия и времени.

Ключевые слова: эпистолярный текст XVIII в.; сослагательное наклонение; гипотетическая ситуация; побудительное значение; желательное значение; контрфактивное значение.

Морфологическая категория наклонения глагола передаёт объективную модальность: действия в форме изъявительного наклонения отражают реальную действительность, а действия в форме сослагательного и повелительного наклонений говорящий передаёт как ирреальные, имеющие соответственно значения предположительности (возможности) или побуждения [РГ 1980:

617]. В «Русской грамматике» 1980 г. и современных учебниках по русскому языку сослагательное наклонение выражается аналитически: при помощи глагола прошедшего времени и частицы **бы** (**б**), исторически восходящей к форме аориста глагола БЫТИ – 2-му, 3-му лицу ед.ч., и подчинительных союзов *чтоб, чтобы, дабы, кабы*. Расширенное понимание сослагательного наклонения предлагает автор одноимённой статьи на сайте «Русская корпусная грамматика» (<http://rusgram.ru>) Н.Р. Добрушина. К формам выражения сослагательного наклонения исследователь относит не только традиционные способы, но и независимый инфинитив с частицей *бы* (*унести бы, чтобы увидеть*), предикативы (*надо бы, лучше бы*), существительные в косвенных падежах в составе эллиптических конструкций (*пирожка бы, тебя б на мое место*), причастия (*показавшийся бы*), деепричастия (*не достигнув бы цели*), императивы (*случись бы что*) [Добрушина 2016: 102]. Последние три формы употребляются достаточно редко.

Прагматика изучает намерения говорящего или пишущего, реализуемые им в тексте посредством использования языковых знаков. Цель настоящего исследования – определить значения формообразующей частицы **бы** в эпистолярных текстах заводовладельца Н.А. Демидова в соответствии с ситуацией употребления. Функционирование глагольных форм с частицей **бы** в письмах к приказчикам обусловлено рядом экстралингвистических факторов: 1) пространственно-временными характеристиками – дистантное руководство заводами не позволяет Демидову находиться в курсе всех дел, поэтому многие вопросы он решает посредством письменной коммуникации; 2) presupпозициями – общими фоновыми знаниями Н.А. Демидова и приказчиков о предмете речи, пониманием положения дел на заводах; 3) оценкой разных ситуаций на заводах и принятием соответствующего решения.

Данное исследование выполнено на материале эпистолярных текстов заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова – одного из представителей металлургической промышленности на Урале во второй половине XVIII в. Оригиналы писем хранятся в Государственном архиве Свердловской области, копии предоставлены доктором исторических наук А.С. Черкасовой (г. Екатеринбург, «Демидовский институт»).

Деловой эпистолярный заводовладельца Н.А. Демидова, адресованный обобщенному адресату (приказчикам) в Нижнетагильскую заводскую и Петербургскую домовую конторы, имеет характер частного письма, характеризующегося обилием форм личных и притяжательных местоимений, личных глагольных форм, употреблением оценочной лексики, наличием императивных конструкций, вводимых глаголами-директивами **приказываю, определяю, подтверждаю** с цепочкой объектных инфинитивов, называющих действия волеисполнителя, или скрепой **и для того / чего ради**, являющейся формальным показателем разграничения казусной и прагматической частей документа. Каждый документ создаётся на основе получен-

ных Н.А. Демидовым рапортов от приказчиков Нижнетагильской заводской канторы и представляет собой ответную реакцию в виде распоряжений на письма приказчиков.

Политематический характер писем обуславливает необходимость одновременного принятия решения хозяином по нескольким производственным вопросам, поэтому эпистолярный текст заводчика представляет собой комплекс информативных и императивных высказываний, направленных на разрешение следующих делопроизводственных ситуаций: 1) изготовления металлургической продукции (деталей машин, оружия, винтов, железа и др.); 2) определения служителей, работников, священников к должностям и добросовестного исполнения ими служебных обязанностей; 3) заботы Демидова о физическом и материальном положении заводских людей, о повышении их уровня образования; 4) урегулирования денежных вопросов; 5) решения вопросов, связанные с досугом (выращивание растений, чтение книг).

Предметом исследования являются глагольные формы с частицей *бы* в эпистолярном тексте XVIII в., которые в отличие от современного употребления имеют ограниченный спектр сочетаемости – это глаголы прошедшего времени (1), инфинитив (2) и предикатив (3):

- (1) «К`чему с`таковымъ расположиеньемъ и`платы возстановлены дабы заводские жители никакой тягости не`чувствовали, а`исправляли`б все по`ихъ собственному желанию чтоб ихъ интересъ связанность имель с`моимъ» (13.01.1774);
- (2) «а`хотя`бъ во`удовольствие и`трои ему **зделать**, то`б я за`лишнѣ **не`почель**, ибо онъ всехъ васъ службою и`летами думаю не`моложе» (01.04.1775);
- (3) «какъ которая трава тамъ называетца и`можетъ из`онныхъ какая к`чему и`за`лекарство служить о`сем`**бы** **нехудо** с`такими людьми кто из`жителей либо найдетца и`рассказать об`нихъ можетъ» (20.05.1775).

В анализируемых письмах зафиксировано 340 употреблений конструкций с частицей *бы*, которая имеет полный и сокращённый варианты – *бы* (126 примеров), *бъ* (148), *б* (96) – и пишется слитно (294) или раздельно с предыдущим словом (46). Как видно из приведённых примеров, частица *бы* (*б*) занимает контактную (1, 3) или дистантную (2) позицию по отношению к глаголу и примыкает к союзам, частицам, местоимениям, существительным, глаголам, наречиям, часто встречается в составе следующих сочетаний: *если бы, лишь бы, только бы, хотя бы, сколько бы, весьма бы, всегда бы, которые бы, кои бы*.

1. Семантика сослагательного наклонения в независимых конструкциях. Сослагательное наклонение, выражающее объективную ирреальную модальность, во второй половине XVIII в., как и в современном русском языке, имело оптативное (гипотетическое) и побудительное (переносное) значения. Контрфактивное употребление, относящееся «к ситуации, которая не имеет места в настоящем, не имела его в прошлом и не будет иметь в будущем» [Добрушина 2016: 115], для анализируемых эпистолярных текстов не характерно, поскольку

в них отражена реальная ситуация, показывающая развитие металлургической промышленности на Урале в XVIII в. Сослагательное наклонение в форме глагола прошедшего времени с частицей *бы* насчитывает 156 конструкций со значением желания или побуждения к действию.

1.1. Желательное значение указывает на то, что ситуация представляется говорящему желательной, гипотетической, связанной с реализацией действий в будущем: (1) «и`дабы онъ для негодныхъ своихъ братьевъ, не`имел трусости к`другимъ прикащикамъ, но`**был`бы** от`того пристрастия **свободенъ**, дабы и`другихъ прикащиковъ родня, распределяемы были по`ихъ достоинствамъ бѣспристрастно...» (18.01.1774) – в данном контексте речь идёт о приказчике Григории Белом, который, по мнению заводовладельца, должен проявлять объективность при выборе на какую-либо значимую должность людей. Так, исследователь тюменских рукописных документов второй половины XVIII в. О.В. Трофимова на основе анализа текстовых категорий оценочности и модальности в жанре *выбор* выделяет общие и частные критерии, необходимые для избрания «тюменских выборщиков разных социальных слоёв» на должность [Трофимова 2021: 200].

Характер коммуникативной ситуации обуславливает выбор предиката. Так, бытийные конструкции (*быть, находится*) доминируют в независимых конструкциях и используются в ситуациях производства металлургической продукции и непрерывной работы заводов (примеры 1, 2), а также при назначении на какую-либо должность (священника, полицейского, караванного приказчика) человека и обучении служителей (примеры 3, 4):

- (1) «по`раздвишке валовъ у`шестерень в`запасъ зубцы`**бъ были подлиннѣе**, а`онные шестерн[и] болѣе следуютъ» (27.01.1776);
- (2) «и`по`отлучению`**бъ** ко`оному плотниковъ при`строении Верхнесалдинскаго новаго завода **не`было** остановки» (30.10.1778);
- (3) «и`затемъ должно определять впредь священниковъ с`такимъ наблюдѣниемъ. 1-е. Чтоб они по`числу прихожанъ могли требами исправлятца. 2-е. **Имѣли`бъ** от`нихъ порядочное содержание. 3-е. **Нѣ`были`бъ** излишествомъ и`прихожанамъ в`тягость; а`особливо 4-е. И`меня`**бъ** о`таковыхъ прибавкахъ всегдашними своими прозбами впредь **не`безъпокоили**» (15.06.1776);
- (4) «а`ко`обучению лекарскому искуству Потапу Белому с`товарищи отдать; и`приказавъ обучать оныхъ порядочно, **и`находились`бы** во`всякомъ послушании» (16.10.1778).

Таким образом, с помощью конструкций с частицей *бы* в гипотетическом значении и оценочной лексики заводовладелец определяет критерии для избрания на должность служителя, священника (3, 4), изготовления деталей и изделий из железа (1, 2). В ситуации определения караванных приказчиков Н.А. Демидов прежде всего ценит в людях надёжность и знание своего дела, поскольку от этих качеств человека зависит правильное и своевременное выполнение тех или иных обязанностей.

Желательность / нежелательность действия в конструкциях с частицей **бы** подчеркивается соответственно оценочной лексикой с положительной / отрицательной семантикой (*порядочное содержание, излишество, послушание*). Чаще всего нежелательным для хозяина заводов является растрата служителями денежных средств, и, как следствие, необходимость тщательного отбора служителей при назначении на должность:

- (1) «Из` копии со` щета Бредехина в` проездъ отсюда издержано 366 ру 39 ½ ко весьма много а` **довольно`бъ было** и` половины» (19.12.1775);
- (2) «дабы не` дать темъ **ленивцамъ** поводу надеясь на готовое содержание баловатца и` чтобъ оныхъ не` набралось со` временемъ такое количество которое себѣ и` мне **не` было`б в` тягость** чего оной канторе всемерно и` прилежно смотреть и` наблюдать» (27.09.1777).

Желательное / нежелательное значение сослагательного наклонения автор письма акцентирует при помощи ограничительных частиц **только, лишь, хотя** в составе казусной и прагматической части письма:

- (1) «и`отнодъ того не` делать дабы толко въключить въ`служители, хотя онъ мне и` не` нуженъ былъ, **лишь`бы** мое жалованье **получалъ**» (01.04.1775);
- (2) «но **только`б** листы **были не`аршинные**, а трехъчетвертныя **иметь** такое **старанье**» (23.01.1774);
- (3) «и`просить чтоб онъ принялъ ихъ от`меня здесь а`буде того не`зделать, то`б **хотя** тамъ медною манетою с`променомъ **получиль**» (04.01.1777).

Таким образом, в эпистолярных текстах Н.А. Демидова сослагательное наклонение в независимых предикациях употребляется в желательном значении при выражении бытийной пропозиции в ситуациях изготовления железа и другой металлургической продукции, назначения на должность, исполнения должностных обязанностей. Прагматический потенциал сослагательного наклонения с частицей **бы** заключается в желании говорящего модифицировать коммуникативную ситуацию таким образом, чтобы действие заводов было непрерывным, постоянным, а заводские люди (служители, приказчики, мастеровые) исполняли свой труд добросовестно, со знанием дела.

1.2. Побудительное значение – переносное употребление форм сослагательного наклонения с целью указания на необходимость совершения действия (надо бы сделать что-то), которое с точки зрения говорящего (Н.А. Демидова) в данной коммуникативной ситуации является целесообразным. Наблюдения Н.Р. Добрушиной на материале НКРЯ показали, что в переносных употреблениях сослагательное наклонение имеет две прагматические функции – смягчение сообщения о намерениях говорящего и снижение категоричности утверждения [Добрушина 2016: 102]. Данные переносные употребления сослагательного наклонения характерны для частно-делового эпистолярия XVIII в., в котором императивные жанры занимают значительную часть текста писем, отражающих объективную горнозаводскую ситуацию на Южном Урале во второй половине XVIII в. [см. об этом подробно: Глухих 2006: 76–87].

Анализ писем показывает, что конструкции с частицей **бы** в побудительном значении преимущественно употребляются в прагматической части писем в составе безличных (1) или двусоставных конструкций (2):

- (1) «когда же не`дозволить, то в`такомъ случае и`прямо ему подать, **только`б** ничего **упущено не`было**» (30.11.1777) [= только б не упустить];
- (2) «**только`бы** хот с`козлинымъ уборомъ **не`забыть исправлять** свою какъ и`прежде ревностную и`надлежащую должность» (31.12.1774) – на заводах Демидовых работали старообрядцы, одним из них был приказчик Григорий Белый, который не хотел по повелению хозяина «расстаться» с бородой.

Ограничительная частица **только (только)** с частицей **бы** служит для смягчения категоричности волеизъявления и конкретизации побудительного характера конструкции.

Анализ семантики предикатов в конструкциях с формами сослагательного наклонения в побудительном значении с оттенком некатегоричности показал доминирование глаголов со значением перемещения субъекта / объекта (*отправлять, доставлять, прислать, препроводить*), получения или передачи объекта (*взять, получить, отдать*), речевой деятельности / речевого воздействия (*дать знать, требовать, приказать*):

- (1) «да и`в`караванах`**бы отправляемы были** прикащики надежные» (01.09.1777) [= отправлять];
- (2) «и`каково подано будетъ доношение **прислана`бъ была** сюда копия для доставления оной Нижнотагилской канторе» (06.01.1774) [= прислать];
- (3) «да и`вновь даваемые наряды **чинены`бъ были** в`силу сенатскаго указу чрезъ Бергъ коллегію а`о`недоставкахъ за`прошлые годы **дано`бъ было знать**» (23.02.1777) [= необходимо чинить, дать знать].

Прагматическое употребление сослагательного наклонения отмечаем в конструкции с предикатом с семантикой речевого воздействия (приказать) с целью снизить категоричность утверждения, приказа [Добрушина 2016: 117]:

- (1) «Я`ж`**бы** и`еще **приказал** в`Сенате просить о`томъ неясномъ положении разрешения, но`отменил дабы тѣмъ не`навлечь вовсѣ указанія к`сторонѣ откупчиковой» [= не прикажу] (28.12.1774). Н.Р. Добрушина отмечает, что такое употребление сослагательного наклонения свойственно глаголам речи.

В нашем материале прагматическая функция частицы **бы** характерна для модальных глаголов *мочь, стараться*:

- (1) «а`какъ при`Нижнотагилской моей канторе таковые ученики есть из`коих выбрать одного которой поспособнѣе и`**могъ`бы** оное **исполнить...**» (18.03.1775);
- (2) «и`весма`**бы** я **довольнымъ быть могъ** ежели`б`зделал мне оное одолжение» (13.01.1774);
- (3) «для чего объявить ему Бѣлову, чтоб и`впредь сыскивая тамошнія травы, и`такъ же накладывая на`бумагу присылал при`оказіяхъ, сколько можетъ, а`болѣе всего **старался`бъ узнавать** имъ руское названіе и`къ`чему те травы цветы и`корни чрезъ жителей способными в`лекарство употребляютца» (15.06.1776).

Субъектами действия в конструкциях со значением возможности являются мастеровые и работные люди, служители, приказчики (1, 3), субъект состояния – Н.А. Демидов (2).

Таким образом, в прагматической части письма независимые конструкции с частицей **бы** имеют желательное значение, употребляются для конкретизации распоряжения заводчика, выраженного формами объектного инфинитива. Сослагательное наклонение с частицей **бы** со значением некатегоричности волеизъявления, употребляясь в прагматической части письма в составе безличных, двусоставных конструкций, служит для передачи распоряжений заводчика, побуждения субъектов коммуникативной ситуации к улучшению деятельности на заводах. Сочетание модальной частицы **только** (только) с частицей **бы** смягчает категорический императив и акцентирует внимание читателя на том, что для заводовладельца главным критерием оценки труда является усердие, добросовестное исполнение должностных обязанностей, бережное использование заводских ресурсов мастеровыми и работными людьми.

2. Прагматический потенциал форм сослагательного наклонения в подчиненных конструкциях. В письмах Н.А. Демидова зафиксировано 116 форм сослагательного наклонения в конструкциях с придаточными уступительными, условными, определительными, временными и присоединительными. Придаточные конструкции употребляются, как правило, в составе прагматической части письма в целях конкретизации, уточнения волеизъявления хозяина. При этом сослагательное наклонение маркируется либо в главной (1), либо в придаточной части (2) или в обеих частях условной конструкции (3):

- (1) «и́'буде чего при'нашихъ местахъ нетъ **то'бы** садовникъ и'в'другихъ местахъ обезда **поискаль** такихъ редко находящихся» (20.05.1775)
- (2) «да'изделка железу **хотя'б** у'кого и'не'в'препорцию **была** то от'чего оно и'чемъ поправить ближе видетъ тамъ нежели отсюда чрезъ полгода писать» (25.02.1775);
- (3) «**если б'в'силахъ** моихъ **могло быть** благоденствие имъ доставить **то'бы** ничего не'жалая стараниемъ **успешать** я **могъ**» (19.03.1774).

Значение уступки (20 примеров) выражается союзом *хотя*, частицей **НИ** в сочетаниях *как бы ни, сколько бы ни, какого бы ни*, указывает на регулярное повторение действия (хабитуальное значение), синонимично индикативным условно-уступительным придаточным, как и в современном русском языке [Добрушина 2016: 130]. Для уступительных конструкций в письмах характерно употребление отрицания в главной (1) или придаточной (2) части:

- (1) «и'потому **сколь'бы ни'старатца** толко в'такое короткое время заплатить и'в'канцелярию о'томъ платеже за'далностию уведомления доставить никоимъ образомъ по'человечеству **неможно**» (25.02.1775) [= сколь ни стараться, только в такое время заплатить невозможно];

(2) «**хотя`бъ** и в`самомъ существе в`одной фабрике такового количества якорей, **ко-лико** требуется отъ Адмиралтейской коллегии, **здѣлать не`предуспелось**, по`удобности въ якорные не`только одну, но`и`сколко потребно будетъ фабрики об-ратить» (28.12.1783) [=хотя такового количества якорей сделать не предуспелось].

Уступительные конструкции употребляются Н.А. Демидовым в пред-ставлении ситуаций изготовления железа и другой металлургической про-дукции, выполнения мастеровыми и служителями заводских работ, пересыл-ки денег, постройки сений для служащего старика Василия Балакина.

Условные конструкции (27 примеров) в частно-деловом письме XVIII в. выражаются союзами *ежели, если (если)*, что является характерной языко-вой чертой формирующегося официально-делового стиля. Анализируя ус-ловные конструкции на материале НКРЯ, Н.Р. Добрушина отмечает, что большинство из них обозначает ситуации контрфактивные [см. Добрушина 2016: 122]. В нашем материале условные конструкции в контрфактивном употреблении встречаются редко (1), в основном репрезентируются в гипо-тетическом значении (2, 3):

- (1) «**если`бъ** в`силахъ моихъ **могло`быть** благоденствие имъ доставить **то`бы** ниче-го не`жаля стараниемъ **успешать** я **могъ**» (19.03.1774);
- (2) «и`весма`**бы** я **довольнымъ`быть`могъ** ежели`бъ **зделал** мне оное одолжение» (13.01.1774);
- (3) «а`нехудо **ежели`бъ** тоже на`одной карте Нижнетагильскому с`Выйскимъ и`Чер-ноисточенским заводами планъ **сочинень и`представлень** ко`мне **быль**» (05.12.1778).

В письмах Н.А. Демидова сослагательное наклонение в условном пред-ложении употребляется, если в главной части имеются оценочные предика-тивы (*нехудо, быть / остаться довольным, удобнее, полезно, лучше*), наре-чия меры и степени (*весма*), модальные слова и глаголы с семантикой дол-женствования, необходимости, возможности (*принуждать, мочь*), воспри-ятия (*видно*).

Условно-временные конструкции выражаются союзом **когда**, обознача-ют желательное (1) или контрфактивное (2) действие. В главной части так же, как и в условных конструкциях, содержится оценочный предикат:

- (1) «а`**когда`б** **зделана`была** отсрочка с`подпискою вашею **то`б** всего **лутче**» (25.02.1775);
- (2) «Употребляемой при нижнетагильскомъ моемъ доме на`разные напитки и`съес-ные припасы расхоть, есть совсемъ вышедшей из`границъ, ибо таковымъ издерж-камъ **довольно`бъ`быть** и в`то время, **когда`бы** и я тамъ пребывание свое **имель**» (31.01.1783).

В составе придаточного определительного (29 примеров) с союзными словами *который, кой* сослагательное наклонение обозначает гипотетиче-ские ситуации, возможность реализации которых подчёркивается модаль-

ным глаголом *мочь* и зависит как от конкретного субъекта (1), так и от совокупного объекта (2):

- (1) «вышеписанной выпущенной изъ учениковъ **Замураевъ** употреблень былъ к`такой при`томъ Верхнесалдинскомъ заводе должности **при`которой`бы`могъ** и`оную ево науку **не`забытъ**, ибо по`рассмотрению моему сочиненные имъ чертежъ и`планъ доказываютъ ево изрядную понятность» (05.12.1778);
- (2) «по`удобности въ якорные не`только одну, но`и`сколко потребно будетъ **фабрики** обратить, **которые`бъ** и`впредь кароне **полезными`быть`могли**, о`чемъ доложить и`племянникамъ моимъ Александръ и`Петру Григорьевичамъ» (28.12.1783).

Предикат в главной части (*употребить, обратиться, учредить, последовать, присылать*) предполагает изменение ситуации таким образом, чтобы субъект / объект действия в определительной конструкции приносил пользу не только заводскому производству, но и людям, работающим на заводах: «учреждено было порядочное расположение, **которое`бы** при`соблюдении моей ползы **не`делало** тягости и`людямъ» (19.03.1774).

Таким образом, в эпистолярном тексте Н.А. Демидова формы сослагательного наклонения употребляются в составе сложноподчиненной конструкции с придаточным условия, уступки, времени, определительным и реализуют значение желания или контрфактивности. Наличие оценочных лексем в составе придаточной части с сослагательным наклонением подчёркивает (не)желательный характер ситуации, а контрфактивный характер ситуации отражён в придаточных со значением условия и времени.

3. Инфинитивные конструкции с частицей *бы*. Количество инфинитивных конструкций с частицей **бы** ограничено (20 примеров из 340). Независимый инфинитив с частицей **бы** употребляется в составе главной части сложноподчинённой конструкции с придаточным условия (1), в придаточной части со значением условия, уступки, времени (2), в составе вопросительной конструкции (3):

- (1) «И`буде изъ`сего что у`себя не`найдетца то`**бъ`пошарить** и около другихъ; штукъ десятковъ до пяти; какъ можно съ нарочнымъ разведаниемъ поприискать» (30.10.1778);
- (2) «и`потому **скол`бы`ни`старатца** толко в`такое короткое время заплатитъ и`в`канцелярию о`томъ платеже за`далностию уведомления доставить никоимъ образомъ по`человечеству неможно» (25.02.1775);
- (3) «и`что следуетъ о`принятыхъ на`содержание моихъ заводовъ въ`Екатеринбурге из`казны д[е]нгахъ дватцети тысячъ рублей, оное зделано такъ безрасъудно что я не`могу оному надивитца **для`чего`бъ** такъ **делатъ**, что начавъ уже принимать д[е]нги да`в`самое то время и`о`приготовлении здесь на`платежъ оныхъ такъ не`малой суммы писать» (20.05.1775)

– здесь при помощи вопроса *для чего б так делатъ* выражается удивление заводчика.

Н.П. Иордани, анализируя старорусские памятники письменности XVI–XVII вв., отмечает, что сослагательный инфинитив (инфинитив с частицей **бы**) мог выражать два значения: оценочное и побудительное. При этом оценочное значение обозначало неконтролируемую субъектом ситуацию, а побудительное значение представляло как контролируемую со стороны субъекта ситуацию, так и неконтролируемую: «пишущий определённым образом контролирует действия адресата, потому что отношения между ними строятся по модели «начальник – подчинённый» [Иордани 2022: 53]. Инфинитив с частицей **бы** в побудительном значении выполнял функцию семантического дублета форм императива и сослагательного наклонения, поэтому с течением времени под действием принципа экономии языковых средств инфинитив с частицей **бы** утрачивает значение «контролируемость» со стороны субъекта и функционирует в современном русском языке в оценочном значении [Иордани 2022: 56].

В эпистолярном тексте XVIII в. инфинитив с частицей **бы** сохраняет и желательное (1, 2), и побудительное (3) значение:

- (1) «но **когда** бь такой суммы въ `Екатеринбурге не `нашлось, в `такомъ **бы** случае **давать** оные **хотя** и `на `здешнѣ мѣсто но не `иначе какъ давъ сюда знать напередъ за `м[е]с[я]цъ» (20.05.1775);
- (2) «**но** `выгадывая время малыми суммами **дабы** в `несчастныхъ обстоятельствахъ не `могли воспользоватца ими злодейския партизаны, и `чрезъ то б не `сделать *наивысшаго* заводскимъ жителямъ в `пропитании *недостатку*» (19.03.1774);
- (3) «Просилъ меня г[о]с[по]динъ якорной мастеръ Иванъ Осиповичъ Скоробогатовъ чтоб во `оную Нижнотагилскую мою заводскую кантору не `мѣшкая принять от `жены сво находящейся на `Суксунскомъ племянника моево Александръ Григорьевича Демидова заводъ Арины Ивановны денегъ пять сотъ рублей а `вместо б оныхъ толикое жъ число **заплатить** ему здесь» (19.10.1776).

Как показал анализ примеров, желательное значение инфинитив с частицей **бы** приобретает в сочетании с ограничительно-уступительной частицей **хотя** (пример 1) или при наличии оценочной лексики (пример 2). При отсутствии модальных частиц инфинитив с частицей **бы** употребляется в побудительном значении в прагматической части письма, содержание которого направлено на разрешение вопросов о получении или выдаче денег.

Анализ глагольных форм с частицей **бы** в эпистолярном тексте второй половины XVIII в. показал, что при несовпадении фоновых знаний участников речевой коммуникации инициатор чаще использует конструкции с частицей **бы**, которые в большинстве случаев употребляются в прагматической части письма в побудительном и желательном значениях. Прагматический потенциал глагольных форм с частицей **бы** определяется делопроизводственным характером ситуации. Глагольные формы прошедшего времени с частицей **бы** реализуют желательное и побудительное значения в независимых предикациях. В подчинительных конструкциях к этим значениям добав-

ляется контрфактивное, реализуемое в конструкциях с придаточным условия, времени. Инфинитив с частицей **бы** употребляется в прагматической части писем, имеет побудительное и оптативное значения. Желательное значение в инфинитивной конструкции подчёркивается комбинацией модальной частицы **хотя** с частицей **бы** или оценочной лексикой.

Литература / References

1. Глухих Н.В. Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVII – начала XIX вв.: историко-лингвистический аспект: монография / Н.В. Глухих. 2-е изд., стер. М: ФЛИНТА, 2018. 163 с.
2. Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 102–160.
3. Иордани Н.П. К вопросу об изменении семантики инфинитива с частицей *бы* в истории русского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 3. С. 50–58.
4. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 623–624.
5. Трофимова О.В. Оценочно-модальная организация формуляра документов жанра выбор (на материале тюменских архивных документов 2-й пол. XVIII века) // Модальность. Коммуникация. Текст. Сборник научных трудов международной научной конференции. Калининград, 2021. С. 195–204.

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ
НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ФОРМАМИ 3 ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
И ИХ ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ И ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК
(на материале романа М.А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)**

Е.М. Чекалина

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF RUSSIAN INDEFINITE-PERSONAL
SENTENCES WITH THIRD-PERSON PLURAL VERB FORMS
AND THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH AND SWEDISH
(based on the material drawn from M.A. Bulgakov's
'The Master and Margarita')

E.M. Chekalina

Abstract: In translating Russian indefinite-personal sentences English more often uses the passive construction with an eliminated agent, which has no lexical constraints. The Swedish language has a variation in expressing the passive differentiated by pragmatic and predicate-type semantics. Therefore Swedish often makes use of the pronoun 'man', which has no semantic constraints and expands the range of pronominal lexemes expressing the indefinite-personal agent.

Keywords: Russian; English; Swedish; translation; the indefinite-personal sentence.

Аннотация: При переводе русских неопределенно-личных предложений на английский язык чаще всего используется пассивная конструкция с устраненным агенсом, не имеющая лексических ограничений. В шведском языке наблюдается вариативность способов выражения пассивного залога, которые различаются акциональной и прагматической семантикой. Поэтому при переводе широко используется местоимение *man*, которое не имеет семантических ограничений и расширяет круг местоименных лексем, выражающих неопределенно-личный агенс.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; шведский язык; перевод; неопределенно-личное предложение.

Идиоэтнической особенностью русского языка, по сравнению с западноевропейскими, являются односоставные бессубъектные предложения с устраненным агенсом, в которых находит отражение «особая форма мышления говорящего по-русски человека» [Пешковский 2001: 33]. Особенно широкое употребление имеют неопределенно-личные предложения с предикатом в форме 3 лица множественного числа, прагматическая семантика которых предполагает исключение говорящего из числа возможных референтов грамматического субъекта – его «отчужденность, дистанцированность» [Падучева 2012: 33], «отстраненность» [Шелякин 1991: 68] от ситуации, которая

никогда не описывается с его точки зрения [Булыгина, Шмелев 1991: 50]. Невозможность моделирования таких предложений в английском и шведском языках обусловлена их типологическими особенностями – фиксированным порядком слов и отсутствием согласовательных глагольных категорий лица и числа [Зеленецкий 2004: 172–173]. В отличие от русского языка, в английском и шведском двусоставность коммуникативно законченных высказываний является облигаторной, поэтому в них невозможен «нулевой субъект действия в конструкциях активного залога» [Лунд 2016: 214]. Для выражения устраненного агенса используются другие грамматические и лексические средства, выбор которых определяется как структурно-семантическими, так и прагматическими факторами.

Сопоставительный анализ текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»¹ и его переводов на английский и шведский языки² показывает, что одним из средств, тождественно, но не однозначно передающих семантику русских неопределенно-личных предложений, является трансформация в пассивную конструкцию с устраненным агенсом. При этом в шведском языке чаще всего используется синтетическая форма пассива с возвратным показателем *-s*, а в качестве инактивного пациенса может выступать как неодушевленный предмет, так и подвергнутое внешнему воздействию лицо, не способное на какое-либо противодействие:

Натурально, рояль *закрыли* на ключ <...> Naturally, the grand piano was locked <...>
Pianot *löstes* förstås <...>

Его *вывели*, *поместили* в отдельной комнате <...> He was taken out and put in a separate room <...> Han *fördes bort och placerades* i ensamcell <...>

После этого Ивана *повели* по пустому коридору и *привели* в кабинет <...> After this, Ivan was led down the empty and noiseless corridor and brought to an examining room <...> Sedan *fördes* Ivan längs en tom korridor till ett stort rum <...>

Как отмечают авторы шведских грамматик, при употреблении пассива на *-s* в шведском языке акцентируется характер самого процесса [Thorell 1973: 135]. При этом в фокусе внимания находятся контролируемые устраненным агенсом целенаправленные действия: в высказывании сообщается о том, что происходило с пациенсом в данной ситуации. В таких случаях, как показывают приведенные выше примеры, нередко передается цепочка динамично сменяющих друг друга действий [Лунд 2016: 218]. В последнем примере шведская форма пассива на *-s* используется шире, чем английская конструкция с пассивным причастием, при выражении инактивных процессов,

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Михаил Булгаков. Романы. Кишинев, 1988.

² Michail Bulgakov. The Master and Margarita. Translation Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London: Penguin Books, 1997; Bulgakov Mikhail. Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

которые передаются в английском языке неопределёнными глаголами, в том числе при переводе русского глагола с частицей *-ся* 'замкнуться' со значением среднего залога при инактивном грамматическом субъекте 'двери'.

Реже в переводе на шведский язык используется аналитическая конструкция с глаголом *bli* 'становиться' и причастием вторым, которая имеет результативное значение и употребляется преимущественно при одушевленном пациенсе [Teleman, Hellberg, Andersson 1999: 390]. Отмечается также, что аналитическая конструкция встречается в тех случаях, когда процесс контролируется пациенсом [Engdahl 2001: 84]:

И тут же Василия Степановича *арестовали*. And straight away Vassily Stepanovich was arrested. Vasilij Stepanovitj blev omedelbart arresterad.

Служащих *nonпосили* отправиться к своим местам <...> The staff were asked to go to their places <...> Personalen blev ombedd att var och en gå tillbaka till sitt <...>

Вместе с тем в шведском языке, в отличие от английского, есть неопределенно-личное местоимение *man*, которое, по данным проанализированного материала, используется при переводе неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа значительно чаще:

Это их *ввели* на помост. They've been led on to the platform. Nu har man lett upp dem på plattformen.

<...> меня, здорового человека, *схватили* и силой *приволокли* в сумасшедший дом!

<...> I, a healthy man, was seized and dragged by force to a madhouse! <...> man har tagit fast mig, en frisk människa, och fört mig hit till dårhuset.

А почему вас, собственно, *доставили* к нам? And why, actually, were you brought here? Varför har man nu egentligen fört hit er?

К вечеру же пятницы *нашли* и след Лиходеева. Towards evening on that same Friday, Likhodeev's trail was also found. Mot fredagskvällen fick man också upp ett spår efter Lichodejev.

Как показывают приведенные примеры, в шведских переводах в таких случаях акцентируется не сам процесс, а обстоятельства и результат его осуществления. Перевод неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа высказываниями с местоимением *man* часто встречается в контекстах, содержащих указание на множественность действий и/или их актантов:

В квартире № 50 *побывали*, и не раз, и не только *осматривали* её чрезвычайно тщательно, но и *выстукивали* стены в ней, *осматривали* каминные дымоходы. Искали тайников. Apartment n. 50 was visited, and not just once, and not only it was looked over with extreme thoroughness, but the walls were also tapped and the fireplace flues checked, in search of hiding places. Man besökte mer än en gång lägenheten nr 50, man undersökte den ytterst noggrant, man knackade i väggarna, kontrollerade rökgångarna och letade efter hemliga gömställen.

Как показывает приводимый ниже пример, при переводе на английский язык контекстов с несколькими следующими одна за другой формами 3 лица множественного числа также возможно использование вариативных средств:

А между тем всякий раз как в неё *направлялись*, решительно никого в ней не оказывалось. А *были* там уже не раз, и в разное время суток. И мало этого, по квартире *проходили* с сетью, проверяя все углы. And yet each time it was visited decidedly no one was found there. And it *had* already been visited more than once and at different times of day. And not only that, but *they had gone* through it with a net, checking every corner. Men varje gång *man tog sig in* där var lägenheten fullkomligt tom. *Man hade redan varit* där vid olika tider på dygnet. *Man hade finkammat* varje hörn av lägenheten.

Здесь, наряду с пассивной конструкцией, при переводе непереходного глагола в английском языке используется местоимение *they*.

В тех случаях, когда в ситуативном контексте содержится указание на конкретное место и время ситуации и не выраженный лексически множественный субъект, при переводе в обоих языках используется местоимение 3 лица множественного числа, которое, как и русская форма глагола, предполагает исключение субъекта речи из предполагаемых для устраненного агенса лиц:

– при обозначении людской толпы, собравшейся за стенами дворца Пилата, чтобы решить судьбу осужденных, избавив одного из них от казни: «Увидели меня», – подумал прокуратор. *They've seen* me, the procurator thought. «*De har sett mig*», tänkte prokuratorn;

– при описании того, как Ивана Бездомного отправили из ресторана у Грибоедова в психиатрическую клинику: *Схватили, связали* какими-то тряпками и *поволокли* в грузовике. *They seized* me, *tied me up* with some rags, and *dragged* me away in a track. *De tog fast mig, band mig* med de här trasorna och *kastade upp mig* på en lastbil!;

– при описании действий медицинского персонала во время обследования поэта Бездомного в клинике: Первым делом Ивана *отвели* в уголок <...> И у Ивана *выспросили* решительно всё насчет его прошлой жизни <...> Ивана *кололи, рисовали* у него ручкой молоточка какие-то знаки на коже груди, *сту-чали* молоточками по коленям, *кололи* палец и *брали* из него кровь, *кололи* в локтевом сгибе, *надевали* на руки какие-то резиновые браслеты. First, *they led* Ivan to a corner 88 <...> Thus *they got out* of Ivan everything about the past life <...> *They pricked* Ivan in the back with something, *drew* some signs on the skin of his chest with the handle of a little hammer, *tapped* his knees with the hammer, *pricked* his finger and *took* his blood, *pricked* him inside his bent elbow, *put* some rubber bracelets on his arm. Först *satte de* Ivan vid ett bord i ett hörn <...> *De drog* omsorgsfullt ur honom allting om hans föregående liv <...> *De stack* Ivan helt lätt i ryggen med något instrument, *ritade* några tecken på hans bröst med skafet till en liten hammare, *knackade* på hans knän med ytterligare små klubbor,

stack honom i ett finger och *sög ut* blod ur det, *de stack* honom i armbågsvecket, *band fast* någon sorts gummibindlar kring hans armar.

В некоторых случаях в английском переводе используется пассивная конструкция, в то время как в шведском употребляется местоимение *de*:

Исписав за Иваном целую страницу, *переввернули* её <...> В заключение *попросили* рассказать о вчерашнем происшествии на Патриарших прудах <...> Наконец Ивана *отпустили*. A whole page having been covered with writing about Ivan, it *was turned over* <...> In conclusion he *was asked* to tell about yesterday's events at the Patriarch's Ponds <...> Finally Ivan *was released*. När *de fyllt* en hel sida med anteckningar *vände de* på bladet <...> Till slut *bad de* honom berätta om vad som hade hänt igår vid Biskopsdammarna <...> Till slut *lät de* Ivan gå.

Примеры такого рода показывают, что в английском языке пассивная диате- за носит более формализованный характер и употребляется значительно шире, чем в шведском, а входящее в её состав второе причастие образуется от значи- тельно более широкого круга переходных глаголов и не ограничено лексической семантикой, предполагающей воздействие на пациенс, вызывающее изменение его состояния. Напротив, в шведском языке невозможно образование ни синте- тической формы пассива на -s, ни аналитической конструкции с причастием, например, от таких переходных глаголов, как *besöka* 'посещать, навещать', *fråga* 'спрашивать' или *be* 'просить' [Teleman, Hellberg, Andersson 1999: 361]. Это сви- детельствует о различном функционально-семантическом потенциале залоговых конструкций. Английская конструкция с причастием указывает на центростре- мительный характер направленности процесса на объект, представленный как тема высказывания. В шведском языке как синтетический, так и аналитический пассив выражают непосредственное воздействие процесса на инактивный паци- енс, изменяющее его статус.

В контекстах с непереходными глаголами в английском переводе может использоваться местоимение *they*, в то время как в шведском употребляется неопределенно-личное *man*:

Виджу, что меня *хотят убить*. I see *they want to kill* me. Jag förstår att *man vill döda* mig; Ивана *поддержали* еще несколько секунд и потом *опустили* на диван <...> Лишь толь- ко его *отпустили*, он опять было вскочил <...> *They held* Ivan for another few seconds and then *lowered* him on to the coach <...> The moment *they let go* of him, he again jumped up <...> *Man höll fast* Ivan några sekunder och *släppte* honom sedan ner på soffan <...> Så fort *man släppte* honom ville han hoppa upp igen <...> ;

В самом деле, *засадили* здорового человека в лечебницу, да еще *делают* вид, что это так и нужно! Indeed. *They lock up* a healthy man in a clinic, and *pretend* that is how it ought to be! *Man hade ju spärrat in* en frisk människa på sjukhus och till på köpet *gjort* min av att det skulle vara nödvändigt!

В некоторых случаях в шведском переводе используется форма единст- венного числа неопределенного местоимения *någon* при соотнесенности с

глаголами, обозначающими действие, предполагающее единичный агент. В английском переводе, напротив, употребляется местоимение *they* или пассивная конструкция:

Наобум позвонили в комиссию изящной словесности и, конечно, никого там не *нашли*.

They called at random to the commission on fine literature, and of course found no one there.

Någon ringde på måfå till Komissionen för skönlitteratur, men fick förstås inget svar.

Валютчик он! – выкрикивали в зале <...> He's a currency dealer, *they shouted* from the house <...> Det är han som är valutahaj, *skrek någon* i salen <...>

Ручку двери в это время *крутили* и *дергали* <...> The door handle *was all the while being turned and pulled* from outside <...> *Någon drog och slet* i dörrhandtaget vid det här laget <...>

<...> сегодня утром в грибоедовском зале голову у покойника стащили из гроба. <...> this morning in the hall of Griboedov's, the deceased's head *was filched* from the coffin.

<...> i morse var det *någon som slet bort* huvudet från liket när det låg utställt på Gribojedov.

С Садовой *сообщали*, что проклятая квартира опять подала признаки жизни в ней. Было сказано, что в ней *открывали* окна изнутри, что доносились из нее звуки пианино и пения и что в окне *видели* сидящего на подоконнике и греющегося на солнце черного кота. From Sadovaya came a report that the accursed apartment was again showing signs of life. It was said that its windows *had been opened* from inside, that sounds of a piano and singing were coming from it, and that a black cat *had been seen* in a window, sitting on the sill and basking in the sun. Det *meddelades* från Sadovaya att den fördömda lägenheten hade visat livstecken igen. *Någon* därinne hade tydligen öppnat fönstren, det hördes sång och pianomusik och *man* hade iakttagit en svart katt som satt och solade sig i fönstret.

В последнем примере неопределенно-личные предложения переводятся на шведский язык различными способами: формой пассива на -s при формальном грамматическом субъекте *det* для указания на неопределенность не только агенса, но и пациенса, неопределенным местоимением *någon* при указании на однократность и результативность контролируемого действия, а также неопределенно-личным местоимением *man* при указании на неопределенное множество лиц.

При обозначении ограниченно-конкретного места действия в обоих языках при переводе встречается собирательное существительное *people* 'люди':

В стареньком особнячке *знали*, конечно, *видели*, что приходит ко мне какая-то женщина <...> In the old house where I had that basement, *people knew* of course, *they saw* that some woman visited me <...> I det där gamla gudsförgätna huset *visste folk* förstås om det, *de hade sett* att jag fick besök av en kvinna <...>

В партере *зашевелились*, *начали* привставать <...> There was a stirring in the stalls, *people began to get up* <...> Det sorlade ytterligare på parketten, *folk reste sig* halvvägs upp <...>

Здесь первая часть предиката передается в английском и шведском языках различными лексико-синтаксическими средствами: в английском языке

экзистенциальной конструкцией *there was* и отглагольным существительным с суффиксом *-ing*, а в шведском языке безличной конструкцией с формальным подлежащим *det*.

В шведском переводе возможно также указание на множественный неопределенный агент количественным местоимением *flera* 'несколько', зд. 'некоторые':

Тут *догадались* броситься на Ивана – и *бросились* <...> Here it occurred to them to fall upon Ivan – and so *they* did <...> *Flera* drog samma slutsats samtidigt och kastade sig över Ivan <...>

Лексическое значение русского возвратного глагола 'догадаться' передается различными средствами. В английском переводе используется безличная конструкция с формальным подлежащим *it* и предложным дополнением в объектной форме *them*, которая обеспечивает «низведение» грамматического субъекта. В шведском переводе происходит лексическая замена русского глагола с идиоэтнической семантикой словосочетанием 'приняли одинаковое решение'.

Таким образом, сопоставительный анализ переводов выявляет не только типологические различия между русским и германскими языками, но и системные расхождения между английским и шведским. Шведский язык проявляет большую, чем английский, избирательность в выборе средств при переводе русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа, что обусловлено вариативностью способов выражения пассивной диатезы, различающихся акциональной и прагматической семантикой, а также широким использованием неопределенно-личного местоимения *man*. Это не только позволяет передавать значение русских неопределенно-личных предложений с любыми предикатами, но и расширяет круг местоименных лексем, содержащих указание на неспецифицированный агент.

Литература / References

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 41–62.
2. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М., Academia: 2004. 248 с.
3. Лунд К.Х. Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология. Сборник научных статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М.: МАКС ПРЕСС, 2016. С. 214–223.

-
4. *Падучева Е.В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.
 5. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Издание восьмое. М.: Языки славянской культуры, 2001. 545 с.
 6. *Шелякин М.А.* О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 62–72.
 7. *Engdahl E.* Valet av passivform i modern svenska // Svenskans beskrivning 24. Linköping Electronic Conference Proceedings 6:7. Linköping 2001. S. 81-90.
 8. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. 977 s.
 9. *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm: Esselte Studium, 1973.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Ананьева Наталия Евгеньевна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, зав. кафедрой славянской филологии, профессор, доктор филологических наук

Natalia Ananyeva, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Head of the Department of Slavic Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
email: ananeva.46@mail.ru

Бубен Анна Вячеславовна, Беларусь, Минск, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, младший научный сотрудник, магистр филологических наук

Anna Buben, Belarus, Minsk, Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Junior Researcher, Master of Philology
e-mail: anna.buben@icloud.com

Воронич Екатерина Александровна, Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, филологический факультет, магистрант

Ekaterina Voronich, Belarus, Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, Faculty of Philology, Master's student
e-mail: kathy_voronich@mail.ru

Грекова Ольга Константиновна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, доцент, кандидат филологических наук

Olga Grekova, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Associate Professor, PhD (Philology)
e-mail: olggre@list.ru

Дегальцева Анна Владимировна, Россия, Саратов, СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского, институт филологии и журналистики, доцент, доктор филологических наук

Anna Degaltseva, Russia, Saratov, Saratov Chernyshevsky State University, Institute of Philology and Journalism, Associate Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: deganna@mail.ru

Завтрикова Полина Сергеевна, Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, филологический факультет, аспирант

Polina Zavtrikova, Belarus, Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, Faculty of Philology, postgraduate student
e-mail: tumanika1@gmail.com

Кормилицына Маргарита Анатольевна, Россия, Саратов, СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского, институт филологии и журналистики, профессор, доктор филологических наук

Margarita Kormilitsyna, Russia, Saratov, Saratov Chernyshevsky State University, Institute of Philology and Journalism, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: margarita-kormil@mail.ru

Крючкова Ольга Юрьевна, Россия, Саратов, СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, профессор, доктор филологических наук

Ol'ga Kryuchkova, Russia, Saratov, Chernyshevsky Saratov National Research State University, Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: vpks@rambler.ru

Милованова Мария Станиславовна, Россия, Москва, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, филологический факультет, профессор, доктор филологических наук

Maria Milovanova, Russia, Moscow, Pushkin State Russian Language Institute, Faculty of Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: mashamilov@yandex.ru

Мишина Екатерина Андреевна, Россия, Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук

Ekaterina Mishina, Russia, Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS, Department of Linguistic Source Studies and the History of the Russian Literary Language, senior researcher, PhD (Philology)
e-mail: kmishina@mail.ru

Мызников Сергей Алексеевич, Россия, Москва, Институт Славяноведения РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, член-корреспондент РАН / Санкт-Петербург, РГПУ имени А.И. Герцена, Институт народов Севера, зав. кафедрой уральских языков, фольклора и литературы, профессор, доктор филологических наук,

Sergey Myznikov, Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Officer, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences / St. Petersburg, Herzen University, Institute of the Peoples of the North, Head of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: myznikovs@rambler.ru

Ничипорчик Елена Владимировна, Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, филологический факультет, зав. кафедрой русского, общего и славянского языкознания, профессор, доктор филологических наук

Elena Nichiporchik, Belarus, Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, Faculty of Philology, Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: evnich@gmail.com

Оганесян Гаяне Суреновна, Армения, Ереван, Ереванский государственный университет, факультет русской филологии, преподаватель, магистр филологических наук

Gayane Hovhannesian, Armenia, Yerevan, Yerevan State University, Faculty of Russian Philology, Lecturer, Master of Philology
e-mail: gayane.hovhannesian@ysu.am

Остапчук Оксана Александровна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, доцент, кандидат филологических наук

Oksana Ostapchuk, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Associate Professor, PhD (Philology)
e-mail: ostapczuk@yandex.ru

Петрухина Анастасия Владимировна, Россия, Тюмень, Тюменский государственный медицинский университет Минздрава России, Институт фундаментальной медицины, кафедра филологических дисциплин, доцент, кандидат филологических наук

Anastasia Petrukhina, Russia, Tyumen, Tyumen State Medical University, Institute of Fundamental Medicine, Department of Philological Disciplines, Associate Professor, PhD (Philology)
e-mail: kosivets@mail.ru

Петрухина Елена Васильевна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, профессор, доктор филологических наук

Elena Petrukhina, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Рощектаева Татьяна Геннадьевна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, преподаватель, кандидат филологических наук

Tatiana Roshchektaeva, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Teaching Fellow, PhD (Philology)
e-mail: tatiana.univers@mail.ru

Суркова Мария Васильевна, Россия, Саратов, СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского, институт филологии и журналистики, аспирант

Maria Surkova, Russia, Saratov, Saratov Chernyshevsky State University, Institute of Philology and Journalism, postgraduate student
e-mail: marysinv@gmail.com

Суровцева Екатерина Владимировна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет имени Феофана Затворника, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук

Ekaterina Surovtseva, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University // Theophan the Recluse Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University, senior researcher, PhD (Philology)
e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Чекалина Елена Михайловна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, зав. кафедрой германской и кельтской филологии, профессор, доктор филологических наук

Elena Chekalina, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: etchl@yandex.ru

Чернейко Людмила Олеговна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, профессор, доктор филологических наук

Lydmila Cherneyko, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: avollis@mail.ru

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа конференции

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Программа Всероссийской конференции с международным участием
**«Прагматический потенциал глагольных категорий
в русском языке»**

15–16 ноября 2024 года

Председатель оргкомитета конференции:

И.о. декана филол. ф-та МГУ доктор филол. наук, проф. *А.А. Лингарт*

Заместители председателя организационного комитета конференции:

доктор филол. наук, проф. *Е.В. Петрухина*,

доктор филол. наук, проф. *А.В. Уржа*

Члены программного комитета конференции:

доктор филол. наук, проф. *М.Л. Ремнева*,

доктор филол. наук, проф. *Н.Е. Ананьева*,

доктор филол. наук, проф. *Т.В. Пентковская*,

кандидат филол. наук, доц. *О.А. Остапчук*,

кандидат филол. наук, ст. преп. *Г.А. Филатова* (ответственный секретарь).

Конференция проводится по плану научного проекта,
поддержанного Российским научным фондом
№ 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

15 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА

10.00 – 12.30

Торжественное открытие конференции

Пленарное заседание

Приветственное слово и.о. декана филологического факультета
проф. **Андрея Александровича Липгарта**

Ведущие: *Сергей Георгиевич Татевосов, Елена Васильевна Петрухина*

Плунгян Владимир Александрович (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН)

Глагол бросать: парадоксы лексической и аспектуальной семантики

Мызников Сергей Алексеевич (Институт славяноведения РАН)

Каузативность в русском языке и каузативные глаголы в народных говорах

Татевосов Сергей Георгиевич (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

«Средний залог»: несколько наблюдений о семантике и прагматике

Петрухина Елена Васильевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Парадоксы времени в художественном воплощении (на материале романа Саши Соколова «Школа для дураков» и его чешского перевода)

13:30 – 16:00

Циммерлинг Антон Владимирович (Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина)

Аффирмативная модальность и верификация

Чернейко Людмила Олеговна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Прагматический потенциал вторичных предикатов

Добрушина Екатерина Роландовна (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

Прагматика оппозиции «причастие – прилагательное», или Чем различны жареный и жаренный?

Уржа Анастасия Викторовна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусные данные, анализ сквозь призму переводов

16:30 – 18:30

Секция 1. «Прагматика глагольных категорий в русском языке (в сопоставлении с другими языками)»

Ведущий: *Ганна Алексеевна Филатова*

Грекова Ольга Константиновна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Прагматический потенциал совершенного вида русского глагола: лёгкое действие, самопроизвольное действие

Чекалина Елена Михайловна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Прагматический потенциал русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа и их перевод на английский и шведский язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Хазанова Маргарита Игоревна (Российский государственный гуманитарный университет)

Прагматика предикатов на *-но*, *-то* в украинских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Филатова Ганна Алексеевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Формы повелительного наклонения у перцептивных глаголов: особенности функционирования и неоднозначность перевода

Рошкетасева Татьяна Геннадьевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Дискурсивные функции морфологических форм повелительного наклонения глагола в сложносочинённых предложениях с союзом *а*.

Петрухина Елена Васильевна, Жэнь Шо (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Драматический императив сквозь призму русско-английских и русско-китайских переводов (корпусное исследование)

16.30 – 18.30

Секция 2. «Функционирование русских глагольных форм и конструкций в диахронической и диалектной перспективах»

Ведущий: *Елена Андреевна Ковригина*

Пентковская Татьяна Викторовна, Шикина Екатерина Валерьевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Связка СУТЬ в переводах П.А. Толстого и С.В. Рагузинского

Матвеевко Екатерина Алексеевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Простые претериты в поздней редакции первого русского перевода «Метаморфоз» Овидия Петровской эпохи с польского языка

Трофимова Ольга Викторовна (Тюменский государственный университет)

Отрицательные глагольные конструкции в топографических описаниях России XVIII в.

Закревская Валентина Анатольевна (независимый исследователь)

Глагольные формы с постфиксом *-ся* в диалектной речи и их словарное представление

Ковригина Елена Андреевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Семантика и сочетаемость глагола *болеть* и его приставочных дериватов в архангельских говорах

Суровцева Екатерина Владимировна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Русский глагол в современных житиях (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии)

16 НОЯБРЯ, СУББОТА

10.00 – 13.00

Секция 3. «Прагматические и нарративные стратегии при деривации глагольных форм и конструкций»

Ведущий: *Елена Васильевна Петрухина*

Бубен Анна Вячеславовна (Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»)

Нарративные стратегии и глагольный вид в авторском литературном письме

Киров Евгений Флорентович (независимый исследователь)

Глагольные нулевые приставки в русском языке

Саккини Мирко (Тюменский государственный университет)

Интенсивные глаголы с циркумфиксом Об(о).....-ся и У.....-ся: их употребление в современном русском языке и дидактические выводы

Де Пой Мария Эриковна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Номинация действий пользователей Интернета в русской и сербской онлайн-коммуникации: сопоставительный анализ (на фоне английского языка)

Чумирова Виктория Евгеньевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Незаполненные валентности глагола и прагматический эффект

Подгорная Анастасия Дмитриевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Кодирование контекстов с экспериментальной семантикой в русском и осетинском языках (на материале переводов Нового Завета)

10.00 – 13.00

Секция 4. «Дискурсивные функции форм русского глагола»Ведущий: *Анастасия Викторовна Уржа***Коннова Мария Николаевна** (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта)

Семантико-прагматический потенциал глагольных форм в идиолекте И. С. Шмелева

Оганесян Гаяне Суменовна (Ереванский государственный университет)

Парное варьирование однокоренных глагольных форм как способ описания переживаний в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Ван Цяо, Уржа Анастасия Викторовна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Глаголы, вводящие прямую речь в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: семантика и прагматика

Петрухина Анастасия Владимировна (Тюменский государственный медицинский университет)

Прагматический потенциал глагольных форм с частицей бы (на материале эпистолярных текстов XVIII в.)

Ничипорчик Елена Владимировна, Воронич Екатерина Александровна (Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

Метафорические сценарии отображения ситуации начала бытия в русских глагольных предложениях

Суркова Мария Васильевна (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Глаголы семантического подмножества "Познание, узнавание, изучение, обладание знаниями": семантический и прагматический потенциал их морфологических характеристик (на материале текстов из учебников русского языка для 5 классов)

10.00 – 13.00

Секция 5. «Функциональная специфика глагольных конструкций и неличных форм»Ведущий: *Оксана Александровна Остапчук***Милованова Мария Станиславовна** (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)

Грамматическая семантика предикативных форм отглагольных существительных

Кормилицына Маргарита Анатольевна, Дегальцева Анна Владимировна (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Семантическая и прагматическая специфика отглагольных именных и наречных дериватов в современном русском языке

Остапчук Оксана Александровна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Трансформации таксисных конструкций с деепричастием при переводе с русского на родственные славянские языки

Вяльсова Анна Павловна (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

Личные и неличные формы глагола: условия выбора для обозначения звуков неживой природы

Завтрикова Полина Сергеевна (Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

Семантическая организация глагольных предложений с посессивной детерминацией пространства

14.00 – 17.30

Заключительное пленарное заседание

Ведущие: *Ольга Юрьевна Крючкова, Анастасия Викторовна Уржа*

Болдырев Николай Николаевич (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина)

Потенциал глагола в интерпретации знаний о мире

Толстая Светлана Михайловна (Институт славяноведения РАН)

Глагольные категории отглагольных имен

Ананьева Наталия Евгеньевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Категория возвратности в польском и русском языках

Мишина Екатерина Андреевна (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)

Прагматические функции и глагольный вид в русском языке в диахронической перспективе

Крючкова Ольга Юрьевна (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)

Прагматические и семантические функции синонимической глагольной полипрефиксации в древнерусском языке

Шарандин Анатолий Леонидович (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина)

Категория репрезентации русского глагола: вопрос о составе, характере деривации и функциях

17.30

Закрытие конференции

Reviewers:

O.I. Dmitrieva – Dr. Habil in Philology, Associate Professor
(Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)

M.Y. Sidorova – Dr. Habil in Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University)

The pragmatic potential of verbal categories in the Russian language:
Collection of scientific articles/ Edited by A.V. Urzha, G.A. Filatova. –
Moscow: MAKSPress, 2025. – 184 p.

ISBN 978-5-317-07474-6

<https://doi.org/10.29003/m4969.978-5-317-07474-6>

The collection contains articles reflecting the subjects of the reports presented at the Russian Scientific Conference with International Participation “The Pragmatic Potential of Verbal Categories in the Russian Language,” which took place on November 15–16, 2024, at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. The authors focus on the pragmatic and discursive potential of Russian verbs, which is determined by the close interaction of vocabulary, word formation, and grammar in different types of texts. New results are presented in the sphere of studying grammatical categories of aspect, voice, tense, the system of participles and adverbial participles, as well as a whole range of related word-formation categories and syntactic constructions of the Russian language, in synchrony and diachrony, with the use of data from dialects, Slavic and non-Slavic languages.

Keywords: linguistics, pragmatics, verb, verb categories, Russian language.

Научное издание

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сборник научных статей

Ответственные редакторы:

А.В. Уржа, Г.А. Филатова

Компьютерная верстка: *И.Б. Качинская*

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Обложка: *А.В. Кононова*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 24.11.2025 г.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 50 (1-8) экз. Заказ 145.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

